

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Издательство
Томского
университета
Томск — 1975

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1975.

В сборник включены статьи, в которых дается этимологический анализ отдельных слов индоевропейских языков, делается попытка рассмотрения глагольной системы латинского языка в исторической последовательности ее развития, поднимаются некоторые вопросы латинского синтаксиса, публикуются материалы по языкам народов Сибири.

Сборник рассчитан на преподавателей и аспирантов, а также студентов филологических факультетов.

Редактор — доцент Э. Ф. Молина

А. П. ДУЛЬЗОН

СЕЛЬКУПСКИЕ ТЕКСТЫ

Селькупский язык представляет собой совокупность целого ряда сильно различающихся диалектов, дифференциальные признаки которых нередко совпадают с дифференциальными признаками отдельных самодийских языков. Вот почему диалекты селькупского языка представляют собой исключительно большой научный интерес. Между тем опубликованных текстов почти нет. Это побуждает опубликовать некоторые из текстов, записанных участниками проведенных мною экспедиций к селькупам. Приведенные ниже тексты иллюстрируют енисейско-селькупский диалект; они записаны Н. М. Воеводиной и Е. С. Кузнецовой в пос. Келлог, Туруханского района, Красноярского края (А. П. Дульзон. Материалы по селькупскому языку, т. 35, стр. 661—678 и т. 32, стр. 397—474).

Предложения с модальными значениями

(Записаны Е. С. Кузнецовой у Н. И. Коротких)

1. на сурьп тен'емыҮйт тыл'дерака кум ас'. Этот зверь умеет летать, человек не умеет.
2. теп с'ендъ мот м'еҮо тен'емыҮйт. Он может новый дом сделать.
3. тепън'анг моҮоне кынка кытысотын, теп коч'ик кылъп кыссыт. Ему домой идти велели, он наловил много рыбы.
4. мат мач'оҮът кал'деранг тол'джисе, мат тоннанг. Я в тайге хожу на лыжах.
5. м'е тым'ендомыт мен'ий покъп. Мы купим другую сеть.
6. теп коч'ик тебӑп кыссит. Он много белок убил. теп кӱтал'исанг. Он заболел.
7. ма тибн'ама м'ел'дытко ч'аптап кытѣндит. Мой брат всегда сказку рассказывает.
8. мат п'енѣнданг нонгомендъ (нонго сӱн'дж'омондъ) андъсе. Я плаваю по реке на лодке.
9. теп тоҮолҮа ас'а тен'емыҮйт, теп манымбат кошикал'анг. Он читать не умеет, он видит плохо.
10. мат кыпа тибн'ама танемнемба тоҮолҮа. Мой маленький брат научился читать.
11. на андъ ман амана андъткӧ есынҗ еја (есенҗ енгеја). Эта лодка моей матери лодкой пусть будет.

12. ман апáма коч'ик кыл'ьп кыссит. Мой отец много рыбы наловил.

13. pollaYьн иР'ьндъ мат омданг. На чурочке я сижу.

14. мат кундъ конданг. Я долго сплю. мат теб'ьп с'идептендам. Я его разбудил.

15. ма тибн'ама сомá енга, теп уч'а. Мой брат здоров, он работает. теб'ьанг топсóтын уч'ака. Ему велели работать.

16. по омба ол'дженда, кум'ьп кыттыт. Дерево сейчас упадет, человека убьет.

17. кутар тен'ерпандъ, н'ил'джик уч'ес'анг. Как можешь (думаешь), так и работай.

18. иYа нуныч'исанг, теп'ьнанг ккл'имбока кошик енга, манымбет! Ребенок устал, ему идти плохо стало, смотри!

19. суруч'и куп кошикал'анг манымбат, теп'анг ас'а кытка енанг (кыткенга). Охотник плохо видит, он белку не сможет убить.

21. мат тапч'ел ас'а уч'анг кынданг сур'ья. Я сегодня не работаю, иду охотиться.

22. теп кып енга теп ас'а тен'емыYыт корYь кытко. Он маленький; он не сумеет медведя убить.

23. мат танонъ итам пус'кán кай асс'а тен'ерп'ес'анг кай м'индал'. Я от вас возьму ружье, может быть надумаешь и отдашь.

24. ман алакама ыкы ит'ь. Мою лодку не бери.

25. тангъл' (тангей) теб'анг ыкы ч'отет. Летнюю белку не стреляй.

26. тангъл' теб'анг кум ас'а кыттеит (кыттыYыт). Летнюю белку человек не убьет.

27. мотк'ьн ыкы нек'етес'анг. Дома не кури.

28. тымдъ кошик енга кыл'ьп кытко. Здесь плохо рыбу ловить.

29. мат кайпорYьп ыкы токал'дет ас'а м'индам. Мое платье не одевай, не дам.

30. мат китанг кошик енга кандыбий йт'ьм йт'ьмбоко. Я болею, плохо холодную воду пить.

31. тан мотк'ьндъ мат с'иртанг кай ас'а. В твою избу я войду или нет (можно мне войти).

32. тан апаYандъ ыкы н'ен'ереш'анг. На твоего отца не сердись.

33. мат тымдъ омненданг. Я тут посижу.

34. на некр'ь иYатеч'отъ тоYoidет. Это письмо для детей, читай.

35. иYа поYьт сондырна. Ребенок на улице играет. ъмата йтысыт иYата пона сондырко. Мать отпустила ребенка на улице играть. ыкы йрр'ејас'анг. Не потеряйся. мат ч'урен'данг. Я буду плакать.

36. куш'аYьт тан учандъ ыкы мул'умб'еш'анг. Когда ты работаешь, не разговаривай.

37. тат по пач'ерсал', ти тат кындал'он'эндъ омн'еYьндъ. Ты наколол дров, теперь можешь пойти к своему другу.

38. тан апáмдъ ас'а п'ел'етендал' (ас'анп'ел'етал'), н'ил'дж'инг кошик енга, ыкы м'ет. Ты отцу не помогаешь, это — нехорошо, не делай.

39. ти ирán, ти теб'ьп кытко. Теперь осень, теперь белку добывать можно.

40. тамъ аксел' кошик енга теб'ьп амко (амго) кошик енга. Этот гриб плохой, его есть плохо.

41. апáма конда, орсе ыкы мул'имб'еш'анг. Отец спит, сильно не разговаривай.

42. мат кыканг тел' мац'ондъ кынко. Я завтра хочу в лес пойти.

43. теи кыкангет м'ико loкам. Он хочет мне лису отдать.

44. н'ен'ама амырко кыкá. Сестра моя кушать хочет.

45. йт'ьн мат кыкánг амырко. Вечером мне кушать хочется.

46. теп тел'йтън тйко топсит. Он вчера вечером прийти хотел (сказал).

47. ман амáма мас'еп кыненендит. Моя мать меня возьмет.

48. тат кайпорУтп ш'йттал'. Ты будешь платье шить.

49. кысá сомбърл'имет. Песню спой. куп сомбърна. Мужчина поет. имá коймета. Женщина поет.

50. мат кайпорУтп омба мусалдендап. Я платье стирать сейчас пойду.

53. тат кай м'етал'. Ты что делаешь.

54. мат кыканг н'ай м'еко. Я хочу хлеб испечь.

55. теп неjáУындъ некър м'етыУыт. Он дочери письма пишет (делает). теп тен'емыУыт (тен'емеыт) некър м'еко. Он умеет (знает) письмо писать.

56. теп кытп кында тондъ кытко. Он идет на озеро рыбу ловить.

57. тебън мот м'ендай, теп с'ендъ мот м'етыУыт. Его дом старый, он новый дом построит. мат кыканг с'ендъ мот м'еко. Я сумею новый дом построить.

58. кай тат кыкал'. мат кыканг кондоко. Чего ты хочешь? — спать хочу.

59. теп кынко каУл'есе кыкаса. Он на нарте ехать хотел.

60. мат ас'а кыкáng мач'ондъ кынко. Я не хочу в лес идти.

62. тат ас'а кыккал' мыч'ем амко. Не хочешь ли мяса поесть.

63. мат кыканг манымбоко отам. Я хочу посмотреть оленя.

64. мат кыканг (кыкканг) ъ'тел'доко моткън. Я хочу подождать дома.

65. теп ас'а кыккá к'ен'ам амко. Он не хочет есть суп.

66. мат п'иччам ас'а амнанг. Я шуку не хочу есть.

68. иУа кел'дерУеја. Ребенок пусть бегаёт.

69. н'ен'ама ас'а тйса. Моя сестра не пришла.

70. теп они кытесит, онисй'ндж' ъ'тп кытесит. Он правильно сказал, верное слово (сказал).

71. мат кондесап с'ить ч'асандъкундъ. Я спала два часа.

73. мат тебъм ас'а кыккáng манымбоко. Я не хочу его видеть.

75. тебък ола сондырнејатын иУат. Возле него играют дети.

76. куч'ет кынко кыкал' неч'ет кынес'анг. Куда идти хочешь, туда иди.

77. м'е нонгóУондъ к'ин'джп ч'усомыт. Мы на реке забор сделаем. м'е кыл'емыт кындотын. (Иначе) наша рыба уйдет.

78. м'е кумеймыт коч' енготын, коч'енг апсѣп такоlУо надо. Наших людей много, много еды запастись нужно.

79. кен есеса п'отпей порУ токал'дет. Зима пришла, теплое пальто одень.

80. теп кйта ип'ес'анг коптаУындъ. Она болеет, пусть лежит в постели.

81. мат тен'ерпанг мач'ондъ кынко. Я думаю в тайгу идти.

82. ман амáма тен'ерпа алсъ мушироко. Моя мать хочет еду варить.

83. мат амáнач'отъ тен'ерпанг темоко л'он'чап. Я матери думаю купить платок.

84. мат тендъ ас'а кынданг, мат амáнасе уч'енданг. Я к вам не пойду, я с матерью буду работать.

85. надо м'ел'детко сомак (соманг) уч'еко. Надо всегда хорошо работать.

86. тебъп ытел'доко надо, ъ'тел'дет. Его ждать надо, жди.

87. ИҮа м'ел'детко-п'отп'ий ӱтӱп (ӱтым). ӱтърко. Ребенку надо всегда теплую воду пить.

88. м'е кыл'ӱп сомак кыттомын. Мы рыбу хорошо добываем.

89. мат должен ман апама тапч'ел' кондърко. Я должен увидеть своего отца сегодня.

90. маш'им (машип) ь'тел'доко тымдъ. Меня ждать здесь.

91. кумын (кумыт) тен'ерпотын кынко сурја, имат моткӱн кал'ен-дотын. Мужчины думают идти охотиться, женщины дома остаются.

92. ч'асок енга т'ӱтканокъндъ ч'утендомын. Холодно, у костра греться будем.

93. мотӱн ыл'ипъ тул'басе токендомын. В чуме пол пихтой стелем.

94. ч'ендӱптоко кайпорҮ надо. Белье замочить надо.

95. надо м'ен'дай оҮуродъ нытӱко. Надо старый забор сломать.

96. теп тен'ерпа по п'инко. Он должен дрова сложить.

97. апа топсит м'е тен'ерпомын андъ тапч'ил' м'ско (м'еҮо). Отец сказал, мы должны сегодня лодку сделать.

98. тендъ п'ӱтпа, мота с'итч'атет. Тебе жарко, дверь открой.

99. ама кытесит моткӱн кал'ес'анг. Мать сказала — дома остань-ся, моткӱн омдес'анг. Дома сиди.

100. кай кайпорҮӱп мат токал'ден'дап. Какую рубашку я одену.

101. тат ӱтэндал' ӱт омба. Ты пьешь воду сейчас.

102. тендъ кай татоко. Тебе что принести.

103. куш'аҮт та тибн'ал' т'ӱнда. Когда твой брат придет.

104. ман апама кытесит ч'екӱптул'е т'ӱко. Мой отец наказал скорее идти.

105. кай ман м'етам. Что я буду делать. тат моткӱн кал'енандъ. Ты дома останешься.

106. ме окурсанг тебесимыт. Мы вместе промышляли белок. теп тен'ерпа м'ико коч'ик тебӱнг. Он думает сдать много белок.

108. теп коч'енг уч'а. Он много работает.

109. мат ьтел'дендап тибн'ама. Я жду своего брата. теп омбӱ т'ӱп'-да. Он сейчас придет.

110. теп мака кетесит покӱн сороко. Он мне наказал сеть вязать.

112. апама кетесит мака тытӱп тил'око. Мой отец сказал мне, что я должен землю копать.

113. тат тибн'ал' кып енга, ыкъ мотконимбет кыпан'ел'. Твой брат — маленький, не бей маленького.

114. кетет тебӱнанг орсе ыкы мул'имбыҮја. Скажи ему: громко пусть не говорит.

115. ӱтӱн есеса, омбӱ тӱндотын сурӱп. Весна настала, скоро приле-тят птицы.

116. теп кайпорҮӱ ш'ӱттеҮыт матч'от, тел' теп матч'от ш'ӱттеҮыт. Она шьет для меня платье, завтра она мне сошьет.

118. ман olalko онӱкош аноко ас' кыкам. Я обманывать сама себя не хочу.

119. маш'им мот ӱтотын. Меня в дом пустите.

121. тап кыҮыт коч'кылӱп ме кессемян. На этой реке мы много рыбы добыли.

122. тебен'анг кетет — по: пач'ӱл'немдсја. Скажи — дрова пусть рубит.

123. локат копъ сот енга. Шкуры лисы хороши.

124. ыкы м'еҮимдсја с'ендъ мот тебӱкмыҮӱт м'ен'дай мот сом енга. Пусть не строит новый дом, у него старый дом хорош.

125. ман апама м'ен'дай, теп ырӱ уч'а. Мой отец старый, он еще работает.

126. мат тапч'ел ас'а кык'анг кыл'ып кытко, мат тел'йт'ын коч'ик кыссап. Я сегодня не хочу рыбу ловить, я вчера вечером много поймал.

127. ман ас' кыканг мул'умбоко на кумытч'отъ. Я не хочу говорить об этом человеке.

128. мат йнгол'дисам ена на ч'апт'а ай укърпар. Я бы послушала эту сказку еще раз.

129. теп пондай пот коч'ик локат'ып кыссит. Он прошлый год много лисиц добыл.

130. ман н'ен'ама мака т'ингеја кытотын. Моя сестра ко мне пусть придет, скажи ей.

131. теп м'ел'дытко мач'ондъ кал'дъра. Она обычно в лес ходит.

133. теп матч'от покъп сорнеја. Он мне сеть пусть свяжет.

132. теп к'ита. Он болеет.

134. теп сома сурыч'и кумытк'о ес'ендъ. Он хорошим охотником станет.

135. тапч'ел' теп тсн'ерпа андъп м'еко. Он надеется сегодня сделать лодку.

136. тебъп (тебым) надо йсе йтал'доко. Его надо водой напоить.

137. тан (тат) мака м'индал' комде. Ты мне дашь денег.

138. мат комдам ас' кыканг. Я деньги не хочу.

139. тебенанг по: надо. Ему дров надо.

141. пондъ надо ч'ел'ить. Деревьям надо солнце.

142. иҮа йнгол'дыҮымдеја ымамдъ. Сын пусть слушает свою мать.

143. мака надо йт. Мне нужна вода.

144. теп мач'ондъ ык'ич'ингеја. В лес пусть ходит.

145. н'ик'уть ь'отъм ыкы кетеҮымдеја. Никто слова пусть не скажет.

146. теп маш'им ь'отел'дыҮеја. Он меня пусть не ждет. тат маш'им ыкы тел'деш'анг. Ты меня не жди.

147. теп мений мыкам иҮымдеја. Он другую иглу пусть возьмет.

148. мат тибн'ама т'ингеја н'ен'анасе. Мой брат пусть придет с сестрой.

149. теп ондъ нејамдъ кыкенгет. Он свою дочь любит.

151. курастенонъ м'ен'дай куп. На вид он старый человек.

152. теп ш'юсит кайпорҮып тендъ. Она сшила тебе рубашку.

153. тат матч'от н'ай м'етал'. Мне ты хлеб состряпaeшь. тат тен'ерпандъ н'ай м'еко. Ты думаешь хлеб печь.

154. амама муш'ир'ендит к'ен'а. Мать сварит суп. амама тен'ерпа к'ен'а муш'ероко. Моя мать думает суп сварить.

155. ман омб'а кынданг (кындак). Я сейчас пойду.

156. теп курасть сома енга, сома кура́сымий куп. С виду он хорош, красивый парень.

157. ап'ама тапч'ел' он'аканг ас'а т'ин'да тен'ерпам (тен'ерпанг). Мой отец ко мне сегодня не придет, я так думаю.

158. теп маш'ип тен'емыҮыт. Он меня знает.

159. теп таш'индъ тен'емыҮыт. Он тебя знает.

160. теп ониш'йн'дж т'йса. Он, правда, пришел.

161. манмоҮо ч'енггъ с'ендъ кайпорҮыониш'йн'дж ч'енггъ тен'ерпам (тен'ерпанг). У меня нет нового платья. Правда нет, думаю.

162. мат ас'а кондертындам ониш'йн'дж. Я не вижу, правда.

163. теп ониш'йн'дж кетсит. Он правильно сказал.

165. тебъп йтет кыл'ып кытко. Отпусти его рыбу ловить.

166. н'ен'ама жетесит мак'е кол'мытко. Сестра заставляет меня петь.

168. ам'ал' поҮонемдъ сондырко кетсит иҮананг. Твоя мать на улице поиграть разрешила ребенку.

169. тат маш'ип кыдж'анедъ омдако. Ты меня оставляешь сидеть.
 170. орсе ыкы мул'ул'имб'еш'анг. Много не говори.
 171. н'ай мат тем'ендам. Хлеб я куплю.
 172. м'ен'дай по м'е п'ил'ингнендомын. Старое дерево мы будем пилить.
 174. мат ас'а кыканг андъп м'еко. Я не хочу лодку делать.
 175. мат тен'ерпам л'он'дж'ап мусол'доко. Я собираюсь платок стирать.
 176. мат топсай тебъм пуш'кал'тыш'ангко. Я наказал ему свое ружье чистить.
 177. апама кетесит макé пуш'кát тыш'ангко. Мой отец велел мне его ружье чистить.

Записано у Е. Г. Ириковой (Келлог)

О языке

1. Говорите ли вы по-русски? те мул'имбол'ин рус'ий ы° тес'а.
2. Понимаете ли вы по-русски? тен'емолин те рус'ий ы° т.
3. Я хорошо говорю по-русски. ман сом'анг мул'имбанг рус'ий ы°-т'ьс'а.
4. Я все понимаю, но сам говорить не могу. ман мундык тен'еманг, он'ам мул'имбыҮа ас тен'еманг.
5. Я понимаю, если говорят очень медленно. ман тен'еманг, кутъ мул'имбат орсе ч'ондыка.
6. Я мало понимаю. ман кып'анг тен'еманг.
7. Вы говорите слишком быстро, пожалуйста, говорите медленнее. те мул'имбол'ин орсе ч'енг. ч'ондыка мул'имбынгел'ин.
8. Я могу немного говорить, но я еще плохо говорю. ман кып'ка мул'имбанг, ман кос'икал'анг мул'имбанг.
9. Я не все понял, что вы сказали, еще раз повторите. ман мундынг ас'а тен'еманг кай те кытсол'ин, ай ук'уп'эр кыткуимбынгел'ин.
10. Сколько лет вы изучаете русский язык? кус'ей пон те уч'инг-куимбол'ин рус'ий ы°т.
11. Я изучаю русский язык три года, я читаю много. ман уч'инг-куимбанг рус'ий ы°т нок'эр пон ман ч'итангкуимбанг коч'енг.
12. Вы говорите медленно, но правильно и делаете мало ошибок, а произношение у вас плохое. те мул'имбл'ин ч'ондык, сом'анг, мул'имбытий ы°т кос'к'еҮат.
13. Русский язык мне нравится, он очень труден. рус'ий ы°т мак'а сом'еҮат, тем орсе сет'ъм'еҮат.
14. Читаете ли вы русские книги? те ч'итангкуимбол'ин рус'ий кн'ишкаймы.
15. Читаю, но мало. ман ч'итангкуимбанг, кыб'л'ип.

О возрасте

16. Сколько ему лет? кус'ей пон теб'ни.
17. Ему пять лет, ей девять лет. Мне сорок лет. теб'ни сомбыл'е пон, теб'ни ук'урч'енггытийк'от пон. манмыҮанг тес'ерий пон.
18. Ему пятьдесят. теб'ни сомбыл'сарий пон.
19. На будущий год ему исполнится тридцать лет. тидемий пон теб'ни носерый пон ес'ендат.
20. Ему нет и двадцати лет. с'итс'ерый пон теб'ни ч'енг. Двадцать лет ему исполнилось. с'итс'ерый пон теб'ни тар ас'турендет.

21. Я старше его на десять лет. ман тебънон морҮенганг кѳт пос'анг.

22. Он много моложе меня. тем маннон орсе кыпéҮат.

23. Я старше ее на пять лет. ман тебънон морҮенганг сомбыл'е пос'анг.

24. Он умер не очень старый. тем кус'ит орсе ас'а м'ен'дий поҮън.

25. Он средних лет. тем ч'ондóҮый поҮъндъ.

26. Этому ребенку шесть дней, там иҮане мукть ч'ел'.

27. Она выглядит так молодо, что я не дал бы ей тридцати лет. тем орсе имáнгеҮат ман ас'а м'ис'áнгена тебъни носерый пон.

28. Она моя ровесница. тем мас'á укурий пос'анг еҮат.

29. Ей сорок лет. тебъни тес'ерий пон.

30. Ее старший сын ровесник моему сыну. тем иҮат укурий пос'анг еҮат ман иҮан ес'áнг.

31. Он уже в зрелом возрасте. тем тиндъ (тинде) коч'енг пос'áнг еҮат.

32. Он умер в старости. тем кус'ит м'ендес'ил'а.

33. Она уже в летах. тем тиндъ имакóте с'иесит.

34. Наша бабушка очень постарела. ме имакотéмын орсе м'ендес'имбат.

О погоде

35. Сегодня хорошая погода. тапч'ел' сомá ч'ел'.

36. Очень тепло и тихо. орсе п'ѳтна ай с'ѳмыкал'анг. Хорошо греет. соманг п'ѳпат.

37. Вчерашний дождь прибил траву. тел'д'емий сырýндъ ил'л'е то-косит н'ут.

38. Пойдемте гулять, хотите? кындомын кел'д'ертен'дóмын, кы-кол'ин.

39. Такая красивая радуга! на ман соманг коттанг.

40. Погода очень хорошая. орсе сомá ч'ел'ит.

41. Сегодня прохладно, но ветра нет. тапч'ел' п'ýнгеҮат м'ергътъ ч'енг.

42. Дождя не будет, мы можем пойти в лес. сырýндъ ас'а есýндит, м'е кындомын с'ѳт.

43. Сегодня очень жарко, мы пойдем купаться. тапч'ел' орсе п'ѳтна, м'е кындомын урл'а.

44. Пойдемте в лес, там прохладно. с'ѳто кындомын тонемдъ п'ýнгеҮат.

45. Сегодня невыносимая жара и духота. тапч'ел' орсе п'ѳтна ай мунч'ипынгéҮат.

46. Сегодня душно, наверное, будет дождь. тапч'ел' мунч'ипынгéҮат, омбá (скоро) сырýндъ ес'эндит.

47. Гроза уже собирается, тучи обложили все небо. нул'л'ака соч'ендет, тить такъл'д'енророн'ет.

48. Гроза прошла стороной. нул'л'ака ал'б'емын кысит.

49. Гроза будет, посмотрите в окно, вы видите тучи. нул'лака ес'ендет, поне манымб'ес', те контол'ин тинол'им.

50. Я боюсь, что будет ветер. ман енанг м'ергъ ес'ендет.

51. Смотрите: молния! Закройте скорее окна! маныб'ет ил'д'эттй. ч'ескыпытл'а мо:да таҮдет.

52. Гром сильно гремит. ил'д'á орсе тодымбоҮыт.

53. Молния ударила недалеко, ил'д'ет тй ч'апéис'ит ас'а кундáкън.

54. Вчера целый день шел дождь. тел'ч'ел' моҮол'дырий ч'ел' сырýндъ кыс'ит.

55. Погода очень плохая: пронизывающий ветер и сильный мороз. орсе кос'тий ч'ел', акъл'бытий м'ергъ ай орсе кон'а.

56. Погода такая, что хороший хозяин на двор собаку не выгонит. нил'дий ч'ел' сома кум кананг поне ас'а ѳтендет.

57. Дождь льет как из ведра. сырын'дъ ч'анат.

58. Идет проливной дождь. сырын'дъ камдз'ит.

59. Я промок. ман акал'с'анг.

60. Дождь мне промочил голову и ноги. сырын'дъ акал'сит ол'ам ай топеимы.

61. Дождь перестает. сырын'дъ кас'ач'есит, сырын'дъ кысит.

62. Погода холодная, ч'ел'ин конггайУат.

63. Нет ветра. м'ергъ ч'енг.

64. Ветер такой, что человека с ног валит. нил'дий м'ергъ кум'ым топ'омын ил'л'е ч'атендет.

65. Я совсем замерз, у меня околели руки и ноги. ман орсе ч'еч'-ал'дисанг, ман утам ай тобап ч'еч'ал'дисет.

66. Снег падает. сыр п'индророн'ет. Снег выпал. сыр п'ис'сит. Большие снежинки падают. моУ сырл'акаймы ол'дил'ендророн'отын.

67. Сегодня плохая погода. тапч'ел' кос'тий ч'ел'.

68. Вчера была ясная погода. тел'д'ел' ес'ит ч'аныкый ч'ел'.

69. Вчера была оттепель, а сегодня мороз. тел'д'ел' п'отпа ес'ит, тапч'ел'конггайУат.

70. Будет дождь. сырын'дъ ес'ендет.

71. Завтра погода хорошая будет. тел' ч'ел'ит сомá ес'ендит.

72. Всегда холодно. м'ел'дъ конггайУат.

73. На дворе такая метель, что нигде земли не видно. поУ'н нил'-дий м'ергий — пал'дъ имдъ куч'е т'ть ас'а атет.

74. На улице ужасно темно и не видно ни зги. поУ'н орсе р'емек еУат имдъ кайни ас'а атет.

75. Очень тепло. орсе п'отпат.

76. Пришла весна, реки вскрылись. ѳтът т'ѳсит, кыйм карá ол'-дил'исотын.

77. Лед тронулся, снег тает. коим (ylyo) кыс'ит (пошел), сыр'ч'-ундророн'ет.

78. Снег уже стаял. сыр тинде ч'усит.

79. Сегодня хорошая, теплая погода. тапч'ел' сома п'отпий ч'ел'.

80. Смотрите, падает. манымб'ет ил'л'е ал'ч'исит.

81. В этом месяце будет (затмение). там преУ'ндъ есендит.

С о н

82. Как вы спали? кутар те кондысол'ин.

83. Я спал очень хорошо. ман кондыс'анг орсе сомáнг.

84. Я спал, как убитый. Я не слышал как вы встали и оделись. ман кондыл'еис'анг амыть кубый кум. ман ас'а ѳндич'исанг кутар те ине мыссол'ин ай с'ерсол'ин.

85. Я спал очень плохо. ман кондыс'анг орсе кос'икол'анг.

86. Я не могу спать. ман ас'а кондел'банг.

87. Я поздно лег и долго не мог заснуть. ман кундъл'оУ (позднее) кондыс'анг ай кундъ ас'а кондел'ес'анг.

88. У меня болели зубы и я всю ночь не спал. манмыУам тимам ч'ус'асет, ман муУулдырий пин ас'а кондис'анг.

89. Когда вы легли? те кус'аУ'н кондысол'ин.

90. Я лег рано и прекрасно спал всю ночь. ман кондыс'анг карен и соманг муУулдырий л'нбыкт кондыс'анг.

91. Проснись! Вы спите? Вставай, скорее вставай! те кондол'ин. ине с'иты'ес', ине мес'ес', ч'екуптыл'е ине мес'ес'.

92. Почему же вы меня не разбудили раньше? кайУе те мас'им ине ас'а с'идьптысол'ин окол'лоУ.

93. Я вас разбудил рано. Вы проснулись и сказали: сейчас встану, а потом, видимо, опять заснули. ман тес'индъ с'идьптыс'анг карън. те ине мысол'ин ай кытсол'ин омбá мес'ендомын, пун те ай мынепар кондал'еимбол'ин.

94. Теперь я припоминаю, что вы будили меня. Я хотел встать, а потом, незаметно для себя, уснул опять. Вчера я очень устал и поздно лег. те ман тен'еманг те мас'ам с'идептысол'ин. ман ине кай мысол'анг пун ай мынепар кондал'еис'анг. тел'дел'ман орсе н'ун'утыс'анг ай кундл'лоУ кондыс'анг.

95. Вчера не выспались, а теперь вы выспались. тел'дел' те ас'а кондел'бысол'ин, ти те конымбысол'ин.

96. Да, я хорошо выспался и отдохнул. ман сомáнг конымбыс'анг ай н'искол'с'анг.

97. Я надеюсь, что сегодня вы будете хорошо спать. мат тан'еманг. те тапч'ел' конендол'ин сомáнг.

98. Я сплю очень чутко. мат конданг орсе тен'емал'.

99. У меня есть будильник, вы его заведите. манмыУанг енгат ч'ос, те намым (его) паткъл'нел'ин.

100. Я сплю так крепко! ман конданг намындъ орсе.

101. Я страдаю бессонницей. мат соманг ас'а кондькуимбанг (я хорошо не сплю).

102. Днем вы спите? ч'ел'ен те кондькоимбол'ин.

103. Что с тобой? кутáр ес'ис'ал'.

104. Я встал два часа тому назад. ман инне мес'ис' анг с'ить ч'ас моУонé. Встать я не хочу. мес'ика ман ас'á кыкáнг.

105. Я не спал, т. к. мой сосед разговаривает во сне. Это очень плохо. ман ас'а кондыс'анг, мат кумáм кондыл'е мул'имбат. на орсе кос'к'еУат.

106. Вы мне дайте другую комнату. те макá м'инол'ин мений с'ун'д'.

107. Почему? Ведь комната очень хорошая. кайУé с'ун'дит ас'а орсе сом'еУат.

108. Комната хороша, но сосед по комнате очень неприятный. Я должен рано вставать и потому рано ложусь. Мой сосед приходит домой и начинает шуметь. сомáй с'ун'дит, илитый кум орсе кос'тэмъ. мат орсе карън мес'икоимбанг ноУé' ч'енг кондыкоимбанг. ман кумáм моУоне т'икет неиъ л'анггеч'икол'амгét.

109. Я с ним поговорю. ман тепсе мул'им'енданг.

110. Я с ним уже говорил. Он вечером снова шумел. ман тепсе тиндъ мул'имбыс'анг. үдън ай меныпар л'анггеч'икол'áпсит.

Болезни

111. Доктора вызовите на дом. доктор тытатрал'дет мот.

112. Где здесь находится (больница). кун тымдъ еУат.

113. Когда доктор осматривает: кус'áУън доктор манымбекоимбат, зубной, гинеколог, глазник, специалист по ушным болезням, по болезням носа и горла? тимий-доктор, имей-доктор, сай-доктор, кой-доктор, сой-ин'д'ей-доктор.

114. От двух до четырех часов осматривает. с'ить ч'аснон тетъ ч'астът мандél'дикóимботын.

115. Как вы себя чувствуете? кутар те кејарнол'ин.
 116. У вас что болит? темоҮндъ кай ч'ис'ет.
 117. Я чувствую себя плохо. мат кејарнанг кос'йкол'анг.
 118. Мне плохо. маká кос'к'еҮат.
 119. У меня кашель, головная боль, боль в горле. манмыҮанг кон, ал'ап ч'ис'ат, соим ч'ис'ат.
 120. Я страдаю бессонницей. кондép ч'енг.
 121. Я простудился. Что у вас болит? ман ч'еч'ал'дисанг. кајал' темоҮндъ ч'ис'ат.
 122. У меня болит голова, горло, грудь, желудок. манмыҮанг ч'ис'ат сойм, кыл'ам, мытам.
 123. Голова у меня кружится. ман ол'ам коимбат.
 124. Моя спина ноет. ман моҮал'м пес'имбат.
 125. У меня колет у груди, в пояснице, в животе. ман кыл'ам матырнат моҮал'м п'ерҮам.
 126. Меня знобит. мас'им ч'еч'ел'дикоймбат.
 127. Меня рвет. масим тóткоймбат.
 128. Я плохо ем. ман кос'икал'анг амыркоимбанг.
 129. Если я что-нибудь съем, у меня начинается изжога и живот болит. коткай ман амданг манмыҮанг сойм натҮэл'кол'амкет п'ергам ч'ис'ат.
 130. Как у вас работает желудок? те мытал' кутар сҮат. омпар (иной раз) ман мытам ч'ис'икоймбат.
 131. Стул жидкий, крепкий. манмыҮанг үдий түн, сарай түн.
 132. Сколько дней ты болеешь? кус'ей ч'ел'и тат ч'ис'андъ.
 133. Это незначительное заболевание. У тебя испортился желудок. Пейте лекарство. тан ас'а орсе кұдал'. танмыҮандъ мыдал'кос'к'ес'имбат. үдькоймбынгл'ин лекарство.
 134. (Пейте лекарство), которое я пропишу три раза в день после еды (перед едой). Скоро вы поправитесь (выздоровеете). кутаредим ман некартинданг нокурпар ч'ел'икундъ амырейукоҮондъ, амырей моҮойп'ил'аҮан. ас'а кундакын те сомес'ендол'ин.
 135. Какие болезни у вас были? кай кұдсы те кұд'сол'ин.
 136. Кроме детских болезней, я болел воспалением легких, воспалением почек и слепой кишки и воспалением уха. кус'аҮын ман кып'ес'анг, ман кұдис'анг пыкс'ей кұдис'а, калбай кұдис'а, муң'чибий к'етес'а, кой кұдис'а.
 137. Нижнюю рубашку снимите. Я выслушаю тебя. ылҮий камиипорҮал'б'йт. ман тес'индъ маным'енданг ай үнггол'денданг.
 138. Дышите глубоко носом, ртом не дышите! кејарнес' соманг ин'д'ес'а, окс'е ыкы кыјарес'.
 139. Покажите язык! атрал'дет с'ел'.

Приглашение

140. Когда вы придете к нам в гости? кус'аҮын те маká т'үндол'ин еттъл'.
 141. Надеюсь, что вы зайдете к нам! мат тен'еманг те т'үндол'ин.
 142. Заходите ко мне, буду очень рад вашему посещению (видеть вас). т'үнгл'ин маká орсе сом'енг тес'индъ манымбоко.
 143. Заходите к нам запросто. т'үнгл'ин маká олҮа.
 144. Приходите посидеть часок с нами, попить чайку и поболтать немжоко. т'үнгл'ик омдькоймбоко укур ч'ас м'ес'а, ч'ой үтоҮо ай мул'имбоко кыбык.
 144. Приходите завтра. т'үнгл'ин тел'.

145. Приду непременно. оней т'үн'данг.

146. Когда я застаю (увидю) вас дома? кус'аҮн мат тес'андь мотк'н конданг.

147. Вечером я всегда дома бываю. йд'н ман м'ел'д' мотк'н еҮанг.

148. Я вернулся из гостей поздно ночью. ман моҮоне т'уса еттенон орсе йд'нлоҮ.

149. Здесь собралось много гостей. тымд' такал'еис'отын коч'енг етт'куымбыт'мын.

150. Он у нас свой человек. тем м'емыҮын онд' кум.

151. Вам кого? теҮындын кут.

152. С вашим мужем я поговорю. те ирандыс'а ман мул'им'енданг.

153. Придите через час, сейчас его нет дома. т'ингл'ин укур ч'астыт, титем мотк'нд' с'умет (его) ч'енга.

154. Очень плохо. Он недавно ушел, но скоро вернется, орсе кос'к'еҮат. тем ас'а кундаҮн кыс'ит омба т'ундет.

155. Подождите немного. кыбык ь° тынгл'ин.

156. Я оставляю ему здесь записку, ман кал'тенданг теб'н тымд' нек'рија.

157. Можно войти? мотт' мат с'ертанг. Войдите. с'ернел'ин. Садитесь. омдангл'ин. Двигайтесь к нам. ч'акол'дес' меҮонын. Присаживайтесь! омд'коимбыл'ин. Садись! омд'с'.

158. Я к вам ненадолго. мат теҮындын ас'акунд'.

159. Я никак не могу застать вас дома. ман имд'е кутар'ни тес'иң-дын мотк'н ас'а коканг.

160. Мне очень приятно видеть вас, вот уже два года мы ничего о вас не слышали. мака орсе сом еҮат тес'индын кондеркоимбыко, с'ить пос'анг ме тес'индын ас'а йнд'сомын.

161. Вы пришли как раз кстати. те т'исол'ин омбá намыс'анг.

162. Сегодня вы останетесь у нас подольше, поужинаем, выпьем чаю. теп'чел' те кал'англ'ин мемыҮын кунд'лоҮ амертиндомын йты-лоҮ, ч'ой йт'енд'омын.

163. Не стесняйся! ыкыс'орыс'ес'.

164. Вы пригласили меня к четырем часам. те мас'им кыресол'ин теть ч'аск'н.

165. Вы зачем пришли? те кайР'е т'исол'ин.

166. Я с вами поговорю. ман тес'а мул'им'енданг.

167. Я снова с вами поговорю. ман мыныпар тес'а мул'им'енданг.

168. Я спешу, зайдите ко мне завтра. ман ч'егыптел'дембанг, тел' макá с'ернел'ин.

169. Я задержу вас только одну минутку. ман тес'индын орҮул'п'енданг ук'р м'инуттет.

170. Обождите меня здесь, я сейчас вернусь. тымд' ь° тырес' мас'им ман омбá моҮоне т'үн'данг.

171. Немного посидите. кыбык' омдангл'ин.

172. Однако я засиделся. ман кунд'лоҮ омд'с'анг.

173. Много времени прошло, я пойду. кунд' есит, мат кынданг.

Возраст человека

174. Сколько вам лет? кус'ей пон темыҮынды.

175. Я на пять лет старше вас. ман тенон сомбыл'е пос'анг мерҮенганг.

176. Сколько лет вы дадите моей сестре? кус'ей пон те м'индол'ин ман н'ен'аҮанг.

177. Ей может быть не больше двадцати лет. тебън ас'а коч'енг-лоУ с'итсэрый пон.

178. Я думал, что она моложе. мат тен'ербыс'анг теп кыбылоУ енга.

179. Когда у вашей супруги день рождения? кус'аУън те имáУън-дын ч'ел'ингбытий ч'ел'.

180. У моей жены день рождения — 30 сентября. ман имáУанг ч'ел'ингбытий ч'ел' носърей с'ебъираУъндъ (апреля).

181. Сколько лет вашему брату? кус'ей пон тат тибин'аУъндъ.

182. Тогда мы с ним одного возраста. ман тепс'а укур пос'анг еУанг.

183. Сколько лет вашему сыну? кус'ей пон те иУаУан.

184. Моему сыну только четыре года. ман иУаУанг теттъ пон.

185. Он очень крупный для своего возраста. тем орсе мерУ еУат ондъ поттъон.

186. Вашему дедушке уже очень много лет. те ил'д'акън орсе коч'енг пон еУат.

187. Ему около семидесяти лет. тебън с'ел'дийсар пон еУат.

188. Семьдесят лет! Он выглядит значительно моложе своих лет. с'ел'дийсар пон! тем ондъ поттъон кыбылоУ еУат.

Семья

189. Вы уже давно женаты (замужем)? те кудаклоУ имас'еУол'ин, те кундаклоУ ирас'еУол'ин.

190. Я замужем восемь лет. ман ирас' еУанг с'итъч'енгдийкот пон. Я женат восемь лет. ман имас' еУанг с'итч'енгдийкот пон.

191. У вас дети есть? темоУъндъ инен еУотын.

192. У меня двое детей: девятилетняя дочь и совсем маленький сын. манмыУанг с'итъ инен укурч'енгдитий нет'анг ай орсе кыпъ иУа.

193. Как зовут вашу жену (вашего мужа)? кутар кыротын те имáл'ин (те ирál'ин).

194. Мою жену зовут (моего мужа зовут)... ман имамъ кыротын... ман ирámъ кыротын...

195. Как зовут ваших детей? кутар кыротын те иУаил'ин.

196. Дочь звать..., сына. нејамъ кыротын... иУам кыротын... нејам н'иптъ (дочери имя), иУан и'ипт. н'им (сына имя).

197. Ваши родители здоровы? те ъмаил'ин соманг еУотын.

198. Мои родители давно умерли, но родители моей жены (моего мужа) живы. ме ъмаимин окон (давно) кус'отын, ман имане ъмаймы ил'отын ман иране ил'отын.

199. Я его знаю. Жену его зовут..., у них имеется взрослый сын, которого зовут... ман тебъм тен'еманг. тем имат кыротын... тебънмыУън еУат мерУ иУат, тебъм кыротын...

200. Сني не похожи друг на друга. тебън ондъкосиндоУо ас' п'н-терботын.

201. У вас есть братья? мемыУън еУат тибижатын.

202. У меня тетя, дядя, двоюродный брат (кузен), двоюродная сестра, внук. манмыУанг имеја, ил'д'а, кетс'ан. тем ъомыкытий, ес'и-кытий.

203. Когда он осиротел? кус'аУън тем ъомыколáнг ъс'икол'анг кал'ес'ит. Когда он без матери и отца остался.

204. Три года тому назад моя тетя усыновила его. нокър пос'анг ман им'йјам ис'ит тебъм.

205. Ваша сестра замужем, теперь она вдова, те н'ен'ал'ин ирас' еУат, ти тем ас'а ирас' еУат.

206. Она была замужем, тем ираја сс'ит.

207. Она давно овдовела? тем окон пл'ат иракел'а.

208. Ее муж умер, тем иратъ кус'ит.

Приготовление пищи

209. Мы торопились. Уже довольно поздно, а нам еще столько надо варить, жарить и печь. ме ч'екептел'дисомын. орсе кундъ ес'ит, меУьне ай намес'анг мус'иръко, п'иръко.

210. Скажи, что мне делать, мама? томдъ кай ман ай м'етанг,амá.

211. Печку затопи! соУор ч'отет!

212. Дрова уже горят, по тиндъ амкол'апс'отын.

213. Поставь на печку воду на суп. ън каретотен к'ен'итке со-Уорн'ендъ.

214. Ты уже солила суп? тан тинде к'ен'и с'еРсе п'иссáл'.

215. Нет еще. ис' тарáс'.

216. Посолить его? с'еРсе п'индъ.

217. Да, но смотри, не пересоли! манымбет коч'енг ыкы п'индъ.

218. Хорошо, мама. сомáнг еУат, амá.

219. Вода уже кипит? ън тиндэ му:с'ат.

220. Уже кипит, я буду чистить рыбу. тиндэ му:с'ат, ман ч'ис'т'-ингн'енданг кыл'.

221. Гусь не пригорит? тóка тўыкы амнеја.

222. Я сейчас переверну гусиное мясо. ман омбá п'иУъл'денданг тóгон меч'.

223. Наша сковорода слишком мала для такого большого гуся. ме којол'мын орсэ кып еУат там мерУ тóган.

224. Мы отварим рыбу или будем ее жарить? ме му:сириндомын кыл'ай п'ир'ендомын.

225. Посадить (поставить) уже пирог в печку? апсийпудий н'ай тотэт соУорпорендъ.

226. Мясо уже готово? меч' тиндэ му:сис'ит.

227. Нет, мясо еще не совсем сварилось. ас'á, меч'сомáнг тарáс' мус'ендыт.

228. Гусятина хорошо прожарилась, тóка сомáнг п'иресит.

229. Ты не слишком сильно наперчила мясо? тан коч'енг ас'а п'ис'-с'áл' меч'ендъ (перец).

В. П. БЕРКОВ

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ОПОРНОМ СЛОВЕ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Одним из спорных вопросов лексикографии как двуязычной, так и одноязычной, является проблема опорного (стержневого) слова словосочетания.

В литературе, посвященной теоретическому рассмотрению вопросов словосочетания и, в частности, фразеологии, проблеме опорного слова обычно не уделяется внимание, и она решается «мимоходом и по-разному в процессе классификации фразеологических единиц¹⁾». Работ, специально посвященных опорному (или стержневому) слову, почти нет.

Нет необходимости аргументировать важность вопроса об опорном слове словосочетания для практики лексикографического описания языка. Неправильное его решение приводит, в частности, к увеличению времени, необходимого для отыскания нужного читателю словосочетания в словаре, усложнению этого отыскания²⁾ или к дублированию материала, когда одно и то же словосочетание приводится в словаре дважды (и даже большее количество раз)³⁾.

Говоря о словосочетании в связи с опорным словом, мы будем иметь в виду как устойчивые, так и идиоматические (по И. А. Мельчуку) словосочетания⁴⁾.

¹⁾ Л. О. Липська. Визначення стрижневого слова у фразеологічних одиницях сучасної німецької мови — «Лексикографічний бюлетень», вип. 9, Київ, 1963, стр. 56.

²⁾ Ср. замечание А. М. Бабкина (о толковых словарях). «Отдельные фразеологизмы нередко находятся в неожиданных для пользующихся словарями местах, так что в справочном отношении они оказываются почти потерянными». А. М. Бабкин. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964, стр. 10.

³⁾ Ряд примеров на такую неоднократную подачу одного и того же фразеологизма в одном словаре приводит Н. Г. Корлэтану (Вопросы фразеологии в двуязычных и толковых словарях.— В кн.: «Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания». Фрунзе, 1964, стр. 22). В «Р.-рум. сл.» (1959), например, пословица овчинка выделки не стоит приводится трижды — под словами овчинка, выделка и стоит. Характерно при этом, что часто в разных местах даются разные эквиваленты. Справедливость требует, однако, отметить, что в своем «Р.-рум. сл.» (1967) Н. Г. Корлэтану сам повторяет ту же ошибку. Пословица овчинка выделки не стоит в его словаре дана дважды (под овчинка и под выделка), словосочетание глас вопиющего в пустыне — трижды, и критикуемая им двойная подача сочетания аютины глазки в словаре 1959 г. имеется и в его словаре. Некоторые другие примеры такой двойственной подачи словосочетаний в «Р.-рум. сл.» (1967) см. ниже. Аналогичное положение встречается даже в кратких словарях, например, в «Кратком сомали-русском и русско-сомали словаре» (1969), где десятки словосочетаний приведены дважды и даже трижды.

⁴⁾ Ср.: И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 73—80.

Анализ ряда словарей показывает, что в лексикографической практике применяются несколько различных критериев выделения опорного слова словосочетания. Их можно свести к следующим основным:

1. Критерий синтаксический. Суть такого выделения опорного слова состоит в том, что различным частям речи, входящим в словосочетание, придается различная значимость, т. е. одни признаются более важными, чем другие, и потому считаются грамматическим центром словосочетания и более предпочитаются в качестве опорного слова. Такая схема «убывающей значимости частей речи», описанная Х. Касаресом⁵⁾, применялась, например, в испанском академическом словаре; использовалась следующая шкала: существительное, глагол, прилагательное, местоимение, наречие и т. д. Х. Касарес сам указывает на слабости этих правил и, критикуя схему Х. Кенистона (руководителя группы составителей «Опыта словаря средневекового испанского языка»), в принципе аналогичную схеме Касареса, но устанавливающую иную иерархию частей речи, признает, что «проблема каталогизации многочисленных выражений еще не получила удовлетворительного решения»⁶⁾.

2. Критерий порядка компонентов. Словосочетание помещается под первым знаменательным словом. Такой порядок размещения фразеологизмов признается на основании эксперимента некоторыми авторами целесообразным для школьных словарей⁷⁾, но обычно этот принцип не применяется в современной лексикографии⁸⁾. К недостаткам такой подачи по первому компоненту следует отнести следующие: а) при применении этого чисто формального критерия многие фразеологизмы могут оказаться отнесенными к одному и тому же слову, что приведет к нерациональному увеличению статьи и вследствие этого к затруднению пользования словарем, (например, отыскание по словицы *большому кораблю* — *большое плавание* под словом *большой*); б) первый элемент словосочетания может быть, с одной стороны, факультативным, а с другой — иметь лексические варианты, и в этих случаях последовательное применение данного принципа потребовало бы многократного приведения в словаре одного и того же словосочетания⁹⁾.

3. Критерий семантический. Предполагается, что каждый фразеологизм (идиом, идиоматическое сочетание и т. п.) имеет некий семантический, или смысловой, центр, т. е. слово, «несущее основную семантическую нагрузку» («Нем.-р. сл.», 1958, стр. 9), «наиболее значимое» (Мал. Ак. Сл., I, IX), «ведущее слово, являющееся константой, т. е. устойчивым элементом фразеологии» («А.-р. фраз. сл.», 1956, стр. 8; «Нем.-р. фраз. сл.», 1956, стр. 13), «естественно выступающее главным»¹⁰⁾; «доминирующее»¹¹⁾ и т. д. Характерно, что обычно это опре-

⁵⁾ Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 111.

⁶⁾ Там же, стр. 112.

⁷⁾ В. И. Перебейнос, Е. С. Блиндус, А. В. Чумак. К вопросу о словаре учебного типа. — «Лексикографический сборник», № 2, (М., 1957), стр. 17.

⁸⁾ Н. Г. Корлэтяну. Указ. соч., стр. 21. Отказ от этого принципа, естественно, не означает невозможности того, что опорное слово, выделенное на основании применения иного критерия, окажется при этом первым в словосочетании. Н. Г. Корлэтяну (стр. 21—22), перечисляя условия, когда фразеологизмы помещаются при первом знаменательном слове, по существу, описывает два совершенно различных критерия выделения опорного слова.

⁹⁾ О недостатках этого метода для фразеологических словарей см.: А. В. Кунин. Предисловие к «Англо-русскому фразеологическому словарю». М., 1956, стр. 8.

¹⁰⁾ Norsk riksmålsordbok. Bd. 1, Oslo, 1937, s. XI.

¹¹⁾ Н. Г. Корлэтяну. Указ. соч., стр. 22.

деление не уточняется, поскольку считается, очевидно, что этого определения достаточно для однозначного понимания всеми того, какое слово в каждом конкретном случае является опорным. На деле это, разумеется не так, и различия от словаря к словарю велики даже в тех случаях, когда в предисловиях указывается на применение одного и того же принципа. Например, немецкое словосочетание *dickes Geld* «большие деньги (*разг.*)» в «Нем.-р. фраз. сл.» дано под *Geld* (под *dick*, нет даже отсылки к *Geld*), а в «Нем.-р. сл.» (1958) — под словом *dick*. Нередки противоречия у одного и того же автора. Так, например, Н. Г. Корлэтяну в своей теоретической работе пишет, что в словосочетаниях типа *легирующая* (следует *легирующая*. — В. Б.) *сталь*, *артезианский колодец*, *исландский шпат* доминирующим словом является прилагательное, «поскольку оно наиболее значимо с семантической точки зрения и именно оно превращает данное словосочетание в терминологический фразеологизм»¹²⁾, а в своем «Р.-рум. сл.» (1967) словосочетание *плавиновый шпат* помещает дважды — под словом *плавиновый* и под словом *шпат*; точно так же дважды приведены в этом словаре словосочетания *полевой шпат*, *артезианский колодец*, *бессемеровская сталь*, *станковый пулемет* и др. Ср. далее высказывание «Доминирующая роль прилагательных особенно очевидна при их образовании от собственных имен... Антонов огонь... евстахиева труба... фаллопиева труба. Фразеологические единицы и следует помещать в словаре именно при трактовке этих доминирующих в словосочетаниях частей речи»¹³⁾ и факт двукратного помещения в «Р.-рум. сл.» этих же словосочетаний.

Определение «семантического центра» фразеологизма, как это явствует из лексикографической практики, производится разными составителями словарей по-разному и потому весьма субъективно. Это связано с тем, что, как утверждается рядом исследователей, само понятие смыслового центра фразеологизма неправомерно, потому что значение фразеологизма невыводимо из значений отдельных компонентов и, выделяя один из этих компонентов в качестве главного, мы искусственно членим значение фразеологизма¹⁴⁾.

4. Критерий частотности слова. Словосочетание приводится при том из входящих в него слов, которое является наиболее редким, наименее употребительным. Хотя этот принцип в лексикографической литературе нам встретился сформулированным в явном виде всего один раз¹⁵⁾, он фактически широко применяется на практике. Ср. «Р.-нем. сл.» (1965): *ранняя пташка* (*пташка*)¹⁶⁾, *крокодиловы слезы* (*крокодилы*). Этот метод размещения словосочетаний в словаре, лишенный недостатков, присущих трем вышеперечисленным, можно было бы признать наиболее пригодным, если бы не огромное количество словосочетаний, в которых все их элементы (исключая служебные слова) не имели бы приблизительно одинаковой частотности или, по крайней мере, различались бы мало по своим частотным характеристикам. В самом деле затруднительно «на глаз» определить, какой из элементов нижеприводимых русских фразеологизмов имеет более низкую (или более высокую частотность): *язык без костей*, *ни рыба, ни мясо*,

¹²⁾ Н. Г. Корлэтяну. Указ. соч., стр. 22—23.

¹³⁾ Там же, стр. 23.

¹⁴⁾ Л. О. Ліпська. Указ. соч., стр. 55—64. В. П. Жуков. О смысловом центре фразеологизмов. — В кн.: «Проблемы фразеологии». М.—Л., 1964, стр. 140—149. А. И. Молотков. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. — В кн.: «Фразеологический словарь русского языка». М., 1967, стр. 22.

¹⁵⁾ Н. Г. Корлэтяну. Указ. соч., стр. 21—22.

¹⁶⁾ В скобках указаны слова, под которыми дано словосочетание на стр. 6.

как кошка с собакой, горький хлеб, доброе утро¹⁷⁾). Таким образом, как универсальный для всех словосочетаний, подлежащих включению в словарь, этот принцип также неприемлем.

Как мы постарались показать, ни один из практикуемых в лексикографии способов выделения опорного слова нельзя признать оптимальным. На практике, по-видимому, случается очень редко, чтобы в каком-либо конкретном словаре последовательно применялся только один из этих принципов.

Из этого положения делаются диаметрально противоположные теоретические выводы. Так, например, А. И. Молотков полагает, что «вопрос расположения фразеологизмов в словаре (фразеологическом. — В. Б.) сводится не к искусственному выделению главных, опорных и т. п. компонентов, не к механическому перечню фразеологизмов, а к установлению связи фразеологизма в системе языка с другими фразеологизмами путем определенной группировки их. Достигается это тем, что каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая все лексические и видовые варианты. Исключение составляют компоненты, являющиеся генетически служебными словами»¹⁸⁾. Совершенно иного взгляда придерживается С. И. Ожегов, который считает, что «прежде всего следует отказаться от нигилистической мысли, что опорное слово фразеологической единицы не может быть определено, что принципиальное решение этого вопроса не может быть достигнуто и что идеалом должно быть помещение в словаре каждой фразеологической единицы столько раз, сколько в ее составе имеется отдельных слов»¹⁹⁾. Характерно при этом, что, определяя опорное слово как «смыслообразующий компонент единицы, т. е. такой компонент, который «фразеологизирует» свободное словосочетание», стало быть, выделяя его на основании семантического критерия, С. И. Ожегов сам отходит от этого принципа, рекомендуя выделять опорное слово «по семантическим, структурно-лексическим и собственно-лексическим признакам», поскольку, по его мнению, «не может быть предложено единой мерки для выделения опорного слова»²⁰⁾.

Попытка (единственная нам известна) найти «наиболее объективный принцип определения опорного слова» предпринята А. С. Аксамитовым²¹⁾. Предлагается следующая процедура. Применяя метод субституции (по отношению либо к отдельным элементам фразеологизма, либо ко всему фразеологизму), все фразеологизмы данного языка разбиваем на следующие 7 семантических групп: предметность, качество, количество, состояние, отношение, движение и взаимодействие с внешним миром. Затем материал каждой из групп классифицируется по формальным (грамматическим) признакам (например, глагол+существительное+существительное, наречие+глагол и т. п.). Естественно, что некоторые конфигурации окажутся идентичными в разных группах. Следующий, на наш взгляд, основной шаг в этой процедуре

¹⁷⁾ По частотному словарю Э. А. Штейнфельд оба последние слова имеют совершенно одинаковую частотность. (Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. Таллин, 1963, стр. 99).

¹⁸⁾ А. И. Молотков. Указ. соч., стр. 22.

¹⁹⁾ С. И. Ожегов. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка). — «Лексикографический сборник», № 2 (М., 1957), стр. 41.

²⁰⁾ Там же, стр. 41, 50, 48.

²¹⁾ А. С. Аксамитов. Опорное слово фразеологической единицы. — В кн.: «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов. Вологда, 1965, стр. 61—62.

А. С. Аксамитовым не аргументируется; просто констатируется, что в разных из этих семантических групп идентичные грамматические конфигурации будут иметь различные компоненты в качестве опорных слов. Это поясняется примерами (для группы глагол + существительное + существительное²²⁾). «Так, в группе «состояние» этим компонентом явится глагол (*песок сыплется с кого-л.; душа, сердце разрывается*), а в группах «движение» и «взаимодействие с внешним миром» — имя (*повернуть оглобли; показать, подмазать пятки*). Произвольность, субъективность и неаргументированность этого метода выделения опорного слова очевидны.

При решении вопроса об опорном слове следует также иметь в виду, что в практической лексикографии к критерию выделения опорного слова предъявляется одно весьма существенное требование: правила выделения должны быть достаточно просты и естественны для того, чтобы пользующийся словарем мог руководствоваться ими. Ведь, отыскивая в словаре какое-либо словосочетание, помещенное под тем словом, которое составитель словаря выбрал в качестве опорного, читатель, во избежание бесполезной траты времени и усилий, должен сам выделить в этом словосочетании то же самое опорное слово. В идеале читатель должен найти нужное ему словосочетание при первой же попытке отыскать его в словаре, а это окажется невозможным, если принципы выделения опорного слова будут сложны²³⁾ или требовать какой-либо дополнительной информации, которой читатель не располагает (например, данных о точной частотной характеристике слова). Это требование, определяемое практическими интересами пользующегося словарем, представляется весьма важным, хотя оно еще более затрудняет решение вопроса. Грубо говоря, для читателя важно только то, чтобы словосочетание было помещено в словаре так, чтобы его можно было легко найти.

Итак, в современной практической лексикографии при определении опорного слова словосочетания применяется несколько различных критериев, ни один из которых сам по себе не является достаточно эффективным для того, чтобы его можно было признать ведущим. Это приводит к тому, что система попеременного использования то одного, то другого, то третьего критерия оказывается, с одной стороны, столь текучей, а с другой — столь сложной²⁴⁾, что, в частности, сами составители словарей сплошь и рядом противоречат себе в принципах выделения опорного слова и либо приводят одно и то же словосочетание дважды или даже трижды, либо совершенно однотипные словосочетания приводят под разными разрядами опорных слов. Впрочем, когда одновременно используется несколько критериев выделения опорного слова, составитель каждый раз может мотивировать свое решение применением того критерия, который может это решение оправдать (равно как и случаи дублирования материала можно оправдать соображениями удобства читателю).

Создается парадоксальное положение. Ни один из применяемых критериев выделения опорного слова сам по себе не может удовлетворить лексикографа, а способы комбинирования критериев оказываются

²²⁾ По-видимому, имеется в виду «глагол + существительное», ср. примеры.

²³⁾ Например, рядовому потребителю словаря вряд ли будет ясно, что словосочетание без задних ног следует искать при прилагательном задний, а словосочетание на широкую ногу, при существительном нога, как это предложил С. И. Ожегов (1957, указ. соч., 49—50).

²⁴⁾ Ср., например, С. И. Ожегов, указ. соч., стр. 48—50.

слишком сложными и неопределенными для того, чтобы они соответствовали интересам потребителя словаря.

Для двуязычных словарей, объем которых, как правило, ограничен, недопустим, и, казалось бы, естественный выход из этого положения — дублирование материала столько раз, сколько имеется полнозначных элементов в данном словосочетании. Это недопустимо прежде всего по соображениям экономии места. Двуязычные словари включают в себя такое большое количество необходимой читателю информации, что дублирование сотен, а часто и тысяч словосочетаний с их переводами представляется совершенно недопустимым.

Попутно отметим один частный, но важный момент. В словарях очень часто случается, что одно и то же словосочетание, помещенное под разными опорными словами, получает более или менее различные переводы, ср. «Р.-рум. сл.» (1967): *анютины глазки*: (под *анютин*) рап-

sele f pl, catifelut, e f pl, (под *глазок*), *pansea f, catifelut, a i*; *между ними черная кошка пробежала*; (под *кошка*) *si-a vîrit dracul codit, a între ei*, (под *черный*) *s,i-a begat dracul coada întreei* и т. п.; «Кр. сомали-р. и р.-сомали сл.» (1969; *губная помада*; (под *губной*) *ranji-ga bushunta lagu aseysto*, (под *помада*) *ranjiga bushumaha haweenku marsadan*; *чайная ложка*; (под *чайный*) *macalgadda shaahha*, (под *ложка*) *qaaddu-da shaahha* и т. п. Немало подобных примеров можно найти в очень многих словарях. Такая неунифицированность переводов (кстати, очень легко устранимая при внимательном редактировании словаря, разумеется, если вообще нужно сохранять такое повторение материала) не может не подрывать в читателе веры в точность и надежность данного словаря: либо все эти данные в разных местах перевода правильны и тогда неоправдан пропуск одного и одних в другом месте, либо один из них неточен, и тогда его приведение также неоправдано. И то, и другое соображение, возникающее у читателя, лишает его уверенности в том, что составитель словаря действительно предлагает ему тщательно отобранный, лучший перевод как в данном конкретном случае, так и в других, возможно, на деле бесспорно правильно решенных.

Каков же выход из этого, представляющегося безвыходным, положения? Не беря на себя смелости предлагать общие рекомендации, изложим принципы, которыми мы руководствуемся при определении опорного слова словосочетания в подготавливаемом нами русско-норвежском словаре. При этом мы стремились, исходя из интересов читателя, к простоте и естественности этих правил.

Для устойчивых сочетаний (в понимании И. А. Мельчука) вопрос решается следующим образом. Словосочетание помещается при том слове, которое предсказывает с достаточно высокой степенью все это словосочетание, т. е. относительно которого это сочетание является устойчивым²⁵). Эта «достаточно высокая степень», естественно, нами определялась субъективно, поскольку подобных исследований никем не проводилось. На практике это, в частности, означает, что если это слово не употребляется вне данного сочетания или данной группы сочетаний, то именно оно и выбирается в качестве опорного. Например, поскольку прилагательное *гулькин* употребляется только в словосочетании *с гулькин нос*, то все это словосочетание помещается именно под этим словом. Аналогично для сочетаний *синильная кислота*, *пьялить глаза*, *охулки на руку не класть*, *взять измором* и *война на измор*, попасть *впросак* опорными словами выбираются соответственно *синильный*, *пьялить*, *охулка*, *измор*, *впросак*.

²⁵) И. А. Мельчук. Указ. соч., стр. 73—75.

Для словосочетаний, элементы которых характеризуются резко различными частотными характеристиками, опорным словом избирается наиболее редкое слово. Как и в предыдущем случае, не имея частотных характеристик словарного состава русского языка, мы руководствовались нашими субъективными, интуитивными ощущениями «употребительности» и «редкости». Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь здесь идет о действительно бесспорных различиях в частотном параметре слов. Так, например, словосочетания *плавиковая кислота*, *железный купорос*, *дубовая голова*, *обделать дело (дельце)*, *в пожарном порядке* и *на всякий пожарный случай*, *бог троицу любит*, *в семье не без урода* и т. п. помещаются соответственно при вокабулах *плавиковый*, *купорос*, *дубовый*, *обделать*, *пожарный*, *троица*, *урод*. В пользу такой подачи материала в словаре говорят следующие практические соображения. Во-первых, как правило, слова с более высокой частотной характеристикой обладают более высокой сочетаемостью, и потому для их лексикографической разработки требуется статья большего объема, а чем больше словарная статья, тем более трудоемок поиск нужных сведений, например, поиск словосочетания *дубовая голова* в статье *голова* более затруднителен, нежели в статье *дубовый*. Во-вторых, для «иностранным словаря» важно, что, как правило, слова более употребительные известны пользующемуся словарем лучше, нежели слова менее употребительные. Естественно предполагать, что более вероятен случай, когда человеку, не встречавшемуся со словосочетанием *плавиковая кислота*, будет известен перевод слова *кислота* и неизвестен перевод слова *плавиковый*, чем случай обратный. Читатель, сталкиваясь с незнакомым ему словом, прежде всего будет стремиться установить его значение, а не, определив по интуиции, что перед ним словосочетание (безразлично, устойчивое или идиоматическое), стараться найти его под словом, представляющим ему «смысловым центром» данного сочетания.

Во всех остальных случаях, а их будет гораздо больше, мы исходили из того, что, во-первых, вероятно, незнание читателем всех элементов словосочетания и что, во-вторых, и при знании им значения всех элементов он не в состоянии сам с достаточной вероятностью выделить опорное слово этого словосочетания таким же образом, как это сделано составителем словаря, даже если правила определения опорного слова и не будут столь сложными, как уже упоминавшиеся правила С. И. Ожегова. Мы исходили из того, что, например, поиск читателем в словаре словосочетания (*врет*) *как сивый мерин* одинаково вероятен и в словарной статье *сивый*, и в словарной статье *мерин*, а поиск словосочетания *по одежке протягивай ножки* равно возможен под словами *одежка*, *протягивать*, *ножка*. На деле это, по-видимому, не так, но мы просто пока не располагаем информацией о процессе поиска читателем словосочетания (ср. сказанное ниже).

Считая принципиально недопустимым дублирование материала в словаре, мы также полагали неэкономным расходовать ценное место для подробных ссылок типа «по одежке протягивай ножки, см. «одежка» (например, в статье *протягивать*). Был предложен поэтому иной, более компактный метод ссылок, получивший предварительное одобрение Редакции словарей издательства «Советская Энциклопедия». Предложенный способ подачи состоит в том, что в тех статьях, заглавные слова которых входят в словосочетания, разработанные в других статьях, эти словосочетания не приводятся полностью, а в самом конце статьи (за знаком Δ) приводятся слова, под которыми следует искать словосочетания, в которых участвует заглавное слово этой статьи. Поясним это

примерами. Предположим, что по определенным соображениям сочтено, что словосочетание *китайская грамота* следует поместить в статью *китайский*. В конце статьи *грамота* дается: « Δ китайский». Это указывает читателю на то, что некое словосочетание, в котором участвует слово *грамота*, приведено в статье *китайский*. Если читатель хочет найти в словаре сочетание *китайская грамота*, а обратился вначале к статье *грамота*, считается, что этой информации будет для него достаточно. Если же он ищет значение слова *грамота* и установление значения словосочетания *китайская грамота* для него в этот момент не актуально, он просто не воспользуется этим указанием на возможность получить в другом месте дополнительную информацию о слове *грамота*. Такой способ подачи будет, с другой стороны, также удовлетворять потребностям тех читателей, которые не только хотят установить значение данного слова при переводе определенного текста, но желают получить всю информацию о данном слове, не зная заранее, в каких нерегулярно переводимых словосочетаниях оно может встречаться. На возможное возражение, состоящее в том, что при такой «зашифрованной» подаче читателю может быть неясно, какое словосочетание имеется в виду — особенно, когда оно состоит из нескольких слов, например, «вода Δ ...мельница, мутить, мутный...» (ср. также «ловить Δ ...мутный...», «рыба Δ ...мутный») — мы фактически ответили выше: если читатель ищет в словаре нужное ему словосочетание, то двух слов почти во всех случаях ему будет достаточно, чтобы определить, что именно оно имеется в виду (вода, мутный $\rightarrow$ ловить рыбу в мутной воде). Если же он именно это выражение не ищет, а желает получить иную информацию о главном слове статьи, он может либо обратиться к статьям, к которым его отсылает заключительная часть этой статьи за знаком Δ , либо просто игнорировать эти указания.

Экономия места, достигаемая при такой подаче, получается весьма значительной, за счет чего в словарь можно включить другую полезную информацию. Разумеется, предложенная система отсылок, пронизывающая весь корпус словаря, требует от составителя значительного дополнительного труда по составлению картотеки отсылок, по проверке их и т. п., но эта затрата усилий и времени составителя имеет своим результатом большую информационную насыщенность словаря без ущерба для интересов читателя.

При такой практической системе отсылок вопрос о том, какое слово должно быть опорным, становится менее принципиальным²⁶), хотя он, разумеется, никоим образом не снимается с повестки дня. Поскольку, повторяем, ни один из четырех основных методов определения опорного слова, практикуемых в лексикографии, взятый в отдельности, не оказывается достаточно пригодным, естественным путем было бы в первую очередь учитывать интересы читателя, т. е. обеспечить ему минимальную затрату времени для поиска словосочетания. Опыт показывает, что читатели словарей, к сожалению, в большинстве случаев не обращают особого внимания на введения и предисловия к словарям, и поэтому не следует возлагать надежд на то, что изложенные во введении принципы выделения опорного слова, принятые в данном словаре, будут усвоены читателем и успешно применяться им на практике. Более правильным представляется иной путь.

²⁶) Ср. аналогичный вывод, к которому (для фразеологического словаря) пришел А. И. Молотков: «При таком расположении фразеологизмов в словаре (под каждым из компонентов — В. Б.) выбор места разработки фразеологизма не имеет существенного значения. Система отсылок с каждого компонента всегда укажет читателю, где следует искать разработку фразеологизма» (Указ. соч., стр. 22).

Можно предполагать, что, несмотря на возможные довольно значительные индивидуальные отличия, в методах определения слов под которыми следует искать в словаре словосочетания того или иного типа в том или ином языке, у определенных контингентов читателей все же будут наблюдаться некоторые закономерности в поиске. Эти закономерности целесообразно изучить и полученный опыт использовать в словарной практике. Для этой цели необходимо провести эксперимент, в котором участвовали бы достаточно различные категории потенциальных потребителей словаря и предлагались бы самые различные типы словосочетаний, включаемых в словари с данным языком в качестве входного. В литературе нам известен только один такой опыт: это уже упомянутое исследование того, как учащиеся старших классов русских школ ищут в англо-русском словаре английские фразеологизмы²⁷⁾; данные этого эксперимента имеют, конечно, ограниченное значение.

Что касается «Р.-норв. сл.», то при невозможности применения названных выше критериев — устойчивости сочетания по одному из элементов и, бесспорно, более низкой частотности («редкости») одного из элементов — использовалось несколько иных критериев разного характера, подробное перечисление которых вряд ли целесообразно, поскольку многое в них совпадает с уже описанным в литературе или расходится с ним в деталях. Отметим поэтому только важнейшие.

Критерий частотности (определяемой, как говорилось, интуитивно) применяется достаточно широко. У словосочетаний, состоящих из примерно равночастотных элементов, принадлежащих одной части речи (*ни рыба, ни мясо; ни шьет, ни порет; кровь с молоком; до поры до времени* и т. п.), опорным словом избирается первое. При вариативности словосочетания обычно бывает целесообразным сделать опорным словом константу — компонент, наличествующий во всех модификациях (например, слово *жила* для словосочетаний *тянуть жилы, вытягивать жилы*, слово *укладываться* для сочетаний *в голове не укладывается, в сознании не укладывается* и т. п.). Однако этот критерий применять нецелесообразно, если он вступает в противоречие с двумя основными: так, например, словосочетания *ничего не поделаешь* и *ничего не попишешь* даются соответственно при вокабулах *наделать* и *поделать*.

Особо остановимся на одном частном, но существенном моменте. В русском языке имеется огромное количество терминов, состоящих из прилагательного с существительным. Вопрос о том, как их следует подавать в словаре, очень важен. При решении вопроса об опорном слове таких словосочетаний принимается во внимание сочетаемость этих существительных с теми прилагательными, с которыми они образуют термин. Если таких прилагательных оказывается немного, то этот составной термин дается при существительном, поскольку при такой подаче делается более наглядной структура терминологического ряда и удовлетворяются интересы не только ищущих перевод встретившегося им словосочетания, т. е. имеющих дело с «речью», но и лиц, извлекающих из словаря информацию о разных употреблениях слова вне определенного контекста, т. е. изучающих «язык». Если же таких прилагательных много, то более целесообразным, оказывается, давать такие словосочетания под индивидуализирующим прилагательным. По сути дела, тут фактически действует принцип предпочтения в качестве опорного слова с более низкой частотностью. Например, словосочетания *белый гриб, красный гриб* помещаются в статью *гриб*; *белый медведь, бурый медведь* даются при существительном *медведь*; с другой стороны, тер-

²⁷⁾ В. И. Перебийнос, Е. С. Блиндус и А. В. Чумак. Указ. соч.

мины *серная кислота, азотная кислота, щавелевая кислота, уксусная кислота, лимонная кислота* и т. п. получают переводы под соответствующими прилагательными.

И еще один частный момент.

Устойчивость словосочетания по двум и более элементам может приводить, в частности, к тому, что пословицы, поговорки и крылатые слова могут употребляться в речи в неполном виде (например, в высказываниях типа русск. *уста́ми младе́нца...*; *собака лае́т...*; *а вы, друзьѣ, как ни садитесь...*; *не в службу; недосол на столе...*; или это — *журавль в небе; его статья — первый блин; на нашем безрыбье и от нее есть польза; теперь я могу гулять смело* и т. д. Состоявшаяся в 1969 г. выставка в Осло, посвященная теме «Человек и природа», называлась «*Etter oss kommer...*» 'после нас хоть...' (ср. крылатое слово *etter oss kommer synd floden* 'после нас хоть потоп')²⁸). Перефразировка известных пословиц и поговорок, частичное их цитирование, намек на них — употребительный прием в литературе. Ср., например: «Разве он (младенец. — В. Б.) виноват, что родился? И что он нам худого сделал? Подлецы мы... любим кататься на саночках, а возить саночки приходится невинным деточкам» (Чехов. Беззаконие). «Думаешь иногда: что уж во мне, кажется, только и корысти, что заборы мной подпирать» (Салтыков-Щедрин. Круглый год). «Новый подъем широкого и массового движения против старого порядка наметился уже давно. Теперь этот подъем близится к высшей точке своего развития. Выборы в Думу и первая неделя заседаний и работ оппозиционной Думы сыграли роль «копеечной свечки», от которой загорелся пожар по всей стране» (Ленин, т. 13, 208). «В Отлетаевке рак — рыба, Фома — человек и ссора — живое слово» (Чехов. Двадцать девятое июня). «С голого по нитке — сытому рубашка» (Салтыков-Щедрин. Письма о провинции)²⁹). Описан ряд аналогичных случаев для английского языка³⁰).

Для лексикографической обработки подобного рода словосочетаний важно, что в таких перефразированных вариантах не всегда сохраняется слово, которое было бы естественным выделить как опорное, что очень затрудняет отыскание их значения в словаре или вообще делает его невозможным. Для облегчения поиска таких пословиц, поговорок и т. п. в двуязычных словарях целесообразно широко давать отсылки при различных компонентах этих словосочетаний, например: для пословицы *Москва от копеечной свечки (свечи) сгорела (загорелась)*, если опорным сделать слово *Москва*, следует дать отсылки к нему при словах *копеечный, свеча, свечка*. Для поговорки *в огороде бузина, а в Киеве дядька* при опорном слове *бузина* полезно дать отсылки при словах *огород, Киев, дядька* и т. п. Разумеется, перефразировка может носить такой радикальный характер, что словарь будет едва ли в состоянии помочь читателю.

²⁸) Ср. аналогичные примеры для немецкой литературы, приводимые в статье: А. Райхштейн. О переводе устойчивых фраз. — В кн.: «Тетради переводчика». М., 1968, стр. 37, 42.

²⁹) Все вышеприведенные литературные цитаты взяты из книги: «Словарь русских пословиц и поговорок». Сост. В. П. Жуков. Изд. Зье, М., 1966.

³⁰) Т. Левицкая и А. Фитерман. Обновление фразеологических единиц и передача этого приема в переводе. — В кн.: «Тетради переводчика», М., 1968, стр. 43—52.

Э. Ф. МОЛИНА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Нам известно, что развитие языка — весьма медленный процесс и отдельные стороны его развивались разновременнo. Поэтому было бы интересно попытаться установить относительную датировку не только отдельных слов, но и структурных и морфологических явлений.

Все то, что нормативная грамматика называет исключением, представляет собой реликт давних и полузабытых эпох. По этой причине именно такие реликтовые формы вызывают интерес. Они указывают направление, в котором должно идти исследование.

В данной статье ставится вопрос о глагольных формах, о взаимоотношениях их, о параллелизме значений. Делается попытка установить последовательность их возникновения и принадлежность к разным временным уровням языка.

Прежде всего надо уяснить себе, что мы будем понимать под глагольным временем. Глагол указывает на действие, действие происходит во времени, действие связано со временем. Слово произносится одновременно с тем действием, которое оно обозначает. Такую форму грамматики теоретики древности условно называли настоящим временем. Она у нас не вызывает никаких сомнений, не задумываясь, мы пользуемся термином, известным нам еще со времен Варрона, Аврелия Августина, Присциана. Этой форме настоящего времени противостоит другая, называемая прошедшим временем. Неважно, каким было действие в прошлом: длительным, мгновенным, законченным или незаконченным. Важно то, что оно совершилось, что оно обозначает реально существовавшее действие.

В смысле словотворчества мы видим постоянное противопоставление прошедшего настоящему — не только в значении, но и в самом внешнем виде глагольных основ. Письменность сохранила нам большое количество таких противопоставлений, начиная с чередования гласных, имеющих место в одной и той же основе, суффиксальных элементов и префиксальных.

В индоевропейских языках не существовало других понятий о времени, кроме настоящего и прошедшего. Будущее время не существовало вообще, потому что оно неоднократно. Осязяемо то, что происходит сейчас, осязяемо то, что было. Будущее время нереально. Его нет.

Во всех языках существует понятие будущего времени, существует даже достаточно сложная система его выражения. Но на ранних стадиях отдельных языков оно не существовало; его выражение возникло лишь из сочетания разнозначных слов. Формы, обозначающей будущее

время, не было, не было и специальной соответствующей основы. В германских языках не зарегистрировано форм будущего времени: ни в готском, ни в древневерхненемецком и средневерхненемецком, ни в древнеанглийском, ни в немецких диалектах. По существу даже сейчас, в современном немецком языке, для выражения будущего времени пользуются формой настоящего времени: *Ich gehe morgen ins Theater*. На действие в будущем указывает наречие времени *morgen* «завтра». Следовательно, строй немецкого языка не изменился принципиально; в этом отношении он тот же, что и тысячу лет тому назад. Будущее время в немецком языке — только лишь письменная форма, которая в устной речи встречается редко.

В русском языке фактически будущего тоже нет. Есть настоящее (я пишу) и прошедшее (я писал). А то, что мы считаем формами будущего времени (неаналитического), в сущности префигированные образования настоящего времени (я спишу, напишу, запишу). Специальной основы первичного порядка для будущего времени глагола не имеется ни в одном языке, так как это противно языковому мышлению, тем более на ранних этапах развития.

Настоящее же и прошедшее время (имеется в виду самая простая, первичная форма последнего) возникли в древнейший период языкового развития и противопоставлялись друг другу как по внутреннему содержанию, так и по внешнему оформлению: каждое из этих двух времен имело, как правило, свою основу, свои морфологические особенности. На некоторые из них хотелось бы указать в системе латинского глагола.

При рассмотрении латинского глагола бросается в глаза многообразие перфектных форм. Принципиально на них никто не останавливается: ни нормативные, ни исторические грамматики. Обычно отмечают перфекты такого-то типа и этим ограничиваются. Но если подойти к этому вопросу вплотную, то мы замечаем, что у нас есть целый ряд различных словообразовательных схем, которые никак не подчиняются единой тенденции образования, например: *dico/dixi*, *ago/egi*, *orno/ornavi*, *floreo/florui*, *audio/audivi*, *tango/tetigi*. Очевидно, формы прошедшего времени входили в язык разновременнo и, таким образом, относятся к разным пластам языка. При этом трудно сказать, в какое время происходили процессы словообразования: в латинское ли время или до отделения латинского языка от индоевропейской основы. Последнее вполне возможно.

Во всяком случае, имеется целый ряд форм прошедшего времени, различных по образованию. Вполне очевидно, что они развивались в языке не одновременно и относятся к разным временным эпохам. Или же они входили в язык из разных диалектов. Именно поэтому могло получиться такое разнообразие форм с одинаковой семантикой.

В качестве древнейших глаголов надо рассматривать те, которые вместо образования форм прошедшего времени к уже существующей основе настоящего времени привлекают другое, совершенно самостоятельное слово. Этот древнейший тип относится к тому весьма раннему периоду развития сознания человека, когда впервые стало ощущаться понятие времени. Прошедшее время стало осознаваться как качественно разнородное к уже существующему выражению действия или состояния. В языке и в сознании человека возникает разница между тем, что переживается сейчас и тем, что переживалось в прошлом. В дальнейшем они образуют ряды, которые в грамматике принято называть супплетивными. К ним, прежде всего, относится так называемый экзистенциальный глагол *sum/iui*, есмь/бѡхъ, *asmi/babhuvam*.

Мы видим, что в древних индоевропейских языках одни и те же корни обозначали одни и те же временные функции. Таких глаголов в латинском языке сохранилось весьма немного. Приведем один из таких реликтовых, но широко распространенных глаголов: *fero, tuli, latum, ferre*. Здесь совершенно разные слова имеют одно и то же глагольное значение, но выражают разные временные отношения.

В данной работе остановимся на форме прошедшего времени, которую мы считаем одной из древнейших. И не только потому, что подобное оформление мы встречаем еще за пределами латинского языка. Следовательно, оно может относиться к периоду индоевропейской общности. Импульс к образованию эта форма получила в эпоху раннего развития индоевропейских языков. Имеется в виду способ удвоения основ, повторения одного и того же корня, слога, звука. Данный способ использовался древнейшими языками различных систем.

Образование формы прошедшего времени с удвоением в латинском языке шло тем же путем. Чтобы выразить углубление значения, а именно постоянство прошедшего времени, а не мимолетное явление, латинский язык пользовался в качестве префикса начальной частью слова. Но и в латинском языке известны слова (не только глаголы), которые полностью состоят из удвоения: *turritus, barbarus, tarmor, (Tantalus)*. В глаголах эта ступень полного повторения не сохранилась. Но сохранилось удвоение начала слова: *posco/poposci* «требую», *mordeo/morordi* «кусаю», *curo/cucurri* «беру», *spondeo/sporondi* в надписях — *sperondi* «сговору, помолвлю, клятвенно обещаю». Мы наблюдаем повторение согласного вместе с гласным. Такое повторение помогает убедиться в том, что действие не только происходит, но оно произошло и уже отодвинулось в прошлое.

Приведенные остаточные формы свидетельствуют о том, что ранее ударение еще не приобрело решающего значения: оно еще не влияет на изменение гласных звуков, как впоследствии. Другие же глаголы этого типа приходится рассматривать как более поздние образования: хотя они сохраняют удвоение, но начальное латинское ударение уже сыграло значительную роль. Не только начальный удваивающий слог теряет качество своего гласного, но и гласный звук сдвинутой на второе место основы подлечит закономерному изменению в *i* или *e*: *cado, cecidi, caedo/cecid*, *pello/pepuli, pario/peperci, do/dedi*.

Одним из моментов в развитии приводимых перфектов с характерным удвоением основы является флексия. Если вначале на прошедшее время указывает удвоение, то в более позднее время выступают окончания, которые всю семантическую нагрузку берут на себя. Окончания перфекта, как мы помним, неповторимы, спутать их нельзя ни с чем. И это новое, безусловно, более позднее явление содействует отмиранию раннего признака, который с появлением нового становится лишним. И мы наблюдаем, что удвоение начинает отмирать, так как его функции переданы другому грамматическому элементу. Напомним о таких реликтовых формах, как *repuli, rettuli*. В них орфография еще сохранила намерение удвоения, хотя удвоение уже не звучит. Более энергично отделяются от элемента, ставшего лишним, сложные глаголы:

tango/tetigi,
contingo/contigi;

tendo/tetendi,
contendo/contendi,
ostendo/ostendi;

curro/cucurri,
concurro/concurri;

cado/cecid,
occido/occidi,
incido/incidi;

pario/peperi,
comperio/compero,
reperio/repperi,
aperio/aperui.

Среди глаголов, которые образуют перфект удвоением начального элемента, можно выделить еще одну разновидность. Глаголы этой разновидности имеют дополнительный значащий элемент, давший им иное развитие. Хотя эти глаголы принято считать исключением из общего правила, они должны рассматриваться как реликты древнейших систем. Они продолжают существовать в языке как определенные окаменелости, теряют свою продуктивность, но не уступают своего места. В развитии глагольной системы, да и вообще в своем развитии, язык идет по пути нивелирования. Появляются глаголы так называемых первого и четвертого спряжений, которые правильно и без всяких отклонений и исключений образуют основные формы, то есть четко противопоставляют прошедшее время настоящему. Происходит это при помощи нивелирующих суффиксов *-vi-*, *-si-*.

В системе противоположения двух основных времен — настоящего и прошедшего, мы наблюдаем еще одно явление, которое очень ясно проводит ту же тенденцию. Но здесь исходной точкой является форма настоящего времени, которая имеет свой четко выраженный признак. В грамматике его стали обозначать инфиксом *-n-*. Возникают такие *praesentia*, как *findo, fundo, tundo, pungo, vinco, linquo*, где *-n-* обозначает именно настоящее время. Это видно из противопоставления форм без *-n-*, которые, представляя собой основы глаголов, обозначают другое временное отношение. Эту особенность подчеркивают глаголы типа *tango, pungo*. У этих глаголов *tetigi* и *pupugi* формы с удвоением, которые ясно говорят о значении прошедшего времени. Формы же *tango* и *pungo* содержат *-n-*, который мы обычно называем инфиксом и который, по-видимому, является носителем выражения настоящего времени.

В глаголах типа *scindo/scidi, rescindo/rescidi, rumpo/rupi, relinquo/reliqui, frango/fregi, fundo/fudi, findo/fidi*, *-n-* является ярким признаком настоящего времени, перфектные же формы не имеют удвоения. Следовательно, формы, которые не имеют в основе *-n-*, выражают прошедшее время.

В перфектных основах на *-i*, как правило, *-n-* уже сохраняется: *pingo/pinxi, pinso/pinsi, cingo/cinxi, stringo/stringi, fingo/finxi, jungo/junxi*.

В формах причастий прошедшего времени наблюдается колебание: мы встречаем основы с *-n-* и без него. В перфектной форме элемент *-i* оказывается сильнее и продуктивнее, чем более древний тип выражения прошедшего времени без *-n-*. Перфектный элемент *-i* появляется здесь, очевидно, в более позднее время, чем удвоение основы или отсутствие звука *-n-* в прошедшем времени, и прикрывает собою *-n-* основы, значение которого в связи с этим нейтрализуется. Новые показатели прошедшего времени аннулировали значение прежних. По-видимому, суффикс *-i-* или *-s-* (тот аористный *-s-*, который мы видим в греческом языке), образует более поздний слой в развитии глагола, чем удвоение и основа без *-n-*.

Возьмем глагольные формы, где *-n-* не входит в основу, а остается вне ее: *cerno/crevi, lino/levi, sino/sivi, sperno/sprevi, sterno/stravi*. По-видимому, их тоже можно считать примерами яркого разграничения форм прошедшего времени от настоящего.

По всей вероятности, первоначально формы настоящего и прошедшего времени существовали в виде самостоятельных основ, которые, соединяясь с местоимениями и вспомогательными глаголами, стали приобретать личные формы. На данном этапе эти формы являются самыми сильными, так что они покрывают собой все прежние способы образования.

Противопоставление настоящего времени прошедшему четко прослеживается не только в личных формах, обозначающих действие, но также в причастиях и отглагольных прилагательных. Эти формы, образующиеся на весьма раннем этапе словотворчества, не различали на первых порах залоговых отношений. Не только в латинском, но и в других индоевропейских языках, сохранились реликты, которые свидетельствуют о таком развитии данной категории. Приведем два примера, аналогичных по образованию и по значению. Это латинское слово *sternitus*, существующее до наших дней в активном запасе слов некоторых западноевропейских языков, и аналогичное ему русское слово «заслуженный» в сочетании «заслуженный артист республики». Пассивная форма и активное значение, с точки зрения сегодняшнего дня, не соответствуют друг другу, однако выдержали испытание веков.

Из многочисленных типов отглагольных образований нас интересуют формы на *-to-*. Поскольку отглагольные прилагательные на *-to-* отражали временное отношение к прошлому, возникла необходимость в создании таких прилагательных, которые выражали бы одновременность, выражали бы настоящее время. И здесь мы видим, что язык прибегал к испытанному средству. Как во временных глагольных отношениях сыграл роль инфикс *-n-*, так и в образованиях отглагольных прилагательных инфикс *-n-* придавал словам значение настоящего времени. Если элемент *-t-* привносил значение причастности к глаголу, то им пользовались не только для обозначения такой причастности в прошлом, но и в настоящем. Чтобы оттенить временные взаимоотношения, вступает в свои права инфикс *-n-*. Он становится неотъемлемой принадлежностью новой грамматической формы, которую принято называть *Participium praesentis activi*. Таким образом, возникли две параллельные схемы: *ornatus* и *ornans-ntis* «украшенный» и «украшающий», которые приобрели решающее значение в более позднее время.

Глаголы первого и четвертого спряжения не обнаруживают различия между основами настоящего и прошедшего времен. Поэтому инфикс *-n-* играет особую роль в реликтовых глаголах, включающих его в основы настоящего времени.

Анализ некоторых особенностей латинского глагола позволяет сделать вывод о последовательности развития временных отношений. Особую ценность для исследования имеют неправильные (реликтовые) глаголы третьего спряжения. Формы этих глаголов помогают выяснить различную сочетаемость компонентов, которыми выражается основное временное противопоставление (настоящее — прошедшему).

Татьяне Александровне
Бобровой

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БРУСНИКА (ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Название ягоды и растения *Vaccinium vitis idaea* известно в русском языке и его диалектах в следующих формах: *брусника*, *бруснига*, *брусница*, *брусена*, *брусёна*, *брусеника*, *брусёнка*, *брусица*, *бруска*, *бруснина*, *брусня*, *брусняг*, *бруснянка*, *брусовница*, *брусянка*, *брушница*, *брушничка*, *брушничушка*, *брюсница*, *брюшница*¹⁾. Из этимологически иных названий брусники можно отметить лишь диалектное слово *боровика* (архангельск., рязанск.), находящее ближайшие параллели в болг. *боровинка*, польск. *borówka*, сербо-хорв. *боровница* «брусника», «черника», *боровица* «черника» и др.

Наиболее распространенное в диалектах русского языка (наряду с литературной формой *брусника*) слово *брусница* имеет надежные соотвествия во всех славянских языках: белорусск. *брусница*, укр. *брусниця*, чешск. *brusnice*, словацк., в.-лужицк., н.-лужицк. *brusnica*, польск. *brusznica*, сербо-хорв. *брусница*, болг. *брусница*. Это обстоятельство позволяет считать данное слово общеславянским по своему происхождению.

Вопрос об этимологии слова *брусница* до сих пор подробно не рассматривался. Авторы работ о славянских названиях ягод и растений²⁾, как и составители этимологических словарей, обычно ограничивались кратким перечнем выборочного материала, давая лишь общую этимологическую схему и оставляя многие вопросы без объяснения.

Основная трудность этимологизации слова *брусница* заключается в том, что имеется два различных решения этимологической задачи, причем оба эти решения выглядят весьма убедительными и, по общему признанию, исключают одно другое.

Наиболее распространенной является этимология, связывающая слово *брусница* с *брус* и *бросать*, а из внеславянских соответствий — с лит. *braukti* «трепать (лен)», *bruknes* (множ. число) «брусника»

¹⁾ Все примеры из диалектов русского языка, приведенные здесь и ниже без ссылок, даны по изданию: СРНГ, вып. 3, Л., 1968. См. также список сокращений в конце статьи.

В связи с трудностями набора, балтийские и другие иноязычные примеры приводятся в упрощенной транскрипции. В частности, литовское *e* *siaugoji* (*e* с точкой наверху) передается как *e* (жирный шрифт).

²⁾ V. Machek. *Ceská a slovenská jmena rostlin*. Praha, 1954; Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология», 3, М., 1958, стр. 97—123; В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 214—216.

(Бернекер, I, 90; Преображенский, I, 47; Брюкнер, 42; Фасмер, I, 221; Славский, I, 45; Гринкова, 114 и др.).

Вторая этимология, предложенная Р. Ф. Брандтом, возводит слово *брусница* к основе *брусн-* «красный», засвидетельствованной в русск. диалектн. (Даль, I, 131) *бруск* «марена»³⁾ (растение *Rubia tinctorum*, корни которого использовались для добывания краски, главным образом — пурпурной и красной). Эта же этимология приводится в КрЭСРЯ (стр. 45, автор — Т. В. Шанская), а также (в качестве одного из двух возможных объяснений) — в «Этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского (т. I, Б. М. 1963, стр. 203—204). В подтверждение наличия славянской основы *брусн-* «красный» Н. М. Шанский приводит также болг. *брусница* «корь».

Обе изложенные этимологии могут быть усилены большим количеством примеров. Но каждый такой пример, укрепляя позиции одной этимологии, ослабляет аргументацию, приводимую в пользу другой. В то же время каждая из двух этимологий не в состоянии ответить на целый ряд вопросов, связанных с объяснением происхождения слова *брусница*.

Прежде всего, наряду с русск. диалектн. *бруск* «*Rubia tinctorum*», следует отметить название брусники *бруска*, а также производное основы *бруск-* «красный» в названии одного из сортов красной смородины — *брусковая смородина* (суздальск., владимирск.). Основу *брус* — «красный» (без суффиксального *-н-* или *-к-*) можно отметить в вологодских говорах, где встречается название красной смородины («*Ribes rubrum*») *брусалка*. В архангельских говорах *брусвяный* — это «красный, багряный», *брусвянить* «красить в красный цвет», *брусвяньть* «краснеть, алеть, багроветь» (Даль, I, 131).

Наиболее близкими к слову *брусница* являются такие производные, как белорусск. *брусньць*, «краснеть, загорать», брусньбый «красноватый, загорелый» (Носович, 35), польск. диалектн. *brósnieć*, *bruśnieć* (Карлович, I, 124; Варшавский словарь, I, 213). Основа *брус-* относится к *брусн-* и к *брусньць* так же, как *крас-* относится к *красн-* и *краснеть*. Следовательно, *брусница* может считаться таким же производным от основы *брусн-*, как и русск. диалектн. *красница* «клюква» — от основы *красн-*. Наличие слова *брусница* со значением «корь» одновременно в белорусском и болгарском языках (Гринкова, III) — еще один аргумент, подтверждающий правильность реконструкции основы *брусн-* «красный» (ср. русск. *краснуха*). Попытка объяснить *брусница* «корь» как «переносное значение» слова *брусница* «брусника» едва ли может быть признана удачной.

Связь со значением основы *брус-* «красный» может удовлетворительным образом объяснить постоянное смешение в названии столь непохожих друг на друга растений, как брусника и бересклет. Кустики брусники обычно вырастают на 20—30 см от земли. Высота бересклета может достигать 5—8 метров. И несмотря на это различие, в русских народных говорах слово *брусничник*, например, имеет значения: а) «брусника», б) «бересклет широколистный» (*Evonymus latifolius*), в) «бересклет бородавчатый» («*Evonymus verrucosus*»). В СССР из растений семейства бересклетовых распространены два рода: бересклет и краснопустырь. Этимология последнего слова достаточно очевидна. На основе значения «красный» можно объединить также этимологию слов *брусника*, *брусница* и *брусничник* «бересклет». Самый распрост-

³⁾ Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича. РФВ, т. 21 (1887), стр. 211.

раненный у нас вид бересклета «*Evonymus verrucosus*» имеет красно-бурые цветы и розово-красные плоды⁴).

Смешение названий брусники и бересклета, по-видимому, относится к достаточно древнему времени. Об этом свидетельствует, в частности, полное словообразовательное совпадение одного из славянских названий бересклета (укр. *бруслина*, чешск. *brslen*, русск. диалектн. *бруслина*, *бруслён*) с латышским названием брусники: *brūklene*, *bruklīne* (Мюленбах—Эндзелин, I, 341). Здесь, наряду с одинаковой суффиксацией (-l- плюс -n-), обращает на себя внимание распределение форм с *k и *k' на балто-славянском ареале: лтш. *brū-k-l-* «брусника» относится к русск. диалектн. *бру-с-л-* «бересклет» так же, как лит. *brū-k-n-(es)* «брусника — к русск. *бру-с-н(ица)*».

Казалось бы, вопрос об этимологии слова *брусница* можно считать решенным, а наличие славянской основы *брус(н)-* «красный» — доказанным. Иначе говоря, *брусница* — это «красница, красная ягода». И здесь, действительно, все было бы так..., если бы у слова *брусница* не было еще одной — не менее убедительной — этимологии.

Приводимые во всех этимологических словарях краткие ссылки на лит. *bruknes* «брусника», *braukti* «смахивать, стирать»⁵) (?!), русск. *брус. бросать* и т. д. не проясняют в достаточной мере этимологии слова *брусница*. Между тем совпадение балтийского и славянского материала здесь столь значительно, что не оставляет сомнений в правомерности приведенных сопоставлений.

Лит. *bruknes* «брусника» отчетливо этимологизируется как производное глагола *braukti* «обдирать, обрывать (например, головки льна)». Аналогичное значение имеет лтш. *braucit* «*streichend sammeln, abstreifen*» (например, головки льна, листья липы — Мюленбах — Эндзелин, I, 325). В славянских языках следует отметить болг. *брусам* «сбиваю, обиваю плоды с дерева» (с причастием *брусеный* «сбитый, сорванный» — Геров, I, 73). В русских диалектах *бросать* лен значит «очищать лен от головок, обивая их». Аналогичное значение имеют глаголы *броснѣть*, *бросновать*, *броснуть*, *брусновать*. Самый процесс обработки льна и конопли производился или вручную, или с помощью *бросновки*. «В новгородской броснут руками, а в тамбовской о бросновку» (Даль, I, 131) — лопатку с широкими зубьями, через которые продергивались головки льна (*брос*). Это орудие называется также *бросальница*, *броснутка*, *броснуха*, *броснушка*, *бруснева*, *бруснѣлка*.

В балтийских языках бросновка также имела несколько названий, образованных от соответствующего корня *brauk-/bruk-*. Здесь прежде всего следует отметить лит. *brauktuvai* (мн. число) «чесалка с железными зубьями для срывания головок льна» (Серейский, 99). В ряде случаев одно и то же название употребляется то для обозначения бросновки, то трепала: лит. *brauktuve*, *bruktuve*, *brauktuvai* (LKZ, I, 834, 893), лтш. *brauklis*, *braukts*, *brauktuve*, *brauceklis* (Мюленбах—Эндзелин, I, 325—326). Важно отметить, что среди балтийских и славянских языков засвидетельствованы формы с полной и нулевой огласовкой корня: лит. *brauk-tuve/bruk-tuve*, русск. *брус-н-* (< **brouk'*-)/*брос-н-* (< **bruk'*-). Отношение между *k и *k' в исходе корня — обычно для балто-славянского ареала, где случаи непоследовательной сатемности

⁴) Кстати, по тому же признаку смешиваются названия брусники и толокнянки (ложная брусника), также имеющей красные плоды.

⁵) Френкель. 55. Ср.: *linus braukia brauktuvemis* (LKZ I, 832). В этимологическом словаре Фасмера лит. *BRAUKTI* очень неудачно (применительно к этимологии слова брусника) передается как «смахивать, стирать» (I, 221).

достаточно часты (лит. *pirkti/pirsti*^V, русск. *клонить/слонить*, русск. *гусь*/лит. *začsis* и т. п.).

Исключительно важным для понимания излагаемой этимологии является наличие в русских говорах глаголов *бросить*, *броснуть*, *бруснить* и *бруснуть*, употребляемых как при обработке льна, конопли, так и при сборе ягод. Вот некоторые примеры из «Словаря русских народных говоров»:

1) *бруснить* а) «срывать ягоды, семена, зёрна, захватывая сразу горстью»; б) «выбивать семя из конопли с помощью бруснёлки»;

2) *бруснуть* а) «срывать с ветки листья, ягоды», «обрывать ягоды целой кистью, захватив их всей горстью»; б) «очищать лен, коноплю от головок»;

3) *броснуть* а) «собирать ягоды, забирая их всей горстью руки, отрывая от стеблей»; б) «очищать лен, коноплю, овес от головок». Связь между двумя значениями последнего глагола была отмечена еще В. И. Далем (II, 616). Этимологическая общность значений «обрывать головки (у льна, конопли)» и «обрывать ягоды» наблюдается и у производных ряда приведенных глаголов. В качестве примера можно сослаться на пермск. *бруснёлка* (один из видов бросновки) и *бруснёлочка* «дорожка, проход в зарослях ягодника».

Этимология слова *брусница* в данном случае определяется способом собирания этой ягоды. Приведем краткое описание самого процесса сбора брусники (СРНГ, 3, 208): «Берут ягоду не по одиночке, а кучей, пропуская кустики брусницы между растопыренных пальцев руки, как бы черпая ее. Для сбора брусницы применяют деревянный совочек с длинными тонкими зубцами, наподобие гребня или растопыренных пальцев руки». Н. П. Гринкова (стр. 114) справедливо отметила, что «устройство такого совка в миниатюре напоминает льняную броснуху, а назначение и характер действия совпадают».

Типологическим аналогом названия брусницы может служить нем. *Streichbeere* (диалектн. *Strickbeere*) — к *streichen*⁶⁾ (ср. *Wolle streichen* «чесать шерсть»). Очевидно, что это название также было связано со способом собирания брусники, при котором кустики растения как бы «прочесываются» растопыренными пальцами руки.

Во всех статьях и словарях, излагающих рассматриваемую этимологию слова *брусница*, как правило, дается неточное, как мне кажется, семантическое обоснование этой этимологии. «Брусника названа так потому, что спелые ягоды ее можно очень легко рвать» (Шанский, I Б, 203); «потому что спелые ягоды легко срываются» (Фасмер, I, 221); «спелые ягоды брусники легко снимаются, сдвигаются, сбрасываются» (Гринкова, 113). Подобного же рода объяснения можно встретить и у других авторов. Однако, во-первых, не только брусника, но и любые другие спелые ягоды легко срываются и даже осыпаются с куста. Во-вторых, если следовать той же логике, то, например, русск. диалектн. *долбшка* или *долбанец* «лодка-однодревка» (Даль, I, 460) названа так потому, что лодка, сделанная из цельного ствола дерева, ... «легко выдалбливается», а русск. *кора* и *скора* (→ *шкура*) были образованы от корня **keg-* «резать», ибо они «легко срезаются». В названиях брусники, лодки-однодревки, коры и шкуры отразился способ собирания или способ изготовления предмета, независимо от легкости или трудности соответствующего процесса. А способ собирания брус-

⁶⁾ Это сопоставление можно найти в этимологических словарях Э. Бернекера (стр. 90), А. Брюкнера (стр. 42), М. Фасмера (I, 221), Ф. Славского (I, 45) и др.

ники — достаточно своеобразный, отличный от способа собирания большинства других ягод.

Итак, перед нами — две различные этимологии слова *брусника*, каждая из которых могла бы быть признана в достаточной мере убедительной, если бы эта этимология была единственной.

Какие же из приведенных сопоставлений следует признать верными — сопоставления с основой *брусьн-* «красный» или с основой *брусьн-* «срывать (головки льна, ягоды)»? Как это ни парадоксально, но, видимо, оба сопоставления правильны. И, тем не менее, от одной из двух изложенных этимологий нам придется все-таки отказаться. И вот почему.

Основу *брусьн-* «красный» мы можем обнаружить только на славянском ареале. Никаких следов этой основы в балтийских языках мы не находим. В то же время основа *brauk-/bruk-*, *брус-/брос-* (<*brouk'-/ *bruk'-) «срывать (головки льна, листья, ягоды)» засвидетельствована на более обширном балто-славянском ареале. Следовательно, последняя основа отличается большим архаизмом, чем основа *брусьн-* «красный».

В семантическом отношении развитие значений «срывать (ягоды)» → «сорванная (особым способом) ягода», «ягода брусники» → «цвета брусники» представляется гораздо более естественным, чем обратное семантическое изменение. Глаголы со значением «срывать», «обламывать», «срезать» нередко лежат в основе именных образований с исходным значением «(нечто) сорванное, обломанное, срезанное». Так, например, греческое слово *καρπός* «плод» этимологически сопоставимо с лат. *сагро* «срываю, рву», «собираю» (индоевропейский корень *ker-/ -ког- «резать, срезать»). Название же цвета, данное по окраске цветов или плодов растения, вообще встречается буквально на каждом шагу (*вишнёвый, малиновый, сиреневый, оранжевый, васильковый* и т. п.).

Таким образом, в семантическом отношении обе изложенные этимологии можно увязать между собой, если признать, что значение *брусьн-* «красный» является позднейшим, развившимся из значения «цвета брусники». Поэтому этимология Р. Ф. Брандта, предполагающая, что название брусники восходит к основе *брус(к)-н-* «красный», должна быть отвергнута. Против этой этимологии говорит также факт наличия болг. *брусника* и сербо-хорват. *брусника* со значениями «брусника» и... «черника». Названия последней ягоды в русских народных говорах отличаются исключительным однообразием (*черника, черница* — название по черному цвету)⁷⁾. Разумеется, болгарское и сербо-хорватское название черники с основой *брусьн-* не могло быть дано по красному цвету. В то же время объединение брусники и черники в одном названии хорошо известно и за пределами южнославянских языков. В качестве примера здесь можно сослаться хотя бы на англ. *bilberry* «черника» /*ged bilberry* «брусника» (ср. *черзена брусника* в болгарском языке). В польском языке *borówka* — это и «брусника», и «черника». Те же два значения имеют болг. *боровинка* и сербо-хорват. *боровница*.

Последние примеры легко объяснимы этимологически. Брусника и черника получили общее наименование как ягоды, растущие в бору («боровая ягода»). Здесь цвет брусники и черники практически не имеет значения. Именно поэтому общее название этих ягод в южнославянских языках — *брусника* — не может быть этимологически объ-

⁷⁾ Т. А. Боброва. О некоторых названиях ягод в суффиксом -ик(а). ЭИРЯ, VI, стр. 15—16.

яснено из значения «красный». В данном случае необходимо искать этимологию, не связанную с цветом ягоды, но способную, подобно этимологии польск. *borówka*, объяснить общее название брусники и черники. Именно такой является этимология, возводящая славянск. *брусница* к основе *брус(н)*- «срывать (особым способом) ягоды», — этимология, которая легко объясняет это общее название брусники и черники, ибо способ собирания тех и других ягод во многом сходен.

В словообразовательно-семантическом плане *брус-* относится к глаголу **брусать* (ср. болг. *бруса* «сбиваю, обиваю плоды с дерева») так же, как русск. диалектн. *брос* «отделенные от стеблей головки льна, конопли» относится к *бросать* «очищать лен от головок, обивая их». И если *брос*, за ненадобностью в хозяйстве, семантически развивается в сторону обозначения чего-то ненужного (ср. *бросовый, отбросы* и т. п.), то основа *брус-* была использована для обозначения ягоды, собираемой аналогичным способом. Реконструируемое сочетание **бруса* (ягода) хорошо объясняет такие названия брусники, как *бруска* (**бруска : бруска = дева : девка*)⁸⁾, *брусица* (**бруса : брусница = дева : девица*), *брусёнка* (ср. *девчонка*).

Приведенные формы названия брусники образованы от основы *брус-*. По обычной словообразовательной модели (*вода — водный*) от этой основы было образовано прилагательное *брусный* «то же, что брусниковый». Это прилагательное является «ключевым» для выяснения связи между двумя группами соответствий, приведенных в начале ластоящей статьи.

С одной стороны, *брусна* (ягода) в плане общей семантики отличается от *брус(к)а* не более, чем современное нам сочетание *брусничная ягода* от *брусника*. Все наиболее распространенные названия брусники восходят именно к основе *брусьн-*: *брусна* (ягода) → *брусница, брусника, бруснина, брусня* и т. д.

С другой стороны, наряду с сочетаниями типа *брусна ягода, брусный лист*, можно легко представить себе сочетание *брусный цвет*, в котором прилагательное *брусный* естественно приобретает значение «красный». Таким образом находят себе объяснение болг. *брусница* и белорусск. *брусніца* «корь», белорусск. *брусньць*, польск. *brzośniec* «краснеть» и т. п.

Впрочем, значение «красный», по-видимому, развивается у названия брусники, когда оно еще не было осложнено суффиксальным *-н-*. Об этом свидетельствуют такие примеры, как *брусковая смородина* (сорт красной смородины), *брусалка* «красная смородина», *бруск* «марена», а также *брусвяный*, «красный, багряный, цвета брусники», *брусвянить* «красить в красный цвет» и др.

Наконец, следует отметить, что генетически общее у балтов и славян название брусники (связь с глаголом **br(o)uk-ti/*br(o)uk'-ti*), видимо, возникло независимо в балтийских и славянских языках. Об этом свидетельствует различная огласовка корня у лит. *brukn(es)* и русск. *брусьн(ица)*, различие суффиксов (отглагольный суффикс *-п-* у лит. *bruknes* ← *braukti* и отыменной суффикс *-нь-* у русск. *брусница*, где *брусьн-* ← **брусьн-*, ср. *брусена, брусеника*)⁹⁾. Кроме того, даже в самих балтийских языках нет единого в словообразовательном отношении названия брусники (ср. лит. *bruknes* и лтш. *bruklene, bruklene*. Возмож-

⁸⁾ Разумеется, здесь речь идет лишь о генетическом, а не о семантическом тождестве приведенных моделей.

⁹⁾ Поэтому трудно согласиться с В. А. Меркуловой, которая считает, что балтийский и славянский отражают здесь единую словообразовательную модель (указ. соч., стр. 216).

но, что лтш. ^Λbruklene отражает древнейшее балто-славянское название брусники, но русск. диалектн. *бруслён*, *бруслина*, чешск. *brslep* свидетельствуют о том, что в славянских языках это название очень рано было перенесено на бересклет¹⁰⁾.

Значение «красный» как производное, развившееся из значения «брусничный, цвета брусники», встречается у анализируемых слов только на славянском ареале. Балтийские языки здесь не выходят за пределы отдельных случаев словоупотребления. Это обстоятельство также является весьма существенным при выяснении вопроса о соотношении основ *брус(н)*- «срывать (головки льна, ягоды)» и *брус(н)*-красный».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бернекер — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg, 1908 (unvollständig).

Брюкнер — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Варшавский словарь — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedzwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII, Warszawa 1900—1927.

Геров — Н. Геров. Речник на български език, чч. I—V. Пловдив 1895—1904.

Гринкова — Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология», 3, М., 1958, стр. 97—123.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, М., 1955.

Карлович — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. T. I—IV. Kraków, 1900—1911.

КрЭСРЯ — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Мюленбах—Эндзелин — K. Mühlenbach—J. Endzelin. Lettisch—Deutsches Wörterbuch. Bd. I—IV, Riga 1923—1946.

Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, тт. I—II, М., 1955.

Серейский — B. Sereiskis. Lietuviskai—rusiskos zodynas. Kaunas, 1933.

Славский — F. Slawski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. X, Kraków 1952 sqq.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Выпуск 3, Л., 1968.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.

Френкель — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen 1955 ff.

Шанский — Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 2, Изд. МГУ, 1965.

ЭИРЯ — Этимологические исследования по русскому языку. Изд. МГУ, 1960 слл.

ЛКЗ — Lietuviu kalbos zodynas. T. I. Vilnius 1941.

¹⁰⁾ Впрочем, ср. чешское *bruslina* «брусника».

Н. А. ПЕРШИНА

К НАЗВАНИЮ ГОДА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Для выражения понятия «год» латинский язык использует слово *annus*, фонетический облик которого можно сравнить с латинским *reppa* из **retna*.

Латинскому *annus* из **atnos* соответствует готское *arnam*, что представляет собой дательный падеж множественного числа «den Jahren». На итальянской почве известно осско-умбр. *akno* «год, праздник»¹⁾.

Эти соответствия дают нам возможность выделить в *annus* корень **at-*, утративший свой прежний облик вследствие регрессивной ассимиляции, характерной для латинского языка: *-tn- > -nn-²⁾*.

И.-е. корень **at-* обозначает не только время, но и движение в пространстве. Последнее значение сохранил санскрит. Достоверность связи латинского *annus* с древнеиндийским *at-* «ходить, бродить» может быть подтверждена семантической аналогией в развитии значений другого и.-е. корня **ei-*, производные которого либо развивают идею перемещения в пространстве, либо служат для обозначения времени³⁾. Порциг отмечает, «что из германских диалектов *arn-* принадлежит только готскому и даже в готском с ним конкурирует *jer* среднего рода, слово, являющееся единственным названием года в остальных германских диалектах»⁴⁾.

Двойной носовой в слове *annus* не мог быть подвержен изменениям в соответствии с фонетическими нормами латинского языка, так как он находится после краткого гласного: краткость а доказывается его качественным изменением в *bi-ennium*. *-nn-* из *-tn-* сохраняется во всех производных от *annus* словах, только в помпейских надписях мы встречаем форму *anopat* с одним *n*. «Здесь действует тенденция к недопущению двойного согласного после краткого гласного первого слога, когда второй слог долгий. Литературный язык восстанавливает в таких случаях двойной согласный»⁵⁾.

Производное от *annus* прилагательное *anniculus* имеет значение «годовой», «годовалый», в возрасте 1-го года. Как подмечает этимоло-

¹⁾ A. Walde J. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938, стр. 51.

²⁾ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1964, стр. 116.

³⁾ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951, стр. 293.

⁴⁾ В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1960, стр. 172.

⁵⁾ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1964, стр. 112.

логический словарь Эрну, Мейе, значение числительного «один» остается при этом невыраженным⁶). Оно подразумевается как в русском «годовик», «годовалый», так и в названиях однолетних животных, производных от и.-е. основы **uet-*: в др.-инд. «годовалое животное» *vātsah*, в готском *wiprus*⁷). *Vimulus*, *trimulus*, образованные от *bīmus*, *trīmus*, позволяют и в *anniculus* видеть **annicus*⁸). *Vimus*, *trimus*, *quadrismus* существуют в сельскохозяйственной лексике параллельно с *biennis*, *triennis*, *quadriennis*.

У Горация мы встречаем наряду с *vinum quinquienne*, *bimum merum*, *quodrimum merum*. Если *anniculus* «годовой», *biennis* «двулетний», то *bīmus*, *trīmus*, буквально, «двухзимний», «трехзимний» из *bi-himos* etc. Возраст животных свыше года определяется по числу прожитых лет или по числу прожитых зим. Определение возраста по числу прожитых зим встречается и в других языках. Сюда относится греческое *χίμαιρα* «молодая коза» англ.-сакск. *anwintre* «годовалый», англ. *twintet* «двулетний»⁹).

Семантически аналогичны приведенным выше словам старославянские назимъ «годовалый» (ягненок), назима — свинья в возрасте 1-го года, тризимъ, тризь «трехлетний», сербохорватские: двізе «двухгодовая овца», двізак «двулетний баран»¹⁰). Русские диалекты сохранили слово «лошшак» из «лонщак» (по Трубачеву¹¹) или «лончак» (по Фасмеру¹²) «лошадь по второму году». Что берется за основу при определении возраста в данном случае? Фасмер и Преображенский связывают это слово с др.-р. лоні «в прошлом году». Следовательно, лошшак или лончак — это лошадь, родившаяся в прошлом году.

Диалекты сохраняют слово лоні и его производные с небольшими вариантами в значении: в северо-восточных диалектах лоні «в прошлом году», лонской, лонішний «прошлогодний», кострм. олонно «очень давно», олонись «в прошлом году», ряз. «недавно».

В ст.-слав. лани или древнерусском лоні «в прошлом году», мы можем предполагать общеславянское **olni* из **olnei* с обычной славянской метатезой. **Olpi* родственно древнелатинскому *olli* «тогда» *olim* «некогда», «однажды», *ultra* из **oltrad* «по ту сторону», умбскому *ulo* «туда»¹³), Зоммер выделяет в них общую основу **ol-*. Эта же основа предполагается в древнем латинском местоимении *ollus*, равном *ille*. *Ollus* образовано по типу *exter-nus* с первоначальным суффиксом -*po-*, который изменился вследствие ассимиляции, в данном случае прогрессивной: **olnos* > *ollus*¹⁴).

Переход Іп в ІІ мы встречаем в *collis* «холм», предполагаемая первоначальная форма **colnis* подтверждается литовским *kálnas* «гора»¹⁵). Общеславянское **olni* регистрирует противопоставление прошедшего

⁶) A. Ernout, A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, Paris, 1951, p. 62.

⁷) A. Walde, J. Hofmann, II, S. 777.

⁸) A. Ernout, A. Meillet, p. 62.

⁹) A. Walde, J. Hofmann, I, S. 106.

¹⁰) А. Г. Преображенский. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1958, стр. 289.

¹¹) О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. 1960, стр. 43.

¹²) М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1967, т. II, стр. 517.

¹³) Там же, стр. 516.

¹⁴) F. Sommer. *Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre*. Heidelberg, 1948, стр. 428.

¹⁵) Там же, стр. 231.

и настоящего года, того года и этого. Язык ставит акцент на слове *olnī — в том, другом, прошлом году.

В латинском языке есть подобное противопоставление, только латинский язык выделяет этот год, настоящий и, текущий, как сказали бы мы, используя местоименную основу *hō-* в слове *hōgnus*. По типу *biennis* образованы сложения *perennis* и *sollemnis*. В слове *perennis* «продолжающийся целый год, непрерывный, постоянный» совершенно прозрачен префикс *per-*, который восходит к индоевропейскому **peri-*, **per-*¹⁶⁾. Прилагательное *perennis* может быть дублетной формой к *perennus*, на существование которого намекает имя древней итальянской богини *Anna Perenna* или *Анна ас Перанна* (существуют же параллельно *imberbus* и *imberbis*¹⁷⁾). Благодаря Макробию мы знаем формулу, которая была неотъемлемой частью торжества, посвященного Анне Перенне, в начале года, 15 марта: *ut annae perennaeque comitum liceat*¹⁸⁾. И если связь между словами *perennis*, *perennae*, *Perenna* мы можем считать очевидной и вторую часть имени богини этимологически ясной, то можем ли мы объединить в одну группу слова *annus*, *annae*, *Анна*? Если так, то слово *Анна* мы можем возводить к *annus* и рассматривать его как рифму к *Perenna*. Не лишено основания и сближение *Анна* с греческим *ἄννις* (по Вальде—Гофману). В составе *sollemnis* так же, как в *sollers*, римляне видели редкое слово, которое они воспринимали как *totus*. По Фесту это осское прилагательное: *Sollo*

osce dicitur, id quod nos totum vocamus. И это замечание совершенно справедливо. Нам известны осские слова: *sullus* «*omnes*», *suluh* «*omnino*», «*все*», *sullad* «*ubique*». Какова природа двойного *ll* в *sollus*? Зоммер считает: *sollo-* восходит к **soluo-*, *-lu-* дает в слове *sollus-ll-*. Подтвердить это могут древнеинд. и греч. соответствия: др.-инд. *sarva* «*весь*», греч. *ὅλος* из **sołFos* «*весь*». Аналогичное явление Зоммер видит в *mulleus* к лит. *mulvas* «*красноватый*» и в *pallidus* из **palu* к лит. *palvas* «*блеклый*»¹⁹⁾. Нам кажется эта точка зрения убедительной, и мы не будем останавливаться на *sollus* из **solnos* Вальде—Гофмана и Бругмана. Относительно второй части сложения вполне естественно недоумение: *biennis*, *perennis*, но почему *sollemnis*? Вальде, Гофман, включая *sollemnis* в группу производных от *annus* в написании *nn* видят влияние *omnis*. Эрну, Мейе и Зоммер считают вторую часть сложения неясной. Эрну, Мейе считают возможным видеть в *sollemnis* заимствование из эрусского языка.

В написании данного слова возможны варианты: *solennis*, *sollennis*, *sollemnis*. Относительно варианта *sollempnis* приведем точку зрения Нидермана: «группа *nn* является особенностью народного языка. В вульгарных текстах часто встречаются такие написания, как *autumpnus* «*осень*», *contempno* «*презираю*». Литературный язык не допускает этого вторичного *p* в группе *nn* и правильными считаются только написания *autumnus*, *contemno* и т. д.»²⁰⁾. Итак, не *sollempnis*, а *sollemnis*, наряду с *sollennis*, слово этимологически не вполне ясное и требующее дальнейшего изучения.

Annus может быть противопоставлено *hōgnus*, как прошедший год настоящему. У Луцилия мы встречаем «*Utrum anno, an hōgno*»²¹⁾. «В прошлом году или нынешнем».

¹⁶⁾ A. Walde, J. Hofmann. II, S. 284.

¹⁷⁾ A. Ernout, A. Meillet. S. 62.

¹⁸⁾ A. Walde, J. Hofmann. I. G. 50.

¹⁹⁾ F. Sommer. S. 220.

²⁰⁾ М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949, стр. 149.

²¹⁾ Thesaurus linguae latinae, vol.: II, fasc.: I, 116.

Оттенок прошедшего времени, скрытый в *annus*, может быть подчеркнут производным *annotinus* «прошлогодний» в противоположность *hornotinus* «нынешний», «этого года».

Латинский язык имеет целый ряд прилагательных типа *annotinus*, *hornotinus* с вполне определенным временным значением: *serotinus* «поздний», *crastinus* «завтрашний», *diutinus* «продолжительный», *pristinus* «прежний».

Этот ряд может быть пополнен древнеиндийскими и греческими прилагательными: др.-инд. *pra-t̥na-s* «прежний», «бывший» от *pra* «перед»; *pu-tana-s* «теперешний» от *pū* «теперь», *diva-tāna-s* «дневной» от *divā* «днем», литовское *dabar-tina-s* «теперешний» от *dabar* «теперь»²²).

Прилагательное *hornus* с суффиксом *-no-* и *hornotinus* с вторичным суффиксом *-tino-* употребляются, собственно, в одном значении, как в *horni agni* Проперция «ягнята нынешнего года» и *hornotinae puses* Катона «нынешние, этого года орехи».

Существительное *hoga* «время, час» одного корня с *hornus* и *hornotinus*. Надо полагать, что значение «время» более раннее, а «час» более позднее, и как 24-я часть суток совершенно условное.

Нельзя принять безоговорочное утверждение Покровского, который видел в *hoga* заимствование из греческого.

Латинские слова *hoga*, *hornus*, *hornotinus* скрывают в себе древнюю н.-е. основу, служащую для названия года, и позволяют сделать предположение, что эта основа некогда существовала в латинском языке вне сложения, как она существует в целом ряде других н.-е. языков.

Лат. *hoga*, греч. *ωρα*, гот. *jēg*, ст.-слав. *jaga*, авест. *yağə* восходят к н.-е. основе *-iōgo-/iēgo-*, которая является производной н.-е. корня **ei-* «идти»: дифтонгу *ei* соответствует нулевая ступень — сонант *j*, дальше следует распространение *o/e*, связанное с обозначением времени, и суффикс *-go-*, встречающийся среди прочих случаев употребления в словах, обозначающих время.

Основа *-iōgo-/iēgo-* широко используется в германских языках для обозначения года: гот. *jēg*, др.-сев. аг, англ.-сакс. *geaƷ*. Наиболее идеальной в смысле отражения общегерманских норм является готское *jēg* (среднего рода, с германской основой на *-a*), сохраняющее сонант *j* и *e*, соответствующее долгому н.-е. **ē*. Для северных языков характерно выпадение начального сонанта, а *a* вместо общегерманского **e* является относительно поздним явлением, так как в древнейшую эпоху германские языки *a* не имели. В форме *geaƷ*, отражающей особенности англосаксонской графики, начальное *g* соответствует *j*, а дифтонг *ea* из *a* — обязательное следствие написания *g*²³).

Слова *hoga*, *hornus* и *hornotinus* могут рассматриваться как сложения, первой частью которых является основа *ho-* от местоимения *hic*, *haec*, *hos*, (так же, как в *ho-die*). Эта местоименная основа (*he/o*, *hi*) не засвидетельствована ни в одном н.-е. языке, кроме латинского²⁴).

²²) К. Brugmann. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogerm. Sprachen. Straßburg, 1892, II, стр. 151—152.

²³) Б. Ильиш. История английского языка, 1968, стр. 61, 86.

²⁴) И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. Стр. 196.

Дальше следует и.-е. основа $\bar{i}$ ого «год»: * $\bar{h}o\bar{i}$ ого, — буквально, «в этом году» дает *ного с выпадением неслогового $\bar{i}$ и слиянием гласных, отсюда *hora*, *hornus*, *hornotinus*.

Прилагательное *anniversarius* указывает на связь глагола *vertere* с обозначением времени. Глагол *vertere* принадлежит к числу таких слов, над судьбой которых стоит задуматься и употребление которого в сочетании с *annus* имеет свои причины.

Vertere восходит к и.-е. корню **uer* (с распространением **uert*), основное значение которого «вертеть, вращать»²⁵). Этот корень оказался необыкновенно продуктивным в отношении развития его значений и создания целого ряда производных. Основные значения производных, засвидетельствованные и.-е. языками:

1. Глаголы со значением «вертеть, вращать», отглагольные существительные, обозначающие название соответствующего действия и предмет, производящий его.

Др.-инд. *vartati* «вращается, крутится», авест. *vardt* «крутиться, вертеться», лит. *versti* «вертеть, вращать». Славянское *vereteno* вполне соответствует древнеиндийскому *vartana* «кручение, верчение».

2. Глаголы, восходящие к **uer*(*t*), внесенные в социальную сферу на почве различных и.-е. языков, представлены целой гаммой оттенков, среди которых не последнее место занимает выражение отрицательного отношения к действию, как «отвращать, развращать» из ц.-слав. «вращать». К корню **uer*(*t*) восходит и гот. *waigþan* др.-в.-нем. *wegdan* «становиться». *Composita*: гот. *frawardjan* др.-в.-нем. *frawartan* имеют значение «испортить»²⁶).

Латинский глагол *vertere* характеризуется обилием производных, значения которых, особенно переносные, далеко отошли от первоначального конкретного *vertere* «вертеть, переворачивать».

Что представляют собой эти производные? В основном, это глаголы с приставками, указывающими на положение и перемещение в пространстве (некоторые из приставок имеют временное значение наряду с пространственным) и производные от этих глаголов — существительные и прилагательные.

На прямое значение производного от *vertere* слова часто накладываются переносные: например, *adverto* «обращать», *adversus* «противный, противоположный». (Подтекст: противоположный обычному, хорошему, благополучному). *Adversum*, *i* «несчастье, напасть, несчастный случай», *avis adversa* «птица, предвещающая несчастье», *tempore adverso* «в несчастное, худое время».

Из всех возможностей употребления глагола *vertere* нас интересует его употребление для выражения времени, как *Anno vertente* «в течение года».

Кроме *anniversarius* и сочетания *annus vertens* латинский язык сохраняет еще одно слово, отражающее употребление *vertere* для обозначения времени. Это имя древнеиталийского бога времен года (позднее бога купли и продажи) *Vertumnus* или *Vortumnus*. *Vertumnus* относится к *vertere*, как *alumnus* к *alere*.

²⁵) A. Walde, J. Hofmann. II. G. 765.

²⁶) Там же.

В *vertumnus* и *alumnus* мы можем выделить суффикс *-tno-*, характерный для древних медиальных причастий.

Корень **uer-* (или **uer(t)-*) с тем же причастным суффиксом сохранили санскрит и общеславянский.

Др.-инд. *vārtman* воспринимается как «путь, колея, след колеса, др.-сл. *врѣмѧ* «время», первоначально «вращение, коловращение». В свое время Покровский для обоснования этимологии *врѣмѧ* от глагола «вертеть» (лат. *vertere*, н.-е. **uer-*) приводил латинские *anniversarius*, *mensis vertens*, *annus vertens*.

Мы можем добавить к этому лат. *vertumnus* и сделать следующее обобщение:

1. Одна группа производных от **uer(t)* связана с понятиями о времени: сюда относятся латинские *anniversarius*, сочетание *annus vertens*, *Vertumnus*, сс. *врѣмѧ*.

2. Вторая группа производных **uer(t)-* связана с понятиями о пространстве, слова этой группы служат для обозначения движения в пространстве и для измерения пространства: сскр. *vartman* «путь, колея». Без сомнения, с категорией пространства связаны слова, производные от **uer(t)-* со значением «ряд, линия». Сюда относится лат. *versus* «ряд, линия».

Славянские языки сохранили слово *верста* (из *верт-та*) в значении «ряд, сверстник, возраст». В своем первом и основном значении «ряд, линия, борозда» (последнее в сербском) славянское «верста» может быть сопоставлено с лит. *vars-ta-s* (м. р.) «поворот плуга», «длина борозды», проведши которую плуг поворачивают, «мера поля». Лат. *versus* буквально равно лит. *Warstas*, с тою разницей, что *ti* в лат. *-s*; *versus* по сходству с бороздою значит «стихотворная строка»²⁷⁾.

Итак, 1-е значение — мера длины; 2-е (от значения борозды, идущей рядом и равной 1-й) — «ряд, пара, ровня, ровесник», др.-слав. *сѣврѣсть* «сверстница, супруга», сл. *vrstnik* «сверстник»: «В разумъ себя въ версту не поставилъ никого» (Указ. царя Мих. Фед., 1632 г.); 3-е значение — «возраст»: «Боголюбивый князь Александръ унь верстою» (Псков. лл. 1327 г.)²⁸⁾.

Заключение

Общим для корней **at-*, **ei-*, **uer(t)-*, нашедших свое отражение в латинском языке, является следующее: их производные распадаются на 2 группы, одни развивают идею перемещения в пространстве, а другие служат для обозначения времени.

Это возможно только потому, что человеческое сознание правильно отражает единую природу пространства и времени. И возможность для обозначения времени пользоваться теми же словами, что и для обозначения пространства, существует только потому, что существует связь между пространством и временем как таковыми.

²⁷⁾ А. А. Потебня. Т. 1, стр. 16. М., 1958. Из записок по русской грамматике.

²⁸⁾ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1, стр. 462.

В. Д. ФАТНЕВА

О ЛАТИНСКОМ СЛОВЕ CANDĒLA

Слова, обозначающие предметы материальной культуры, представляют определённую ценность для языковедов. Одним из таких предметов, являющихся неотъемлемым элементом древнеримского быта, была *candēla* «свеча». Она представляла собою тростник, обведенный воском или салом. Такого рода освещением римляне пользовались с древнейших времён. Позже, в более зажиточных домах *candēla* была заменена лампой, в которую наливалось масло. Но и после прихода в римский быт лампы в домах бедного населения *candēla* по-прежнему сохранялась¹⁾.

С этим словом в латинском языке связано образование *candelabum* первоначально — «небольшой подсвечник». Кроме того, с той же основой *cand-e-*, которую мы имеем в слове *candēla*, связан глагол *candeo*, *ui*,-*ege* «блестеть, сверкать», который встречается со времён Энния. К этому же ряду слов можно отнести: *candidus*, *a*, *um* «светлый, белый».

Все эти слова имеют общую основу **kand-*, значение которой на лингвистической почве латинского языка определить трудно. Слово *candēla*, кроме приведенной семантики, имеет и другое значение: «вощёная бечёвка, которая употреблялась для обмотки вещей, спускаемых в могилу с покойником». Это должно было на более длительный срок предохранить вещи от гниения.

В этом случае слово *candela* уже не связано с представлением об освещении или о блеске свечи. Следует поискать слова, родственные латинскому *candela* в других индоевропейских языках, имея в виду обе семантические возможности.

В фонетическом аспекте прежде всего привлекает к себе внимание русское слово *куделя* «пучок льна, поскони; приготовленная пряжа». Имеется две разновидности этой основы в зависимости от оформляющего её гласного: *куделя* и *кудель*. Слово это известно всем восточнославянским языкам: рус. *кудель*, *куделя*; укр. *кудель*; бр. *кудзеля*. Что касается древнерусской формы, то она в памятниках не засвидетельствована. Хотя в древнерусском языке эта форма не зафиксирована, М. Фасмер, однако, считает, что лит. *kuodelis* «пучок льна», лтш. *kuodel^vs* «кудель» заимствованы именно из древнерусского. Кроме того,

¹⁾ Ф. Любкер. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885, стр. 243.

предполагается, что из др.-рус. кхдѣль происходит финское *kuontalo*, водское *kõntala*, эстонское *koopal* «прялка»²⁾. Латышское *koda, kōdala* «пучок льна, пакли; кудель» ввиду его близости эстонскому слову *koopal* в фонетическом аспекте пока только гипотетически можно считать заимствованием из эстонского или какого-либо другого родственного ему языка. При условии, если предположение правильно, то древнерусское слово кУдѣль в латышский вошло как заимствование дважды: непосредственно из древнерусского и опосредствованно через какой-то прибалтийско-финский, скорее всего, через эстонский.

Относительно литовского глагола *kedēti, kedenū* можно предположить вторичность его происхождения, по крайней мере, вторичность его семантики, так как здесь имеется в виду обработка шерсти, т. е. кудели из шерсти. На это указывает его значение «щипать, дёргать шерсть». Мне же думается, что первоначально он должен был выражать действие, направленное на обработку льна, конопли, особенно последней.

Ст.-слав. кУдѣль в фонетическом и семантическом аспектах идентично словен. *kodelja*, болг. кУдѣля, кУделка «кудель», чеш. *koudel* «кудель, пакля», польск. *kadziel* «кудель, мычка».

В некоторых славянских языках наблюдается расширение семантики этого слова. Сербск. кудела обозначает не только «кудель», (то есть «лён или конопля, приготовленные для прядения»), но и «прялка» (то есть «то орудие, которым производится обработка»).

В свою очередь, в фонетическом отношении слав. кУделя || кУдель должна восходить к более ранней форме **kandēla* || *kandēlis*. Мы видим, что в качестве начальной формы для славянских слов, обозначающих «кудель, пакля, пучок льна, конопли, поскони, реже — шерсти», может быть использовано лат. *candela*, имеющее совершенно, казалось бы, несовместимое со славянским значение «свеча». Действительно, на первый взгляд представляется полное отсутствие какой бы то ни было семантической связи между латинским словом *candēla* «свеча» и славянским кУдѣля «кудель, пучок льна, пакли для прядения». Следует обратить внимание на устройство римской свечи (это — тростник, облитый сверху воском или салом) и на идентичность названия для свечи и вошёной бечёвки в латинском языке. В основу названия этих двух предметов положен какой-то общий признак, характерный им обоим. Попытка найти и определить этот общий признак и есть задача данной статьи.

В славянских языках слово «кудель» в различных фонетических проявлениях обозначает либо тот материал, который приготовлен для прядения, либо то орудие, при помощи которого производится процесс прядения. Но наряду с этими значениями в некоторых славянских языках имеются другие семантические оттенки; ср. в сербском КУДЕЛЬА — это не только «кудель, прялка», но и «конопля». Имеется деминутив от этого слова — КУДѢЛЬКА; кроме того, от этой же основы образовано

сербское слово КУДЕЛЬШИТЕ «конопляник»³⁾. Можно говорить о том, что слово «куделя» в славянских языках могло, очевидно, служить как для обозначения уже частично обработанных льна и конопли, главным образом, последней, так и для обозначения конопли, ещё не подвергшейся обработке. В результате расширения значения это слово в части славянских и балтийских языков употребляется для названия прялки.

²⁾ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.

³⁾ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I, М., 1910—1914.

Если лат. *candēla* и слав. *kŭndьlja* || *kŭndьlь* проанализировать с морфологической точки зрения с тем, чтобы выделить более простой элемент, значение которого нужно найти, то получается следующее, поскольку в латинском языке наряду с образованием *candēla* существует глагол *candeo* и отглагольное прилагательное *candidus*, можно выделить основу **kand-e-s*. Диалектная форма *randela* помогает реконструировать более древнюю италийскую форму **quandēla*.

Относительно морфологического членения славянского КУДЬЛЬ || КУДЬЛЯ существует два мнения. В этимологическом словаре М. Фасмера приводится мнение О. Н. Трубачева, который считает, что основная, значащая часть этого слова — ДЬЛЯ «толстая пеньковая нитка, употребляемая для плетения неводов». Она сочетается с распространенной приставкой *kg-*⁴⁾.

Существует и другая точка зрения. Слав. КУДЬЛЬ имеет суффикс -ЛЬ. Он может чередоваться с другими суффиксами. Так, в русском языке наряду со словом «кудель» в диалектах существует КУДЬРЬ «кудря, локон, завитая прядь волос»⁵⁾. Форма множественного числа от существительного КУДЕРЬ- КУДРИ- широко распространена в диалектах, часто встречается и в литературном языке. От этой же именной основы образовано прилагательное КУДРЯВЫЙ, которое в памятниках встречается с XIII века⁶⁾. Основа КУДЕРЬ может быть реконструирована для древнерусского языка в форме *КХДЬРЬ.

Исключительный интерес в связи с этой реконструированной основой представляют материалы тюркских языков. В основном, в них представлены две формы: КАНДАР и КАНДИР «конопля, пеньковая ткань». Слово КАНДИР обозначает название для конопли в кумандинском, алтайском, телеутском, лебединском, шорском, турецком, узбекском. Кроме того, оно входит в состав словосочетаний телеутского языка. Они обозначают названия конопли и посконн: *јымшақ КАНДИР* «конопля», *КАРАН КАНДИР* «посконь». Подобного типа словосочетания встречаются и в других языках: шор. *КАНДИР АЗАҒЫ* «маленькая, низкорослая конопля, поздняя конопля, поздныш»; шор. *КАНДИР АҒАШ//КЕНДИР АҒАШ КЕНДРЕШ* «прялка», дословно: «конопляпалка». Кроме этого, в алтайском и телеутском КАНДИР обозначает «лён». От основы КАНДИР «конопля, пеньковая ткань» имеются производные, образованные посредством распространенных тюркских суффиксов; ср. тел. *КАНДИР-ЛУ* «льняной, пеньковый», туркм. *КАНДАР-ЛИК* «передник», т. е. «содержащий пеньковую ткань»⁷⁾. Возможно, что слово это пришло в тюркские языки вместе с обозначенным им предметом извне, может быть, даже из индоевропейских языков, в частности, из языков, располагавшихся в юго-восточных областях России, где вообще произрастала конопля.

В славянских же языках, где слова с корневым элементом КУД- широко распространены, кроме образований с суффиксами -ЛЬ и -РЬ, существует целая лексическая группа, образованная с суффиксом -Л-. В украинском языке бытует слово КУДЛЫ в значении «пряди кудрявых волос, шерсти». Есть определённая внутренняя связь между приведён-

⁴⁾ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 99.

⁵⁾ А. Г. Преображенский. Указ. словарь. Кудерь.

⁶⁾ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 2. СПб., 1893.

⁷⁾ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, ч. 2, СПб., 1899.

ным КУДЛЫ и старославянским КУДЛО «руно». В русском языке можно найти многочисленные производные от этой основы: КУДЛА, КУДЛЫ «космы, растрёпанные волосы»; ряд прилагательных: КУДЛАТЫЙ, КУДЛАСТЫЙ; существительное КУДЛАЧ и глагол вторичного образования КУДЛАТИТЬ «встрёпывать, приводить в беспорядок волосы». Аналогичные образования имеются и в других славянских языках: чеш. *kudla*, *kudliiti*, польск., *kudlacz* «кудлач», *kudlać*, *kudlic*, *skudlać* «ерошить волосы»⁸).

Из двух точек зрения относительно выделения корневого элемента во всех приведенных выше словах славянских языков мы присоединяемся к той, сторонники которой выделяют КУД- > ст.-слав. КУД- > общеслав. **kand-*⁹). Этот корневой элемент можно назвать таковым лишь по отношению к определенной лексической группе славянских языков и к латинским словам, которые уже упоминались.

Дальнейший анализ словообразовательного элемента **kand-*, который, на наш взгляд, должен показать, что **kap-/ > *KY- > KY-* не является приставкой, а несёт основную семантическую нагрузку. Прежде всего, необходимо отметить, что Брюкнер предполагал родство слав. *kYnd* — с/**kYk* > **kyk*¹⁰). -d и -k являются, таким образом, формантами, присоединенными к корню **kap-*. Элемент **kapk-* (> **kYk-* > *KYK-*) входит в такие образования, как-то: КУК-ИШ., диал. КУКСА. По морфологическому образованию слово КУКИШ аналогично таким формам, как МЯК-ИШ (-нш — суффикс). В русском КУКЪ обозначает «кулак», диал. КУКА «кулак, сжатая ладонь». КУКСА «кулак», блр. КУКА «кулак», болг. КУКА «крюк». Уменьшительная форма КУКИШКА в тверском говоре встречалась также в значении «коса, косичка; пучок волос на затылке у церковника (особенно, если волосы свёрнуты комком)»; кроме того, «чёсанный пучок льна для насадки на прялку; кудель»; в новгородском говоре КУКЫЛЬ так же, как и КУКИШКА, обозначает: «свёрнутая пономарская косичка»¹¹).

Следовательно, все образования с корневым элементом КУК- содержат в своей семантике оттенок «искривлённый, согнутый», к какому бы конкретному предмету это не относилось: к кулаку (пальцы, согнутые к ладони), к кукишу (свёрнутая коса, косичка), к кукле (крюк). Современную слав. форму КУК- можно возвести к более ранней форме **kYk-/ > *kapk-*. Так как -k- является формантом, то к корневому элементу относится лишь **kap-*. Если **kand-* входит в качестве корня в одну лексическую группу приведённых языков, а **kapk-* является образующей основой другой группы слов, то **kap-* можно определить как более древний корень, вносящий в обе эти лексические группы общий оттенок значения. Так как и тростник, и бечёвка, входящие в консистенцию римской свечи, в своём названии содержат корень **kand-*, он, как нам кажется, является образующей основой для славянских слов в значении «вычесанный, перевязанный пучок поскони, льна или конопля, приготовленный для прядения; конопля, прялка», и генетически связан со словами, содержащими элемент **kapk-*.

Думается, что были правы те исследователи, которые считали начальным словообразующим элементом для всех этих выражений

⁸) А. Г. Преображенский. Указ. словарь. Кудель.

⁹) А. Г. Преображенский. Указ. соч.

¹⁰) Точку зрения Брюкнера привожу по этимологическому словарю русского языка М. Фасмера.

¹¹) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, СПб., М., 1881, Кука.

*ken-/*kop- в значении «искривлённый» и может быть «гибкий», поскольку речь идёт не только об обработанной, уже свёрнутой определённым образом конопле или поскони, но и о тростнике, (точнее — об отдельной тростинке).

Корневой элемент *ken-/*kop-/*kap-, который объединяет все приведённые слова, очевидно, является основным, несущим семантическую нагрузку в греческом слове *kanva* «тростник, камыш»; иногда оно может обозначать «тростниковая ограда, плетёное ограждение». С этим образованием связаны такие формы, как *kanvatrov*, *kavatrov* «плетёный кузов повозки, коляска с таким кузовом». Такую же семантику имеет слово *kanov*.

Слово *kanva* входит в состав образования *kanvafis* «конопля» и его производного *kanvafida* «платье, сделанное из конопли или парусины». Греч. *kanvafis* было заимствовано в латинский, где оно оформилось по склонению на -i. В аккузативе оно имеет окончание -im, в аблативе — -i. В генетическом родстве с ним находятся ст.-слав. КОНОПЛЮ, др.-рус. КОНОПЛЯ, рус. КОНОПЛЯ, диал. КОНОПЬ (мн. число — КОНОПИ), укр. КОНОПЛЯ, блр. КОНОПЬ, др.-в.-нем.

hanaf, нем. hanf, др.-сканд. hanrg, англ.-сакс. haep, лит. kanapės, др.-пр. kparios нперс. kanab, kanav, арм. kapa^c, kaperc^c, др.-инд. śanā-s («род конопли») ¹²⁾.

Что касается славянской формы КОНОПЛЯ, то можно говорить о том, что оно имеет в основе тот же элемент *kap-, что и греческое *kanvafis*. В древней форме этого слова на славянской почве было, очевидно, одно «п», «а» краткое и «п» не входили в один слог. Этим объясняется, что не возникает дифтонга. Он мог бы появиться в том случае, если бы было sdвоенное «п». Тогда первый слог по своему образованию был бы закрытым, из сочетания -ap- в период действия закона открытого слога возник бы У.

Греческие слова, с одной стороны, связаны со словом *kanva* «тростник, камыш», и имеют его в качестве образующей основы в морфологическом аспекте; с другой стороны, внутренняя семантика этой основы (скорее всего, «гибкий, пригодный для плетения» больших и малых вещей) объединяет их в группу генетически связанных слов. Словом *capna* в латинском языке называли ещё и плетёные челны нумидийцев.

На наш взгляд, значения слов различных языков, связанные с плетением, свёртыванием (льна, конопли), с признаком предметов (искривлённость волос — КУДРИ, шерсти — РУНО), являются важным источником для установления семантики простого корневого элемента, объединяющего все эти слова, — элемента *ken-/*kop-/kap-.

В результате рассмотрения приведенного круга лексики различных индоевропейских языков (латинского, славянских, греческого, германских, балтийских) и некоторых материалов тюркских языков можно предположить генетическую связь между лат. *candela* и слав. куделя / > *kandela*. Кроме того, благодаря наличию корневого элемента *ken-/*kop-/*kap- к этому ряду можно отнести такие слова, как слав. КУК, КУКСА, КУКА, греческие и различные производные от него. В основе всех этих слов лежит элемент *ken-/*kop-/*kap- в значении «искривлённый» (о лне, поскони, конопле) и «гибкий» (о тростнике).

¹²⁾ А. Г. Преображенский. Указ. словарь. «Конопля».

Т. И. НИКИТИНА

О греческом слове $\chi\alpha\mu\alpha\rho\acute{\upsilon}$

В данной статье нас интересует греческое слово $\chi\alpha\mu\alpha\rho\alpha$, ионическое $\chi\alpha\mu\alpha\rho\eta$, $\acute{\iota}$ (α и η различаются по греческим диалектам). Некоторые словари дают нам представление о качестве первой гласной ($\chi\alpha\mu\alpha\rho\alpha$, $\chi\alpha\mu\alpha\rho\eta$). У Геродота $\chi\alpha\mu\alpha\rho\alpha$ употребляется в значении «крытая повозка со сводчатым верхом». У Диодора это сводчатая комната. В греческом языке имеются образования от данной формы позднего происхождения с понятием «круглый, вогнутый: свод». В надписях встречаются формы $\chi\alpha\mu\alpha\rho\iota\omicron\nu$, $\chi\alpha\mu\alpha\rho\iota\kappa\omicron\varsigma$ «сводчатый, снабженный сводом». Отымённый глагол $\chi\alpha\mu\alpha\rho\omega$ «покрывать сводом» с производным $\chi\alpha\mu\alpha\rho\omega\varsigma$ «свод». Страбон часто употреблял формы $\chi\alpha\mu\alpha\rho\acute{\upsilon}$ «свод» и $\chi\alpha\mu\alpha\rho\omega\varsigma$ «сводчатый».

Объяснить эту форму с помощью данных греческого языка невозможно. Слово является явным заимствованием. В исследованиях разных авторов указываются разные источники заимствования. Так, по Логарду, Фику, это слово иранского происхождения. Зольмзен и Прельвиц ссылаются на карийский источник. Без указания на источник заимствования мы можем толковать данное слово с помощью других индоевропейских языков. В Авесте встречается форма $ka\tauaga$, $\acute{\iota}$ «свод, пояс». Первичным глаголом для данного образования, по Прельвицу, следует считать корень $ka\tau-$ «покрывать»¹⁾.

Покорный²⁾ дает форму $ka\tau-eg$ «гнуть, покрывать». Исходя из первичного глагола, $ka\tauaga$ «свод, пояс» будет, вероятно, отымённым (причастным) образованием.

Сравни такие комплексы, как древнеиндийское $mandirám$ «жилище», $mandirā$ «конюшня», греческое $\mu\alpha\upsilon\delta\rho\alpha$ «лошадь, плетень, конюшня». Древнеиндийское $ka\tauarā\acute{\iota}$ «быть круглым» — вторичное образование, осложнённое суффиксом $-ti$. Иранские языки дополняют данное толкование: древнеиранское $ka\tauaga$ «пояс», новоиранское $ka\tauag$. Из современных иранских языков, а именно шугнанский³⁾ имеет $ka\tau\acute{a}g$ «пояс, кошель» и $ka\tauag\acute{\iota}$ «поясница». Образования на «г» характерны для иранских языков. Сравним следующий материал из таджикского языка: $kasr$ «дворец», kor «дело», gur , $ka\bar{b}r$ «могила», $na\bar{z}ar$ «взгляд».

¹⁾ W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache, Göttingen, 1905, стр. 206.

²⁾ И. Покорный. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, München, 1959, стр. 524—525.

³⁾ И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.—Л., 1960, стр. 160.

В талышском языке (язык иранской группы) причастия прошедшего времени образуются от глагольной основы *marde* «умирать», — *bimaga* «умерший», где *bi* — префикс⁴⁾. Интересующие нас слова содержат общее значение: «крыть, покрывать, гнуть»; «свод, пояс». Вероятно, в этом можно усмотреть древнее представление о перекрытии, шатровости, связанное со способом постройки данного жилища, например, от связанных вместе вершин деревьев, кустов, образующих сводчатое перекрытие.

Убеждают в этом рефлексии германских языков, хотя они касаются не столько иной области: одежды человека. Наименования одежды и жилища человека, как защищающие человека, развиваются параллельно. (Сравни: *togo* «покрывать», *toga* «одежда», *texov* «крыша»).

Индоевропейское *k* — готское *h*: *ga-hatop* «покрывать», нижненемецкое *huten*, средненемецкое *hute*, нижненемецкое *Hemd* «рубашка» «здесь германские формы в сравнении с готским теряют приставку *ga-*), англосаксонское *ham-g*⁵⁾ «покров, покрывало». Данные северогерманских языков, обозначающие жилье, содержат иной комплекс: древнесеверное *gamti*, норвежское *Gamme*, шведское *gamta* и *gamte*, имеющие параллели в балтийских языках.

В финской Калевале в значении «жилье» употребляется *kamtiö*, лапландское *гата*⁶⁾. Греческое *хамара*, *п*, *ф* со всеми производными очень рано появляется в латинском языке. Вероятно, проникает из греческих колоний, а соседствующие италийские племена являются посредниками. Отсюда большое разнообразие фонетических вариантов данного слова. Примером этому служит калабрийский диалект, южнее которого был распространен диалект греческих колонистов. *Самтари* из греческого *хамарион*, что, в свою очередь, является уменьшительным от *хамаров*. *Самтагина* из греческого **хамарива*⁷⁾.

В латинском языке *самата*, *самата*, *аеф* прочно входят в обиход. В поэтической речи Цицерона — это «свод, горница, беседка в саду, кровля, выведенная сводом».

У Тацита, Плутарха, Страбона «камары» — вид корабля или легкой барки. Название они получили из-за своей дощатой крыши в виде свода (*хамара*). Они были сделаны без железа, с рулевым управлением впереди и сзади, так что могли двигаться без разворота в любую сторону, и плавали по Боспору и Понту⁸⁾. Слово камары у латинян заимствуют готы. В III в. н. э. со времен Каракалы готы воюют с империей. Они появляются в разных местах Понта, совершают нападения на суше и на море. По морю они пробираются в Дакнию, во Фракию на небольших судах — «камарах», позже однодеревках. Готы бороздят «камарами» Черное море и пробираются даже в Средиземное море⁹⁾.

Латинский язык обогащается выражениями, в основе которых лежит понятие «свод», «сводчатый» — *cameratus*, *а*, *um*, *camerata vehicula* — «крытая повозка», *camerata arca* «сундук со сводчатой крышкой, баул», *camurus а*, *um* «сводчатый, выпуклый». Из латинского

⁴⁾ Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 192.

⁵⁾ См. сноску 1.

⁶⁾ A. Ahlqvist. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875, стр. 106.

⁷⁾ Gerhard Rohls. Vocabolario supplementare dei dialetti delle Tre Calabre. München, 1966—1967, стр. 52.

⁸⁾ August Pauly. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. 2, Stuttgart, 1842, стр. 108.

⁹⁾ С. М. Середонин. Историческая география. Пр., 1916, стр. 65.

языка слово проникает во все романские языки. В старофранцузском языке в качестве сложных слов появляется в «Житии святого Алексиса» в XI веке. *Chambre chambrette* — XII век, *chambrier* — XII век, *chambellenc*, XIII—XVI век. Характерно появление паразитического «b» в группе согласных *mr, ml*, что, вероятно, является признаком разговорного языка, ср.: калабрский диалект *самбага, самбга* и французские формы *comble, tromble*.

Повсеместным явлением разговорной речи является удвоение плавных согласных, ср. калабрские *самтага, саматтаге*.

В средние века слово *самтега* становится чрезвычайно распространенным. В нем еще сохраняется его основной признак: «свод, сводчатый», т. е. подразумеваются низкие потолки. Кладовые камеры с низкими потолками передают свое название приставленным к ним служителям-казначейм. Во франкском государстве это *kamerling* в древневерхненемецком *kemerling*, в старофранцузском *chamberlenc*, во французском *chambellan*.

В английском языке в среднеанглийскую пору *chamber* появляется вместе с другими заимствованиями из латинского языка легионеров. *Chamber* «свод, сводчатый» в этом случае обозначает неотопленную спальную комнату с низкими потолками (*bedchamber*).

В более позднее время, когда теряется это значение «свода» в данном выражении, происходит замена второго компонента. В XVII в. *chamber* в слове *bedchamber* заменено на *bedroom* (на слово германского происхождения).

В слове *самтега* остается лишь значение «комната», теряя яркую особенность быть сводчатым. Все дальше становится путь к своду, повозке с крытым верхом, гондоле.

С. У. РОДИОНОВ

ОБ АНАЛИТИЧНОСТИ ФОРМ «HABBAN + ПРИЧАСТИЕ II» И «WESAN + ПРИЧАСТИЕ II» В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древнеанглийском языке встречается конструкция «habban + + прямое дополнение + причастие II, согласованное с дополнением в роде, числе и падеже». Исследователи древнеанглийского языка полагают, что эти конструкции послужили базой для образования в среднеанглийском перфектных аналитических форм¹⁾.

Дадим анализ употребления таких конструкций Beow. 205—206 *Haefde se goda Geata leoda setrap gesogone*. «Имел этот храбрец воинов, избранных из людей геатов».

Причастие II *gesogone* согласовано с дополнением *setrap* (воинов), стоящим в винительном падеже, муж. рода, множ. числа.

О конструкциях такого типа Б. А. Ильиш пишет: «Первоначально такие сочетания означали, что субъект владеет предметом, который обладает определённым признаком, приобретённым в результате действия, произведённого над ним. Затем они превращаются в способ выражения результативного действия»²⁾.

Beow. 930—940: *Nu scealc hafath thurh Drihtnes miht daed gefremede*.

«Сейчас воин имеет через господу могущественное дело (подвиг) завершённое (завершённым)».

Причастие II *gefremede* согласовано с существительным женского рода, ед. числа *daed*, стоящим в форме винительного падежа.

Sax. Chr. The Parker Ms (A) 658: *he waes thaer — III — gear on wrece, haefde hine Penda adrifenne* (*riches benumenne*).

«Он пробыл в ссылке 3 года, так как Пенда его изгнал и лишил наследства».

Глагол *haefde* относится к подлежащему Пенда. Толкование же значения дополнения *hine* (его) с относящимся к нему причастием II вызывает затруднение. Нам кажется, что такая конструкция употреблялась тогда, когда действие совершал не сам субъект, а кто-либо другой в пользу субъекта, или когда действие совершалось при косвенном участии субъекта или в присутствии его. Иногда такая конструкция употребляется в том случае, когда действие совершается множеством людей. Следы употребления таких конструкций сохра-

¹⁾ См. Б. А. Ильиш. История английского языка. Изд-во л-ры на ин. языках. М., 1958, стр. 116.

Г. Н. Воронцова. Происхождение и первоначальное развитие перфекта с вспомогательным глаголом в английском языке. I МГПИИЯ. Ученые записки, том 11. Вопросы грамматики. М., 1946, стр. 174—180.

²⁾ Б. А. Ильиш. Указ. соч., стр. 116.

нились в современном английском языке. Так, предложение *I had my hair cut* в современном английском языке означает не просто «Я постриг волосы». Это предложение означает: «Кто-то (парикмахер) постриг меня». Исходя из вышеизложенного, выражение *haefde hine Penda adrifenne/rices beupenne* следует понимать так: «Кто-то, по указанию короля Пенды, прогнал его (имеется в виду Кенвальф) и лишил его (Кенвальфа) наследства (власти)».

Рассматривая конструкции с *habban*, Г. Н. Воронцова приводит такой пример: *And we habbath godes hus inne and ute claene berypte* (Н. S. 90/31).

(«... и мы имеем бога дома внутри и снаружи чисто ограбленные»). Анализируя значение данного предложения, Воронцова пишет: «Характеризует ли это положение формальный объект сообщения «мы» в конструкции с глаголом *habban*? Характеризует лишь косвенно: как владетелей, обладателей ограбленных домов; но не как авторов основного по значению действия — ограбления: ни конструкция, ни смысл сообщения не дают никаких оснований приписывать «нам» это прошлое действие»³⁾).

В древнеанглийском языке нередко встречались описательные формы «причастие II + глагол *habban* «или — реже» *habban* + причастие II», в которых причастие II было формально согласовано с подлежащим в роде, числе и падеже, если подлежащее имело форму единственного числа. Это же причастие можно считать и несогласованным, так как несогласованная неизменяемая форма причастия II совпадает с согласованной формой единственного числа. Рассмотрим несколько примеров употребления таких описательных форм.

Beow. 893—894: *Haefde aeglacea elne gegongen, thaet he beahhordes brucan moste*.

«Воин доблестью добился, что он сокровища мог использовать по своему усмотрению».

Форма *haefde gegongen* имеет перфектное значение, так как она выражает результат законченного действия. Причастие II *gegongen* можно считать формально согласованным с подлежащим *aeglacea* в роде, числе и падеже. Форму причастия II также можно считать несогласованной с подлежащим. Такая несогласованная неизменяемая форма остается одинаковой при любом числе и роде подлежащего. Строй сложноподчиненного предложения показывает, что причастие II не относится к дополнению *elne* «доблестью», оно не относится и к дополнителю *brucan moste*. Таким образом, сочетание *haefde gegongen* является единой перфектной аналитической формой глагола.

Beow. 2951—2953: *eorl Ongenthio ufor oncirde; haefde Higelaces hildegefrunen, wlonces wigcraeft*.

«Эрл Онгентю далее повернул назад, так как он услышал о войне Хигелака, о гордой доблести».

Причастие II *gefrunen* не согласовано с прямым дополнением *hilde* «война, битва», существительным женского рода в винительном падеже ед. числа. Причастие II *gefrunen*, скорее всего, стоит в неизменяемой форме. Если даже причастие II и согласовано с подлежащим, все равно форма *haefde gefrunen* является аналитической формой перфекта.

Beow. 408—409: *haebbe ic maertha fela ongunnen on geogothe*.

«Я начал (предпринял) много героических дел в юности».

³⁾ Г. Н. Воронцова. Указ. соч., стр. 174.

Форма *haebbe ongunnen* является перфектной аналитической формой глагола.

Beow. 433—434: *Haebbe ic eac geahsod, thaet se aeglaeca for his wonhydum waepna ne recceð.*

«Я также слышал, что это чудовище не остерегается оружия из-за своего безрассудства».

Форма *haebbe geahsod* стоит перед дополнительным придаточным предложением и поэтому является единой глагольной перфектной формой, относящейся к подлежащему.

Sax. Shr. The Laud Ms (E) 675: *Ic haue geheard seo kypinges Aethelredes geornunge (thes) aercebiscopes Theodorus.*

«Я слышал о трудолюбии короля Этельреда и архиепископа Теодора».

Перфектная форма *haue geheard* имеет порядок слов современного английского языка и прямое дополнение *geornunge* стоит после сказуемого как в современном английском языке.

ВЕН (Р. I) 314, 1—2. *THa acfter med miclum faece thaes the he sae oferfaren haefde, tha waes he gehrinen mid untrymnesse/forthferde.*

«Затем, вскоре после того, как он пересёк море, он заболел и умер».

Глагольная форма *oferfaren haefde* обозначает действие, предшествующее другому прошедшему действию, т. е. имеет значение перфекта прошедшего времени (плюсquamперфекта).

ВЕН 382. *THa he thaet gedon haefde, tha sette he tha reliquias in heora cyste, swa he haten waes.*

«После того, как он это сделал, он поместил останки в гробницу, как ему было приказано».

Форма *gedon haefde* выражает действие, предшествующее другому прошедшему действию *sette* «поместил». Третье действие, самое раннее из трёх, выражено формой *haten waes*. Итак, формы типа *gedon haefde* могли выражать эмфатическое, более близкое по времени предшествующее действие, а формы типа *haten waes* могли выражать действие, которое произошло задолго до наступления других прошедших действий.

В древнеанглийском языке в описательных формах «*habban* + причастие II, как правило, причастие II было не согласовано с подлежащим, т. е. стояло в неизменяемой форме, если подлежащее имело форму множественного числа.

Beow. 2381 *haefdon hy forhealden helm Scyflinga.*

«Они игнорировали шлем (вождя) шведов».

Причастная форма *forhealden* не согласована с подлежащим *hy* «они», так как причастие употреблено в неизменяемой форме, совпадающей с формой именительного падежа, ед. числа, муж. рода. Если бы причастие было согласовано с дополнением, оно имело бы форму *forhealdenne*. Здесь мы видим такой этап развития перфектной формы, на котором причастие II употребляется в одной и той же неизменной форме при подлежащих единственного и множественного числа. Следовательно, причастие II не согласуется в числе и роде с подлежащим. Таким образом, форма причастия II в сочетаниях «*habban* + причастия II» в древнеанглийском языке была такая же, как форма причастия II, употребляющаяся в описательных формах перфекта в современном английском языке.

Beow. 2707 *and hi hine tha begen abroten haefdon.* «... и они его вдвоём (оба) убили».

Причастие II *abroten* описательной формы *abroten haefdon* не со-

гласовано ни с подлежащим, ни с дополнением. Таким образом, форма *abroten haefdon* является аналитической формой перфекта.

Анализируя сочетания с «*habban*» в древнеанглийском языке, В. Н. Ярцева пишет: «Причастие II от переходных глаголов сочетается с *habban*, причастие II от непереходных глаголов — с *beon*; однако, если положение переходных глаголов не возбуждает сомнения, то в отношении непереходных глаголов дело обстоит сложнее»⁴).

К высказыванию В. Н. Ярцевой можно сделать дополнение о том, что причастие II от косвенно-переходных глаголов также употребляется в сочетаниях «*habban* + причастие II».

Beow. 804—805 *ac he sigewærnum forsworen haefde, ecca gehwylcre.*

«Но он зачаровал оружие победы, каждый из мечей» (дословно: «Но он зачаровал оружием (дат. падеж мн. числа среднего рода) победы, каждому (дат. падеж ед. числа жен. рода) из мечей»).

Глагол *forswerian* управляет дополнением в дательном падеже, т. е. глагол является косвенно-переходным, и его причастие II употреблено в сочетании с глаголом *habban*.

Beow. 2300—2302 *he thaet sona onfand, thaet haefde gumena sun goldes gefandod heahgestreona.*

«Он скоро нашёл (понял), что кто-то из людей разыскал его золото, его замечательные сокровища», (дословно: «Он скоро нашёл, что кто-то из людей разыскал «золота» (род. падеж, ед. числа, среднего рода) *goldes*, его замечательных сокровищ (род. падеж, мн. числа, среднего рода) *heahgestreona*»).

Глагол *gefandian* является косвенно-переходным, так как принимает дополнение в родительном падеже, но его причастие II употреблено в сочетании с глаголом *habban*.

В Беде имеется пример употребления в сочетании с *habban* причастия II, образованного от косвенно-переходного глагола, управляющего дополнением при помощи предлога *ymbe*.

БЕН (Р. 1) 416, 25—27 *THa thaet tha geherde se hu hie gedon ymbe tha menn haefdon, tha the gesion/saecgan waldon, tha waes he swiththe eorre.*

«Теперь, когда вождь услышал, как они поступили с теми людьми, которые желали увидеть его и поговорить с ним, он был очень сердит».

Форма *gedon haefdon* выражает предпрошедшее действие. Так как форма причастия II *gedon* не согласована с подлежащим, т. е. причастие имеет неизменяемую форму, мы имеем аналитическую форму перфекта, причем перфект образован сочетанием глагола *habban* с причастием II от косвенно-переходного глагола, управляющего дополнением при помощи предлога.

Кроме перфектных форм «*habban* + причастие II» в древнеанглийском языке существовали формы перфекта: «глагол *wesan* + причастие II от непереходных глаголов».

БЕН 412, 12 *Ic wat thaette thaes storm for me is sumen sended waes.*

«Я знаю, что этот шторм был послан и наступил из-за меня».

Форма *is sumen* имеет перфектное значение. Она показывает, что действие уже совершилось, и результат этого действия связан с моментом речи.

GPC (45) 116 *tha he cwaeth we sint gewordene swelce lytlingas betweoxn eow.*

⁴) В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. АН СССР, Институт языкознания. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 141.

Затем он сказал: «Мы стали как бы малыми детьми между вами». Форма *sint gewordene* имеет перфектное значение.

По вопросу о том, следует ли формы типа *is cumen* и *abroten haefdon* считать перфектными, существуют прямо противоположные высказывания различных исследователей.

В. Н. Ярцева в «Исторической морфологии английского языка» пишет: «Однако сочетание глагола бытия с причастием II ником образом не являлось для древнеанглийской эпохи перфектом, а представляло собой обыкновенное составное сказуемое. Его видовой характер определяется лишь содержанием самого причастия»⁵⁾.

В качестве причин того, что конструкция «*wesan* + причастие II» не является перфектом, В. Н. Ярцева приводит такие признаки: склоняемость причастия, сочетание причастия II непереходных глаголов с глаголом бытия и с глаголом *weorthan*, употребление с глаголом *wesan* причастий глаголов переходных и непереходных и обыкновенных прилагательных, употребление предикативно только тех причастий, которые могли употребляться атрибутивно.

Все эти признаки требуют дополнительного рассмотрения. Согласование причастия II в падеже, роде и числе с подлежащим не исключает единства сочетания «*wesan* + причастие». В латинском языке форма «*sum* + *participium perfecti passivi*» является перфектной, хотя причастие II согласуется с подлежащим в падеже, роде и числе. В итальянском языке в настоящее время употребляются следующие формы описательного перфекта:

ho trovato	sono andato, -a
hai trovato	sei andato, -a
ha trovato	è andato, -a
abbiamo trovato	siamo andati, -e
avete trovato	siete andati, -e
hanno trovato	sono andati -e

Мы видим, что в описательном перфекте, образованном при помощи вспомогательного глагола *авеге* «иметь», причастие II имеет неизменяемую форму, тогда как в перфекте, образованном при помощи вспомогательного глагола *essere* «быть», причастие второе имеет форму рода и числа. Однако, несмотря на такое согласование причастия II с подлежащим, формы «*essere* + причастие II» являются также перфектными. Формы описательного перфекта, образованные при помощи вспомогательного глагола *авеге*, являются аналитическими, поскольку причастие II в них для единственного и множественного числа имеет одну и ту же форму, а формы «*essere* + причастие II» являются уже перфектными, но еще не полностью аналитическими, поскольку причастие II согласуется еще с подлежащим в роде и числе. Следует указать, что дальнейшее развитие аналитических форм возможно даже тогда, когда причастие II в таких формах имеет неизменяемую форму. Наличие в современном английском языке таких разговорных перфектных форм, как *I've had* говорит о том, что аналитические формы могут упрощаться за счёт сокращения формы вспомогательного глагола и слияния ее с подлежащим. Развитие аналитических форм могло бы идти также за счет дальнейшего сокращения причастия II.

Сочетаемость причастия II от непереходных глаголов с глаголом бытия и глаголом *weorthan* не исключает возможности употребления глагольной формы в перфектном значении. То, что глагол *wesan* мог употребляться в сочетании с прилагательными и с причастиями II,

⁵⁾ Там же, стр. 142.

также, по нашему мнению, не говорит о том, что такие формы не могут быть перфектными.

Относительно описательных форм с глаголом *habban* в древнеанглийском языке В. Н. Ярцева указывает: «Если примеры, подобные вышеприведенным (типа *hafast gefremed*.— С. Р.), указывали на развитие перфекта как глагольной формы, то все же нельзя было говорить о нём как об аналитической форме глагола до тех пор, пока данная конструкция не охватывала всей системы спряжения английского глагола»⁶⁾.

Нам кажется, что не совсем правильно судить о древнеанглийских формах, исходя только из форм современного английского языка. Если считать неграмматизированными все древнеанглийские формы, не полностью соответствующие формам современного английского языка, то мы можем прийти к выводу, что в древнеанглийском языке не было форм настоящего и прошедшего времени действительного залога. Ведь в настоящем времени в древнеанглийском языке все три лица единственного числа имели особые окончания, а сейчас окончания первого и второго лица единственного числа настоящего неопределенного времени действительного залога совпадают. В древнеанглийском претерите индикатива второе лицо единственного числа имело особую корневую гласную и окончание, и во множественном числе употреблялось особое окончание, а сейчас в прошедшем неопределенном времени в изъявительном наклонении во всех лицах единственного и множественного числа употребляется одинаковая форма глагола. Но мы все же говорим, что в древнеанглийском языке были формы настоящего и прошедшего времени индикатива в действительном залоге.

Советский лингвист А. И. Смирницкий также полагает, что древнеанглийские описательные конструкции не являлись аналитическими. В книге «Древнеанглийский язык» он пишет: «В общем представляется возможным заключить следующее: в древнеанглийском языке было определенное количество сочетаний служебных или полуслужебных глаголов с формами причастия и инфинитива, но ни одно из этих сочетаний, хотя и выделявшихся своей частотностью употребления, окончательно с простыми словоформами не сблизилось и рассматриваться в качестве аналитической (составной) формы не может»⁷⁾.

Однако существуют другие мнения о значении описательных конструкций в древнеанглийском. Так, Г. Н. Воронцова пишет: «С причастиями активного характера дело обстоит несколько иначе, потому что они гораздо реже употреблялись атрибутивно и реже сочетались с *weorþan*; поэтому, пожалуй, можно считать, что в целом ряде случаев мы имеем уже в древнеанглийском форму описательного перфекта интранзитивных глаголов»⁸⁾.

Мы считаем, что «древнеанглийские формы «*habban* + причастие II» и «*wesan* + причастие II» являются перфектными. Уже в Беовульфе причастие II в сочетании с глаголом *habban* не было согласовано с подлежащим в падеже, роде и числе. Формы перфекта с *habban* были, по сути дела, современными. Формы типа «*wesan* + причастие II» отличались от сочетаний с *habban* тем, что при глаголе *wesan* причастие II ставилось в форме согласованной с подлежащим в роде, числе и падеже, но, как мы уже ранее показали, даже и такие описательные формы являются перфектными. Правда, в перфектных формах в древнеанглий-

⁶⁾ Там же, стр. 145.

⁷⁾ А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. Изд. Л-ры на ин. языках. М., 1955, стр. 296.

⁸⁾ Г. Н. Воронцова. Указ. соч., стр. 171.

ском языке глаголы *habban* и *wesan* чаще всего ставились после причастия II, но ведь в древнеанглийском порядок слов был свободный, поэтому место, занимаемое причастием II по отношению к вспомогательному глаголу, не играло такой важной роли, как в современном английском языке. Описательные формы перфекта встречались часто, поэтому они воспринимались как единое целое. Кроме того, уже в этот период встречались формы с прямым порядком слов «*habban* + причастие II» и «*wesan* + причастие II», и тем самым значение порядка слов нейтрализовалось.

Рассматривая вопрос об аналитичности форм, следует остановиться ещё на одном высказывании В. Н. Ярцевой. Она пишет: «Составное сказуемое из глагола «быть + причастие II» существовало в древнеанглийском и среднеанглийском, но прежде чем из него успел образоваться перфект как сложное время глагола, оно было вытеснено сложившейся формой перфекта с «*to have*»⁹⁾.

Нам кажется, что В. Н. Ярцева до некоторой степени противоречит самой себе. В «Исторической морфологии...» она указывает: «Несмотря на то, что перфект как глагольное время оформляется, как это было показано, только с глаголом *to have*, ещё очень долго (отчасти и сейчас) встречаются сочетания с глаголом «быть», хотя большинство глаголов, употребляющихся в XVIII в. с «быть», встречаются и в нормализованной конструкции. Например, в Робинзоне Крузо глаголы *befall, come, drive, enthr, fall, get go, jump, land, run, sail, strike* встречаются в соединении с *to have* и с *to be*, хотя большее количество примеров для данного памятника падает на их употребление с *to be*»¹⁰⁾.

По нашему мнению, в Робинзоне Крузо (1719 г.) ещё хорошо сохранилось перфектное значение форм «быть + причастие II». Вряд ли В. Н. Ярцева будет отрицать перфектное значение форм «быть + причастие II» в предложениях из Робинзона Крузо Даниэля Дефо, которые мы сейчас приведём в нашей статье.

1. And my conscience which was not yet come to the pitch of hardness to which it has been since, reproached me (page 7).

«... и моя совесть, которая еще не достигла той степени невосприимчивости, какой она стала с тех пор, мучила меня...».

2. When I knew we were gotten far enought out of their reach (p. 27).

«... когда я знал, что мы уехали достаточно далеко за пределы их досягаемости».

3. After, I was entered the little cove, ... it overset (p. 47).

«... после того как я вошёл в маленькую бухточку, ... он (плот) перевернулся...».

4. I could have no more when that was gone (p. 68).

«... я бы не смог достать больше, когда этот (ром) кончился бы».

5. And when the first four of them were jumped on shore, they took those three out of boat as prisoners (187).

«... и, когда эти первые четверо из них выскочили на берег, они вывели тех трех из лодки в качестве пленников».

6. Do you know where they are gone? (p. 190).

«Знаете ли вы, куда они исчезли (ушли)?».

7. By this time, I was come (p. 192).

«К этому времени я уже прибыл...».

8. But when they were come to the brow of the hill, ... they shouted.

«Но, когда они подошли к краю холма, они закричали...».

9. He was now grown old, and had left off going to the sea (p. 210).

⁹⁾ В. Н. Ярцева а. Указ. соч., стр. 152.

¹⁰⁾ Там же, стр. 151.

«Он сейчас состарился и перестал выходить в море...».

10. We were just entered Europe (p. 410).

«Мы только что вступили в Европу ...».

11. When this was done, and all safe upon deck the captain ordered the mate (p. 204).

«Когда это было сделано и все оказались в безопасности на палубе, капитан приказал помощнику...».

12. When the captain was gone, I sent for the man (p. 207).

«Когда капитан ушёл, я послал за человеком ...».

Можно было бы ещё привести много подобных примеров, но в статье сделать это невозможно.

В Робинзоне Крузо встречаются совершенные причастия, состоящие из причастия настоящего времени глагола to be и причастия II смыслового глагола, соответствующие совершенным формам типа is gone и имеющие активное значение. Такие причастия могли употребляться как в независимых, так и в зависимых причастных оборотах и выражали действие, предшествующее действию, выраженному глаголом в личной форме. Употребление таких совершенных причастий подтверждает положение о том, что формы типа is gone у Дефо были совершенными. Приведем примеры на употребление таких совершенных причастий из Робинзона Крузо.

Being now come to the latitude of 30 degrees, we resolved (p. 362).

«Достигнув сейчас широты 30 градусов, мы решили...».

Зависимое совершенное активное причастие being come выражает предшествующее действие и выступает в функции обстоятельства причины.

And my master being gone, I prepared to furnish myself (p. 18).

«... и так как (или: после того, как) мой хозяин ушёл, я приготовился снабдить себя...».

Совершенное причастие being gone входит в состав именительного самостоятельного причастного оборота. Причастие выражает действие, предшествующее действию, выраженному личной формой глагола. Самостоятельный причастный оборот выступает в функции обстоятельства причины или, возможно, времени.

Сходное значение имеет совершенное причастие в другом предложении из Робинзона Крузо.

Being all met, and the captain with me, I caused the men to be brought before me (p. 206).

«После того, как все собрались и капитан был со мной, я велел, чтобы мне привели этих людей...».

Причастие being met входит в самостоятельный причастный оборот и выступает в функции обстоятельства времени.

Таким образом, отсутствие согласования причастия II с подлежащим в описательных формах «habban + причастие II» в древнеанглийском языке уже в Беовульфе приводит нас к выводу о том, что эти формы имели совершенное значение. Такому пониманию способствует употребление этих форм без дополнения перед дополнительным придаточным предложением.

Формы с обратным порядком слов «причастие II + habban» были также совершенными, потому что в древнеанглийском языке встречаются и формы типа «habban + причастие II». При наличии свободного порядка слов в древнеанглийском языке и ввиду употребления в нем сочетаний с habban с прямым и обратным порядком слов, мы имеем право сказать, что в тот период значение порядка слов было нейтрализовано.

Сопоставление древнеанглийских форм типа (we) sint gewordenе, в которых причастие II было согласовано с подлежащим в роде, числе и падеже, с формами описательного перфекта в латинском и современном итальянском языках убеждает нас в том, что эти древнеанглийские формы были также перфектными. Ведь в современном итальянском языке причастие согласовано с подлежащим в сочетаниях с *essere* и не согласовано с подлежащим в сочетаниях с *avere*. В древнеанглийском языке то же самое. Причастие II согласовано с подлежащим в сочетаниях с *wesan* и не согласовано с подлежащим в сочетаниях с *habban*.

Анализ текста Робинзона Крузо показывает, что формы перфекта типа «*wesan* + причастие II» не были вытеснены в среднеанглийском. Они были широко распространены ещё в начале XVIII века. Употребление форм активного перфектного причастия типа *being come* в Робинзоне Крузо показывает, что форма перфекта с вспомогательным глаголом *wesan* (позднее *to be*) существовала и развивалась вплоть до XVIII века, так как возникло перфектное причастие типа *being come*, которого в древнеанглийском языке не было. Только наличие аналитической формы перфекта могло привести к возникновению сложного активного перфектного причастия типа *being come*.

Beow.— *Beowulf and the Fight at Finnsburg*, Ed. by Fr. Klaeber. London, 1922.

Sax. Chr.— *Two of the Saxon Chronicles parallel*. Edited by Charles Plummer. Oxford, 1952.

BEH — *The old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Edited by Thomas Miller. Part I, Section 2. London, MDCCCXCI.

GPC — *King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care*. Ed. by Henry Sweet. London, 1871 (reprinted 1909 and 1934). Original Series 45.

DD — *Defoe Daniel, The life and adventures of Robinson Crusoe*. M. L. Cooper. Publ. Soc. of For. Work in the USSR, 1935.

Г. А. ЧУПИНА

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С *QUIN* В ФУНКЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ

(на материале Плавта)

В языке Плавта в побудительных ситуациях значительное место занимают вопросительные предложения с *quin*. Употребление вопроса для выражения побуждения обусловлено функциональной близостью побудительных и вопросительных предложений. Основной целью тех и других является побуждение: побудительных предложений — побуждение к действию, вопросительных — побуждение к речевому акту. В свою очередь, побудительное предложение, подобно вопросительному, способно вызвать у собеседника словесную реакцию. Так, цель побудительных предложений, ядром которых являются императивы *verboquit dicendi* (ср. «Говори!» «Сообщи!» «Назови!» «Объясни!» «Отвечай!» «Считай!» «Укажи!» «Выскажись!» и т. п.) — побуждение Адресанта не к действию, а к речевому акту.

Вопросительные предложения, со своей стороны, обладают способностью не только побуждать слушателя к ответу, но и к выполнению определенного действия. А. М. Пешковский, анализируя вопросительные предложения, отмечал, что в их основе лежит побудительное начало: «Мы можем побуждать Слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на этот вопрос»¹⁾.

Побудительный момент, содержащийся в вопросительных предложениях, отмечает и А. И. Смирницкий, который пишет, что «... вопросительное предложение является как бы переходной ступенью к предложениям императивного характера, где волевой момент является основным»²⁾. О. Есперсен считает, что «вопрос является своего рода просьбой, а именно — просьбой сообщить что-то, дать необходимые сведения»³⁾. Положив в основу классификации предложений чисто логический принцип, О. Есперсен побудительные и вопросительные высказывания относит в один и тот же, по его терминологии, «разряд» предложений, основная цель которых — воздействовать на волю Слушателя, т. е. побудить его к какому-то действию. О близости этих предложений, по мнению О. Есперсена, свидетельствуют частые случаи присоединения вопроса к повелительному наклонению⁴⁾.

Действительно, к какому типу следует отнести предложения, состоящие из императива и примыкающего к нему вопроса? Такие пред-

¹⁾ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 349—351.

²⁾ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 105.

³⁾ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 351.

⁴⁾ Там же, стр. 350—352.

ложения, как *Dic mihi, quid lubet* (Рoen. 1087). «Скажи мне, что угодно?»

Dic mihi, quanti illam emisti tuam alteram mulierculam Amplesicam (Rud. 1405—1406) «Скажи мне, за сколько купил ты свою другую женщину, Амплесику?» *dice dum, in eo ensiculo litterarum quid est* (Rud. 1156—1157).

«Скажи, что за буквы на этом мече?», являются как по формальным признакам, так и по значению в такой же степени вопросительными, в какой побудительными, ибо они содержат одновременно и побуждение, и вопрос. Императив указывает на заинтересованность Адресанта в ответе, а вопросительное предложение, в свою очередь, раскрывает, конкретизирует побуждение.

О семантической близости вопросительных и побудительных высказываний говорят и такие конструкции, где побуждение, выраженное вопросительным предложением, как бы получает подтверждение, подкрепление в виде побудительного предложения со сказуемым в императиве, например:

Quid stas? Adi sis tute (Persa, 600).

«Что стоишь? Подойди же, ты!»

Non taces? Cave tu istuc deixis (Merc. 484).

«Ты не молчишь? Остерегайся говорить так».

Уже вопросительные части *Quid stas? Non taces?* не столько побуждают Слушателя к ответу, сколько к исполнению действия. Они, равно как и *Dic* в предыдущих примерах, являются своеобразным синтаксическим плеоназмом.

В комедиях Плавта чаще всего выражают побуждение вопросительные предложения с отрицательной частицей — *ne/-n*, которая по своей функции равна вопросительным словам, типа русс. «разве не», «неужели не».

В этих предложениях большое значение имеет семантика глагола сказуемого вопросительного предложения. Так, например, формы *audin* < < *audisne*, *viden* < *videsne*, *scin* < *scisne*, составляющие ядро вопросительного предложения, обособились от остальной фразы и служат лишь для привлечения внимания слушателя, хотя в отличие от подобных выражений, например, русского языка, как «вишь», «слышь», превратившихся, по существу, в вводные слова, в латинском они представляют собой главное предложение, от которого зависят придаточное предложение или оборот *accusativus cum infinitivo*, например, *Audin hunc opera ut largus est nocturna?* (Asin. 598). «Слышь, до ночных трудов охоч (Разве ты не слышишь, что он до ночных трудов охоч?)», где от *audin* зависит придаточное предложение с союзом *ut*; *viden hostis tibi adesse tuoque tergo opsidium* (Mil. gl. 219).

«Вишь, засада врага за твоим затылком (враг заходит с тылу) (неужели ты не видишь, что враг заходит с тылу?)», *Scin te periisse?* (Mil. gl. 398) «Знай, ты погиб (неужели ты не знаешь, что ты погиб?)», где от *viden* и *scin* зависит асс. *cum infinitivo*.

В приведенных предложениях *audin*, *viden*, *scin* совершенно обособились от фразы и, строго говоря, побудительное значение имеют лишь они, в целом же фраза имеет чисто повествовательный характер.

Совершенно иную функцию несут вопросительные предложения, где сказуемое выражено, например, такими глаголами, как *abire*, *accipere*, *dare*, *iubere* и т. д. Эти предложения вопросительны лишь по форме, значение же их побудительное, причем весьма категорического плана, например: *Abin hinc a me, dignus domino servus?* (Amph. 857).

«Уйдешь ли ты от меня, достойный господина раб? = Прочь от меня! Уходи от меня ...!»;

Abin e conspectu meo? (Amph. 518) «Уйдешь ли ты с моих глаз? = Уходи с моих глаз!»;

Accipin argentum? *Accipesis argentum, impudens, tene sis argentum, etiam argentum tenes* (Persa 412—413). «Берешь ли ты деньги? Возьми деньги, бессовестный, держи деньги! Держишь ли ты деньги? (= держи деньги!)).

Как видим, вопросительные предложения *Accipin argentum?* и *etiam tu argentum tenes?* по смыслу являются синонимами побудительных предложений со сказуемым в императиве. Различие между этими предложениями чисто стилистическое. Бывает так, что трудно предположить ответ на вопросительные по форме предложения, например: *Fugin hinc ab oculis?* *Abin hinc appon?* (Aul. 660), *Tasen an pon* (Rud. 1499). Скорее всего, истинный смысл этих вопросительных по форме фраз есть «Прочь! С глаз долой! Уйдешь или нет?!, «Замолчишь или нет?! (= Замолчи!)». Синонимичность вопросительных по форме предложений и предложений со сказуемым в императиве ярко видна в тех местах у Плавта, где стоит *atque*, соединяя однородные по функции предложения, например: *Datin soleas atque me intro ... ducite* (Truc. 631). «Дайте сандалии и отведите меня в дом!», причем первая часть выражает не только побуждение слушателей, но и дает своеобразную оценку их деятельности: они слишком медлят, хотя давно должны были принести сандалии. По силе воздействия подобные вопросительные по форме предложения даже превосходят побудительные предложения с императивом.

Еще более значительную группу вопросительных предложений с побудительным значением составляют независимые предложения с *quip*.

Этимологические словари *quip* возводят к *qui + ne*⁵⁾, причем элемент *gui* одни квалифицируют как творительный падеж среднего рода⁶⁾, другие как древний инструментальный падеж основы *qui*-⁷⁾; *gui + ne* имело значение «почему не», «как бы не»⁸⁾. Впоследствии в энклитическом *-ne* гласный *-e* подвергается синкопе.

Вопросительная частица *quip* создает определенную экспрессию, подчеркивает нетерпение Адресанта⁹⁾, ср.: *Quin das?* (Persa, 437) «Почему не даешь?» = Дай!»

Quin tu mulierem mi emittis? (Pseud. 1183).

«Почему ты мне не отпускаешь женщину?» = «Отпусти!».

Argentum, inquam, cedo, Quin tu mi argentum reddis? (Persa 423—424).

«Деньги, говорю, дай, почему ты мне не возвращаешь деньги?» = «Возврати деньги!».

Quin tu in paludem is exicasque harundinem (Rud. 122).

«Почему ты не идешь к болоту и не нарежешь тростника?» = «Иди к болоту и нарежь тростника!»

Так как у Плавта и Теренция *quip* часто стоит при императиве, то установилось мнение о трансформации вопросительных предложений в побудительные. Бассолье де Климент пишет, что вопросительные

⁵⁾ A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von T. B. Hofmann. Heidelberg, 1938—1954, Bd. 2, S. 406.

⁶⁾ М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, стр. 20.

⁷⁾ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 205.

⁸⁾ М. М. Покровский. Указ. соч., стр. 20.

⁹⁾ Bassols de Climent. Sintaxis latina. Madrid C.S.I.C., p. 31.

предложения типа *quín abis* окаменевают в оборот *quí abí* со значением «ну, уходи!»¹⁰⁾. Такого же мнения придерживается и Ф. Вегенер¹¹⁾. Более осторожны в своих суждениях о причинах проникновения вопросительной частицы *quín* в предложения с императивом В. М. Линдсей и С. И. Соболевский. Они ничего не говорят о превращении индикативной формы с *quín* в императивную. По их мнению, так как вопросительное предложение с *quín* логически равнялось императивному, то впоследствии по «*constructio ad sensum*» *quín* перешло и в предложения с повелительным наклонением¹²⁾. Доказательством такого предложения, по мнению В. М. Линдсея, служит тот факт, что у Плавта в этих предложениях сказуемое обычно стоит в индикативе, у Теренция — в императиве. Хотя и у Плавта очень часто *quín* стоит при императиве, такое объяснение на первый взгляд кажется приемлемым и вполне логичным, но оно оставляет без внимания целый ряд вопросов.

Прежде всего возникает вопрос, почему вопросительные предложения с *quín* совершенно лишились вопросительного значения и перешли в разряд побудительных? Во-вторых, можно ли считать безусловными синонимами вопросительные предложения со сказуемым в форме индикатива и побудительные предложения со сказуемым в форме императива, синонимичны ли эти конструкции? В-третьих, какова грамматическая и стилистическая роль элемента *quín* в побудительном предложении со сказуемым в императиве. Наконец, в-четвертых, в чем заключаются истоки доминирующей двусоставности побудительных предложений, вводимых посредством *quín*, ибо, за редчайшим исключением, в них всегда наличествуют *tu* или *vos*.

Нам кажется, что ответы на данные вопросы можно получить в том случае, если отвлечься от предположения о том, что один тип предложений развился от другого, а рассматривать каждый тип как самостоятельный, имеющий свои собственные истоки и обладающий собственным значением и определенной стилистической окраской.

Предложения со сказуемым в индикативе как по конструкции, так и по значению в первую очередь являются вопросительными. Побудительный же смысл они приобретают, как и всякое вопросительное предложение, в определенной ситуации. Такое предложение можно рассматривать как вопросительное с побудительным значением, например:

Quín tu respondes aliquid Aut facturum, aut non facturum (Mil. gl. 1067—1068).

«Почему ты не отвечаешь ей, что делать или чего не делать? = Отвечай ей, что делать или чего не делать»;

Quín tuom officium facis ergo ac fugis (Asin. 380).

«Почему ты не выполняешь свои обязанности и не убегаешь? = Выполни свои обязанности и беги»;

Quín tu hic manes (Asin. 597).

«Почему ты не остаешься здесь? = Останься здесь»;

Quín amabo accubas. (Most. 343).

«Почему бы не прилечь тебе? = Приляг».

Предложения со сказуемым в форме **императива** всегда имели только побудительное значение. Нужно думать, что *quín* представляло

¹⁰⁾ Bassols de Climent. Указ. соч., стр. 31.

¹¹⁾ Ph. W e g e n e r. Der Wortsatz. I. F., 1921, Bd. 39, S. 1—26.

¹²⁾ В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 129.

С. И. Соболевский. Комментарий. Публий Теренций. Адельфы. Введение и комментарий С. И. Соболевского. М., 1954, стр. 273.

собой в данном случае самостоятельное синтаксическое единство — риторический вопрос, ср. русские типологические пары. «Ну что ж? Иди!»; «Почему же? Пиши!»; «Почему нет? Читай!»

Quīn первоначально не могло входить непосредственно в конструкцию побудительного предложения, а находилось вне его. Проиллюстрируем это предположение на примерах:

Quīn tu illam iube aps te abire quo lubet (Mil. gl. 974).

«Прикажи, чтоб она ушла от тебя, куда угодно!»;

Quīn tu eloquere guidquid est suo nomine (Aul. 639).

«Назови ты по имени, что есть».

Quīn tu audi (Bacch. 276).

«Слушай ты!».

Quīn tu i modo (Trin. 584).

«Ты только иди!».

Quīn vos mihi faenus date (Most. 585).

«Дайте мне проценты!»

Каждое из этих предложений можно расчленить на два самостоятельных:

Quīn tu illam iube aps te abire = *Qui ne (est)? Tu illam iube aps te abire; *Quīn tu eloquere* = *Qui ne (est)? Eloquere; *Quīn tu audi* = *Qui ne (est)? Tu audi. *Quīn tu i modo* = *Qui ne (est)? Tu i modo. *Quīn vos mihi faenus date* = *Qui ne (est)? Vos mihi faenus date.

Именно такое предположение объясняет причины обязательного присутствия второго состава в предложениях данного типа: когда *quīn* еще имело значение самостоятельного вопроса, постановка *tu* и *vos* при сказуемом была необходима для того, чтобы подчеркнуть исполнителя действия второго предложения. О том, что эти побудительные предложения некогда представляли собой два независимых образования, впоследствии слившиеся в некое единство, говорит и наличие *quīn*, которое с логической стороны является, по существу, излишним.

М. И. ОТКУПЩИКОВА

ВЗАИМНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Классификация русских местоимений по семантическому признаку общепринята, достаточно удобна для целей систематизации и обучения и в принципе охватывает всю систему местоимений русского языка¹⁾. Однако в грамматиках при такой классификации этой части речи²⁾ обычно не выделяется разряда взаимных местоимений, хотя различные упоминания о взаимных местоимениях встречаются довольно часто. Специальных работ, посвященных этому вопросу, нет, имеется только ряд наблюдений и высказываний, касающихся в основном местоимения «друг друга». О. Есперсен, например, описывая возвратные и взаимные³⁾ местоимения европейских языков, упоминает и о русском местоимении «друг друга». Есперсен отмечает особое свойство русского местоимения разделяться предлогом, не теряя при этом единства сочетания⁴⁾. О значении взаимного местоимения Есперсен говорит следующее: «К возвратным местоимениям близки взаимные местоимения, имеющие значение «друг друга»: каждая часть того, что обозначено подлежащим, в одно и то же время воздействует на другие части и подвергается действию со стороны этих частей»⁵⁾.

В русских грамматиках местоимение «друг друга» обычно рассматривается в разделах, посвященных описанию возвратных глаголов. В. В. Виноградов отмечает, например, что частица «ся» у взаимных глаголов равна по значению «друг друга»⁶⁾. А. В. Исаченко в книге «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким»⁷⁾ пишет, что в русском языке, там, где следует явно выразить взаимность действия, прибегают к особому местоимению «друг друга, друг другу, друг с другом», передающему взаимновозвратное значение. Более подробно и основательно вопрос о местоимении «друг друга»

¹⁾ Группа относительных местоимений, как известно, выделяется по функциональному признаку и с точки зрения семантической классификации может быть охарактеризована отрицательно.

²⁾ Мы не затрагиваем здесь спорного вопроса о том, правильно ли отнесение всех местоимений к особой части речи.

³⁾ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 260—261.

⁴⁾ Термин «взаимное местоимение» мы встретили также в ряде словарей. Например, в немецко-русском словаре под редакцией А. А. Лепинга (М., 1958, стр. 306) при словарной статье «einander» дана грамматическая помета «Reziprokonomen» в англо-русском словаре под ред. К. Мюллера (М., 1960, стр. 325) при статье «each other» дана помета «reciprocal pronoun».

⁵⁾ Там же, стр. 260.

⁶⁾ В. В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 633.

⁷⁾ А. В. Исаченко. *Указ. соч. Морфология*, ч. 2, Братислава, 1954, стр. 384.

освещен в книге Н. А. Янко-Триницкой «Возвратные глаголы в современном русском языке»⁸⁾. Н. А. Янко-Триницкая отмечает, что это местоименное состоит из двух несамостоятельных компонентов, не имеет именительного падежа, подобно местоимению «себя», обе его части объединены одной флексией.

Предложно-падежные конструкции с «друг друга» образуются по типу, характерному для отрицательных местоимений (ни о ком, друг о друге и т. п.)⁹⁾, оно употребляется обычно в качестве дополнения, указывающего на взаимновозвратные отношения предметов или лиц, а также в качестве обстоятельства, которое выражает в этом случае пространственные отношения; предполагает множественность деятелей, может зависеть не только от финитного глагола, но и от инфинитива и от деепричастия.

Янко-Триницкая использует для описания этого местоимения термин «взаимное». Значения структурных особенностей и особенностей употребления местоимения «друг друга», приведенные в книге Н. А. Янко-Триницкой, не могут вызвать никаких возражений. Однако, по нашему мнению, в русском языке можно выделить не одно взаимное местоимение, а несколько; все они имеют общую структуру и общее значение, отличаясь одно от другого некоторыми специфическими особенностями. Задачей данной статьи и было описать семантику, структуру и особенности употребления разряда взаимных местоимений русского языка.

В качестве исследованного материала были использованы тексты научного и частично художественного языка, данные грамматик и словарей, а также материалы картотеки словарного сектора при Ленинградском отделении ИЯ АН СССР.

Состав разряда взаимных местоимений

К разряду взаимных местоимений современного русского языка¹⁰⁾ можно отнести следующие местоимения: друг друга, друг дружки¹¹⁾, один другого (одна другой, одно другого)¹²⁾, один одного¹³⁾ (одна одной, одно одного).

Свойства взаимных местоимений

1) Свойства, характеризующие специфику взаимных местоимений: двухкомпонентность, неизменяемость первого компонента в падежной парадигме, склоняемость второго компонента, фиксированное расположение компонентов по отношению друг к другу, оформленность всего сочетания одним ударением, при этом первый компонент является проклитикой по отношению ко второму. Последнее, как нам кажется, является более сильным аргументом в пользу утверждения о единстве сочетания «друг друга», чем аргумент об употреблении этого сочетания независимо от рода и числа, на что указывает Есперсен¹⁴⁾.

⁸⁾ Н. А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 188—198.

⁹⁾ Там же, стр. 188—190.

¹⁰⁾ В языке 18—19 века широко употреблялось также местоимение «дружка дружки».

¹¹⁾ Сочетание «друг дружку» Янко-Триницкая считает уменьшительной формой от «друг друга». Указ. соч., примечание на стр. 190.

¹²⁾ Янко-Триницкая считает «один другого» описательным оборотом, близким по значению «друг друга». Возвратные глаголы в современном русском языке. Изд. АН СССР, М., 1962.

¹³⁾ Характерно для разговорного стиля.

¹⁴⁾ О. Есперсен. Ук. соч., стр. 261. В этом месте автор ссылается на более раннюю работу: Boger et Speranski, Manuel pour l' Etude de la langue russe. Paris, 1905, 275.

2) Свойства взаимных местоимений, общие со свойствами других местоимений русского языка; отсутствие именительного падежа, как у местоимения «себя» и связанная с этим невозможность выступать в функции подлежащего¹⁵⁾; интерпозиция предлогов; отсутствие дифференциации по числу, как у местоимений «кто, что» и «себя»¹⁶⁾; ограниченная способность к управлению другими классами слов — взаимные местоимения управляют только ограничительными и усилительными частицами, например, «только друг друга», «даже друг друга», неспособность быть определением к существительному, как у других местоименных существительных; функция дополнения в предложении; функция обстоятельства у некоторых предложных конструкций с этим местоимением.

Семантика взаимных местоимений

Взаимные местоимения эксплицитно выражают взаимодействие предметов или лиц между собой. Значение взаимного местоимения можно пояснить на примере: «Мальчики помогают друг другу» (для простоты предположим, что мальчиков было двое). Местоимение «друг другу» придает в этом случае предложению значение, которое можно представить в виде двух других предложений: «Первый мальчик помогает второму», и «Второй мальчик помогает первому»¹⁷⁾.

Таким образом, два лица взаимодействуют, воздействуя друг на друга. Взаимное местоимение может указывать на взаимодействие не только подлежащих, но и других членов предложения, лишь бы они по смыслу являлись субъектами действия. Например, «... построим ряд равноотстоящих друг от друга прямых, параллельных АВ» (прямые равноотстоят друг от друга). Однако в некоторых случаях взаимное местоимение выражает взаимные отношения другого рода: «Приравняв оба выражения P_1 друг другу, мы получаем...» (оба выражения становятся равными друг другу в результате внешнего воздействия). Значение взаимодействия у взаимных местоимений бывает в том случае, если они выполняют в предложении функцию дополнения. Если же они выражают обстоятельственные отношения, то специфика их значения проявляется в указании на взаиморасположение предметов в пространстве и времени. Например: «Они шли друг за другом. Поезда прибывали на станцию через 15 минут один после другого. Аэростаты висели один над другим».

¹⁵⁾ В английском и датском языках Есперсен отмечает возможность употребления взаимного местоимения в функции подлежащего подчиненного предложения. Например, Miss C and S are going to find out what each other are like. Указ. соч., стр. 261.

¹⁶⁾ Отсутствие дифференциации по числу отражает тот грамматический факт, который свойствен многим грамматическим категориям, а именно — нейтрализацию значения категории. Эти нейтрализованные значения в лингвистике обычно называются общими или обобщенными. Ср. «обобщенное время, общий род, общее число», у Есперсена (Философия грамматики). Однако, несмотря на то, что у взаимных местоимений, а также у местоимений «себя» и «кто, что» нет дифференциации по числу, сущность самого этого явления у них различна. Относительно местоимения «себя» можно утверждать, что множественное и единственное числа у него омонимичны. Ср. «Он хвалил себя» и «Они хвалили себя». Местоимения «кто, что» имеют значение общего числа, выраженного в форме единственного числа. Взаимные же местоимения, так как они никогда не соотносятся с существительным в единственном числе, имеют значение множественного числа, а форму — единственного. На примере всех этих типов местоимений можно наблюдать закон антиномии грамматического значения и грамматической формы.

¹⁷⁾ Таким образом, взаимному местоимению можно приписать «возвратность» (см. выше замечания Исаченко) чисто в грамматическом смысле. Семантически «возврат» действия осуществляется не тому лицу, которое действует. У возвратного же местоимения «себя» грамматическая и семантическая отнесенность совпадает.

Рассмотрим далее каждое местоимение по отдельности.

Друг друга¹⁸⁾

Для этого местоимения характерно широкое употребление во всех стилях русского языка, начиная от разговорного и кончая научно-техническим. С синтаксической точки зрения «друг друга» может сочетаться с любыми словами (членами предложения), которые способны управлять дополнениями или уточняться обстоятельствами: «Девочки были очень **похожи друг на друга**» (В. Вятлев. Доктор Голубев, 1956). «Комиссар и матросы испытующе смотрят **друг на друга**» (В. Вишневский. Мы из Кронштадта, стр. 189). «В палатках люди будут все вместе, все **друг у друга на виду**» (В. Солоухин. Рождение Зернограда). «Поставим рядом два одинаковых камертона, **обратив** отверстия ящиков, на которых они укреплены, **друг к другу**» (Г. С. Ландсберг. Элем. учебн. физики, изд. 3, М., 1966). «Могут ли чем-либо **отличаться друг от друга** два гармонических колебания, имеющих одинаковые амплитуды и частоты? (там же, стр. 22)... чтобы **расположить** шарики под центральным углом в 90° **друг к другу**» (там же, стр. 23). «**Далекie друг от друга** растения оказались в одном классе. Совет экономической взаимопомощи создан для широкого экономического сотрудничества стран, **ведущих в отношении друг друга** честную и дружественную политику (Внешн. политика СССР, 1949). В обстоятельственной функции это местоимение также употребляется довольно широко. Например: лететь друг за другом, стоять друг перед другом и т. п. В сочетании с предлогом «с» это местоимение часто употребляется при глаголах со взаимными значениями «встречаться друг с другом, обниматься друг с другом, бороться друг с другом» и т. д., на что указывает также Янко-Триницкая в своей работе. Парадигма склонения «друг друга»¹⁹⁾.

Им. падеж — — —	Винит. — друг друга
Родит. — друг друга	Творит. — друг другом
Дат. — друг другу	Предл. — друг о друге

Предлоги обычно интерпозитивны, что очевидно из вышеприведенных примеров. Однако некоторые предлоги, в основном предложные новообразования, могут занимать препозицию по отношению к местоимению. В связи с этим становится возможной вариативность расположения одного и того же предлога. Сравним, например, два следующих предложения: «Как сказано, в поперечной волне происходит сдвиг слоев **друг относительно друга**» (Ландсберг, стр. 94) и «Наиболее простая форма движения — это механическое перемещение тел или их частей **относительно друг друга**» (там же). Морфологической особенностью местоимения «друг друга» является отсутствие изменения по родам (братья обнялись друг с другом, сестры обнялись друг с другом и т. д.). Эта особенность лежит в основе широкой синтаксической сочетаемости местоимения с различными классами слов при отсутствии явно выраженных взаимодействующих субъектов. Например: «Друг с другом можно договориться обо всем. Можно понять друг друга, не прибегая к ухищрениям такого рода. Расскажите друг другу всю правду и т. п.». Указанная особенность местоимения «друг друга» является одной из причин более широкого употребления этого местоимения по сравнению с местоимением «один другого».

¹⁸⁾ Компоненты местоимения «друг друга» этимологически представляют собой краткие формы местоимения «другой». Об этом см., например, Словарь современного русского литературного языка. АН СССР, М.—Л., 1954, т. 3, стр. 1135.

¹⁹⁾ Тип словоизменения, как очевидно, у этого местоимения совпадает с типом словоизменения существительных типа «стол».

Друг дружки ²⁰⁾

По своим морфологическим и синтаксическим свойствам местоимение «друг дружки» сходно с местоимением «друг друга». Основное отличие заключается в стилистическом употреблении. Местоимение «друг дружки» свойственно более разговорному языку, часто употребляется в языке художественной литературы. Примеры: «Пошел тут пир горой! На радости целуются, **друг дружке** обещаются вперед не драться зря...» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). «Все мы **друг дружку** уж близко знали» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки, VIII). Станем твердо **друг за дружку**, чтоб от бед себя спасти...» (Д. Бедный. Лига. Избр.). «Они наперебой **друг перед дружкой** старались поскорее завязать узел и заслужить одобрение гардемарина» (Раковский. Адмирал Ушаков, т. 1).

Парадигма склонения

Именит. — — — —

Родит. — друг дружки

Дат. — друг дружке

Винит. — друг дружку

Творит. — друг дружкой

Предл. — друг о дружке

Дружка дружку

Местоимение «дружка дружку» зафиксировано нами в картотеке словарного сектора ИЯ АН СССР. На основании анализа примеров можно судить о том, что оно по своим грамматическим свойствам и по употреблению идентично местоимению «друг дружки». Приведем некоторые примеры «Мы **дружка против дружки** живем» (Данилевский. Воля, 1). «Смотрим мы **дружка на дружку**...» (Кохановская. После обеда в гостях). «Длинные пальцы костлявых рук, поставленные **дружка против дружки**, на вышине груди, проворно двигались круговращательными движениями» (Тургенев. Пунин и Бабурин. 1). «Там, висясь, два ручейка среди лугов друг от друга хоронились меж цветов; то сближались, то скрывались тотчас, **дружка дружку** обходили много раз» (Мерзляков. Под березой, где прозрачный ключ шумит. Песни и романсы).

Один другого (одна другой, одно другого).

Местоимение «один другого», подобно местоимению «друг друга» обозначает взаимодействие предметов или их взаиморасположение. Однако в значении местоимения «один другого» можно выделить оттенок некоторого выделения или даже противопоставления взаимодействующих предметов. Этого оттенка значения местоимение «друг друга» не содержит.

Основным морфологическим свойством местоимения «один другого», отличающим его от местоимения «друг друга», является его способность изменяться по родам. Например: «Управляющие коды помещаются последовательно **один за другим**.—Мы падаем **один на другого**» (В. Брюсов. На похоронах Л. Толстого). «Если две сравнительно близкие звезды притягивают взаимно **одна другую**, они должны описывать орбиты вокруг их общего центра тяжести.—**Одна за другой** расцветали черемуха, сирень и белая акация» (Куприн. Рассказы. Святая любовь).

Как видно из приведенных выше примеров, местоимение «один другого» согласуется в роде со словом, связанным с ним не синтаксически,

²⁰⁾ Этимологически элемент «дружка» является существительным со значением «одна из парных вещей, одна или один из пары». См. об этом, например, В. Даль. Толковый словарь русского языка. М., 1955, т. 1, стр. 494.

а семантически и представляющим собой с точки зрения семантики взаимодействующих предмет (в общем смысле). Подобного рода опосредованное согласование характерно для русского языка. Способность местоимения «один другого» изменяться по родам в зависимости от рода непосредственно не связанного с ним синтаксически слова можно поставить в один ряд с такими явлениями, как согласование именной части составного сказуемого с подлежащим (например, **старик** вернулся **усталый**, фильм оказался **интересным**) или согласование относительного слова «который» с существительным, определяемым придаточным определительным предложением, в составе которого относительное местоимение имеет свои собственные связи. Местоимение «один другого», изменяясь по родам, не изменяется по числам. Формы множественного числа от этого местоимения зафиксированы только в случаях, когда имеет место согласование с существительным «*plurale tantum*».

Например: «В гостиной пробило двенадцать, по всем комнатам часы **одни** за **другими** прозвонили двенадцать — и все умолкло опять» (А. С. Пушкин. Пиковая дама).

Таким образом, условием, запрещающим употребление местоимения «один другого» в предложении, является отсутствие материально (лексически) выраженного предмета взаимодействия, который преопределяет род местоимения, являющийся одним из основных компонентов формы его существования.

У местоимения «друг друга», как указывалось выше, в силу особенностей его формы такое ограничение употребления отсутствует. Если же в предложении взаимодействующий предмет наличествует, то местоимение «один другого», подобно местоимению «друг друга», употребляется в функции дополнения или обстоятельства. Примеры: «Облака плыли по небу **одно** за **другим**. — Мелькают годы и с ними **вслед одна** **другой** мелькают ветренные моды» (Пушкин, Евгений Онегин). «На стенах **впритык одна** **к другой** висели географические карты» (В. Беляев. Старая крепость). «Еще не отзвучали первые выстрелы, как раздалось еще другие, еще и еще, **сливаясь и перебивая один другого**» (Л. Толстой).

Широко сочетаясь с финитным глаголом, деепричастием, наречием и причастием, местоимение «один другого», в отличие от местоимения «друг друга», не сочетается с отглагольными существительными (ср. зависимость последних друг от друга, расположение молекул относительно друг друга и т. д. и отсутствие таких сочетаний с местоимением «один другого»).

О более ограниченной употребляемости местоимения «один другого» свидетельствуют наблюдения над текстом. Например, в 1000 предложениях сплошного текста (выборка производилась на материале научно-технических текстов) встретилось 20 местоимений «друг друга» и только три предложения с местоимением «один другого». Парадигма склонения²¹⁾.

Мужск. род	Женск. род	Средн. род
И. —	—	—
Р. один другого	одна другой	одно другого
Д. один другому	одна другой	одно другому
В. один другого	одна другую	одно другого
Т. один другим	одна другой	одно другим
П. один о другом	одна о другой	одно о другом

Множественное число для «*pluralia tantum*» зафиксировано только

²¹⁾ Это местоимение склоняется по типу прилагательного, как и местоимения: он, кто, что, который, какой и т. д.

в предложной конструкции²²⁾. Вообще, предложные конструкции с этим местоимением более часто употребляются, чем беспредложные.

**

В русском языке имеется особая перечисляющая конструкция с указательными местоимениями «один..., другой», которая при определенном расположении ее компонентов омонимична некоторым формам взаимного местоимения «один другого». Сравним, например, следующие предложения: «**Одно другому** не мешает» и «Не мешайте **один другому**»; «**Шли девушки, одна другой** краше» и «Они старательно помогали **одна другой**» и т. д. В первом случае перемена расположения компонентов возможна: «**Одно** не мешает **другому**. Шли девушки, **одна** краше **другой**», в то время как во втором случае «разрыв» компонентов невозможен. Разницу в значении этих конструкций можно проиллюстрировать на следующем примере: «Ваши письма, **одно** через Хомякова, **другое** по почте, получил **одно за другим**» (Гоголь. Письма Шереметевой, 1847 г.). Различие этого оборота и взаимного местоимения в структуре определяется, помимо специфичных свойств, указанных для взаимных местоимений, также отсутствием у взаимного местоимения «один другого» изменения по падежу в зависимости от одушевленности и неодушевленности связанного с ним по смыслу существительного. Например: «Мячи покатались, перегоняя **один другого**» (ср. также примеры, приведенные выше), но: «Мы услышали **один** выстрел, затем **другой...**». Несмотря на существенные различия структуры, смысла и закономерностей употребления, обе конструкции имеют определенное сходство друг с другом, основанное, вероятно, на общности их значения и происхождения. Как очевидно из примеров с местоимением «друг друга», а также «друг дружку», взаимное местоимение произошло путем слияния двух указательных местоимений в неразделимое сочетание. Вероятно, и взаимное местоимение «один другого» явилось результатом стяжения двух указательно-перечисляющих местоимений: «один..., другой» (ср., например, «один бил другого» и «они били один другого»).

Вопрос о происхождении и истории местоимения «один другого» очень интересен, однако освещение его требует дополнительного исследования.

Один одного (одна одной, одно одного)

По своему значению и структурным особенностям местоимение «один одного» примыкает к местоимению «один другого», отличаясь от него сферой употребления. Оно характерно, в основном, для разговорного современного языка, и его употребление не воспринимается как литературная норма. Примеры: «Автобусы идут **один за одним**» (реплика на автобусной остановке). «Все единицы становятся похожими **одна на одну**» (из доклада аспиранта). «Толкают **один одного**» (в магазине). «Все получается **одно к одному**» (разг.).

Взаимное местоимение «один одного» также не следует путать с разделительным оборотом, образованным двумя указательными местоимениями «один... один». Например, в нижеследующем предложении имеет место именно такой оборот: «Я тщательно стерла с сумки пыль. Потом стала вытирать книжечки, **одну за одной...**» (С. Антонов. Разорванный рубль. «Юность», 1, 1966).

²²⁾ Так как «pluralia tantum» — неодушевленные существительные, то при них наблюдается ограниченное употребление падежных форм этого местоимения.

Для установления парадигмы склонения этого местоимения необходим дополнительный подбор примеров из разговорного языка, однако представляется, что все падежи употребительны. Остались неисследованными диалектные формы этого местоимения (ср. одна одноё).

Как известно, местоимения выполняют в языке заместительную функцию, осуществляя смысловую связь внутри предложения и между предложениями связного текста. При этом ряд местоимений функционирует и в том и в другом случае (местоимения: **он**, **этот**, **такой**, **тот** и т. д.), а ряд местоимений осуществляет связь только внутри одного предложения, не «выходя» даже за пределы простого предложения в составе сложного. К таким местоимениям относится возвратное местоимение **себя**, возвратно-притяжательное местоимение **свой**. Взаимные местоимения по своей заместительной функции относятся также ко второй группе местоимений. Это зависит от их более «узкой» семантики, чем у местоимений **он**, **этот**, **такой** и др., способных замещать в тексте не только единичные объекты, но и целые ситуации, которые могут быть описаны даже текстом целой книги или ряда книг.

Таким образом, взаимные местоимения являются одним из «определителей» простого предложения.

Сравнивая между собой структурные свойства, значение и особенности употребления местоимений «друг друга, друг дружки, один другого, один одного», мы можем заключить, что эти местоимения могут быть объединены в один разряд местоимений русского языка — разряд взаимных местоимений.

П. М. КОПТЕЛОВ

О СТРУКТУРЕ ТАЙМЫРСКИХ ГИДРОНИМОВ НГАНАСАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Работа построена на литературном топонимическом материале с использованием записей, сделанных автором во время экспедиций в Дудинский и Хатангский районы Таймырского национального округа. Первое же знакомство с географическими картами убеждает в том, что среди многочисленных адаптированных названий водных объектов Таймыра значительное место занимает гидронимия, созданная нганасанами. В первую очередь об этом свидетельствуют сложные названия с известными уже в топонимической литературе компонентами-бигай, -тари и -турку¹⁾. Эти и ряд других терминов являются живыми нарицательными именами со значением «река» и «озеро». Употребление нарицательных названий географических объектов в качестве номенклатурных терминов в составе сложных гидронимов, свойственное также топонимии многих других территорий, предполагает из всей совокупности названий выделение так называемых полных гидронимов и усеченных. К полным гидронимам относятся такие названия, которые имеют в исходе номенклатурный (номинативный) термин. Названия, по какой-либо причине лишенные указанного термина и возводимые к полным гидронимам, называются усеченными. С синтаксической точки зрения компоненты полных названий находятся в отношениях определения и определяемого. Функцию определяемого выполняет находящийся в исходе названия номенклатурный термин; предшествующая ему часть названия, уточняющая вид объекта, играет роль определения. Усеченные гидронимы выступают как отвлеченные определения. И в полных, и в усеченных названиях определения могут быть одночленными и синтагматическими. Следует также обратить внимание на тот факт, что довольно часто в речевой практике номенклатурный термин полных названий опускается, а усеченные названия могут приобретать его. Морфологическая структура определяющей части полных и усеченных названий в принципе одинакова, поэтому в основу структурной характеристики следует положить особенности построения именно определяющей части, то есть топонимического определения, которое предшествует определяемой части (топонимическому определяемому). Вначале остановимся на характеристике общих названий водных объектов, выполняющих функцию определяемой части полных гидронимов. Перечислим наиболее распространенные нарицательные

¹⁾ А. П. Дульзон. Дорусские топонимы Средней Сибири. Изучение географических названий. М., «Мысль», 1966. (Вопросы географии, сб. 70), стр. 42; см. его же «Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения». Топонимика Востока (новые исследования). М., «Наука», 1964, стр. 17.

названия водных объектов, употребляемых в роли топонимического определяемого.

Бига́й. Слово является общим названием реки в нганасанском языке на всей территории Таймыра, однако топонимическое его значение по направлению к востоку утрачивается. Об этом может свидетельствовать история названия реки Попига́й, притока Хатангской губы. С точки зрения современного нганасанского языка, это «чистый» топоним, название его местными жителями не мотивируется. Однако нет сомнения в том, что исходная часть названия — пига́й представляет собой измененный облик слова бига́й, что подтверждается записью этого названия в виде пообига́й, сделанной С. У. Ремезовым²⁾. Начало гидронима поо- Б. О. Долгих расшифровывает как фа (нган. х°а:), то есть «лесная»³⁾, что не противоречит лингвистическим данным и соответствует природе объекта⁴⁾. В западной части Таймыра в качестве топоформанта слово бига́й имеет большое распространение. Слово выступает в двух вариантах основы⁵⁾: бига́й — форма именит. пад. ед. числа, бика — форма родит. пад. ед. числа. От второго варианта основы образуются известные в устном употреблении термины бикада́ «большая (великая) река», а также уменьшительное название бикаку, бикакку, бикакк «речка». От первой основы образуются формы двойственного числа бига́йкой (именит. пад.), бига́йки (родит. пад.), например, бига́йки нгуа°ма «место слияния двух рек» и ряд других форм;

тари «река». В качестве номенклатурного термина слово широко известно на всей территории Таймыра, занимая господствующее положение в восточной части. В западной части употребляется наравне с термином бига́й. Производным от тари можно считать гидроним Тарея (нганас. тарё?а), собственное имя одной из самых больших рек западного Таймыра; в этом названии можно видеть увеличительную форму с суффиксом -?а;

тарида́ «река большая». Как термин употребляется довольно часто, особенно в восточной части. Слово, несомненно, произведено от тари. Суффикс -да́ здесь, как и в форме бикада́, играет роль увеличительного форманта.

Дифференцирующее значение общих названий бига́й и тари пока не представляется ясным; лишь некоторые местные жители видят между ними различие. Так, есть мнение, что тари — это широкая большая река, бига́й — река, сравнительно небольшая, но глубокая. Как тот, так и другой термины могут в речи опускаться, однако за самими редкими исключениями, взаимозамены их не наблюдаются;

турку «озеро». Слово имеет большое топонимическое значение на всей территории Таймыра. В устном употреблении, кроме того, бытуют производные: турка?а с увеличительным суффиксом -?а и туркаку с уменьшительным суффиксом -ку, например, устным вариантом гидронима Аятурку (нган. Ад'а турку) является название ад'а турка?а.

²⁾ С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, лист 13.

³⁾ Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник. 1. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 56.

⁴⁾ См. описание реки Попига́й в статье географа Коваленко. Государственный архив Красноярского края, ф. 1380, оп. 3, д. 266, л. 3.

⁵⁾ О двух вариантах основы в нганасанском языке см. Н. М. Терещенко. Нганасанский язык. Языки народов СССР. В 5-ти т., т. 3, финно-угорские и самодийские языки. М., «Наука», 1966, стр. 420—422. См. также: Г. Н. Прокофьев. Нганасанский (тавгийский) диалект. Языки и письменность народов Севера, т. 1. Л., 1937; M. A. Castren, Crammatik der samojedischen Sprachen. St.—Petersburg, 1854.

Редко для названия группы озер употребляется форма множественного числа турку?, например, нгуарагу? турку? (устное название группы озер, соединенных перешейками), от нганас. нгуараку «двереподобный». Из других нарицательных названий наиболее продуктивным в образовании гидронимов является термин-метафора яму, дямо (нганас. д'аму, д'амо) «горло», употребляемый для названия реки, вытекающей из озера. Речным названиям с этим термином должны обязательно сопутствовать одноименные названия озер. Типичными являются пары названий типа оз. Аятурку и р. Ая-Турукдямо, часто встречаются пары, где в названии реки опущен термин турку, например, оз. Сырутатурку и р. Сырутаяму. Определяющая часть, таким образом, совпадает с названием озера, полным или усеченным. Полное нарицательное название этих рек турку д'амо, где термин турку выполняет функцию определяющей части. В литературном употреблении отмечаются иногда случаи перевода термина на русский язык, ср. пару названий: озёра Наркай и река Наркай горло.

Другие термины мало употребительны. Отметим термин-метафору нгойбу, нгойбуа «голова», которым называют озеро-исток реки с известным названием. Полное нарицательное название этого термина бика нгойбу «реки голова» или бика нгойбу: турку «реки голова — озеро», где бика и бика нгойбу: — определения к термину турку. В составе же полных гидронимов слово бика опускается и определение в этом случае становится усеченным, например, балà нгойбуа «Голова Дудыпты (балà — другое нганасанское название реки Дудыпта). Гидронимы с этим термином известны лишь в устном употреблении. На географических картах он, как правило, переведен на русский язык. Ср. названия: Первая голова Таймыры, Вторая голова Таймыры и т. д. Два термина яму и байкура со значениями «море» и «залив» ограничены в употреблении водными пространствами озера Таймыр. Тот и другой термин может быть как определением, так и определяемым. Примеры: зал. Ямунеру, зал. Юкаяму, зал. Байкуранеру, зал. Ямубайкура.

Морфологическая структура определяющей части гидронимов

Своеобразный строй именной системы нганасанского языка, малая изученность целого ряда проблем словоизменения и словообразования делают морфологический анализ весьма затруднительным и в связи с этим не представляют возможности создания четкой и последовательной классификации.

Наиболее доступным представляется деление топонимических основ на основы с одним корнем (непроизводные и суффиксальные) и композиты, с подразделением каждой группы на отдельные подгруппы. Здесь мы остановимся лишь на характеристике первичных имен и имен суффиксальных.

1. Имена первичные.

Это в подавляющем большинстве имена существительные или имена прилагательные (качественные и относительные). Провести четкое отделение относительных прилагательных от имен существительных очень трудно. «Одно и то же имя в зависимости от контекста может употребляться и в значении существительного, и в значении относительного прилагательного: та «олень», «олений»...⁶⁾, турку «озеро», «озерный». Кроме того, форма родительного падежа в тех случаях, когда имя имеет один вариант основы, совпадает с формой именительного падежа: та «олень», «оления», турку «озеро», «озера». В тех слу-

⁶⁾ См. Н. М. Терещенко. Указанная работа, стр. 425.

чаях, когда имя имеет два варианта основы, можно определить форму именительного падежа, которая совпадает с первым вариантом; второй вариант основы выражает или форму родительного падежа существительного, или относительное прилагательное: бигай «река», бика «реки», «речной». Исходя из этих фактов, мы ограничимся распределением имен с непроизводной основой по двум подгруппам: имена с одним вариантом основы, имена с двумя вариантами основы.

Имена первичные с одним вариантом основы

Из этой подгруппы легко выделяются несколько качественных прилагательных. Все они — первые компоненты полных гидронимов. Примеры: оз. Силюетурку, оз. Сиятурку, нган. с'йл'яа° турку «длинное озеро», от с'йл'яа° «длинный» (в топонимическом значении, ср. с'йл'яа° лынта «длинная лайда»); оз. Тыратурку. нган. тыра турку «мелкое озеро», от тыра «мелкий», р. Дябака-Тари, лев. приток р. Верх. Таймыра «красная река», от нган. д'абака, д'абаку «красный». Другие имена: а) в составе полных гидронимов: оз. Нюратурку, от нган. н'уора, н'о:ра «кумжа»; сонатурку, от нган. сона: «чайка»; оз. Ягусытурку, оз. Балдатурку, он нган. д'агусы, балда (собственные мужские имена нганасанов); р. Кодябигай, лев. приток р. Мал. Пура, от нган. ко:д'а «хребет горный»; р. Фалабигай, лев. приток р. Янгота, с тем же названием прав. приток р. Верх. Таймыра от нган. х'ал'а «Камень»; р. Сонабигай, лев. приток р. Быстрая, Сонебигай, приток р. Верх. Таймыра, от нган. сона: «чайка»; р. Соутари, прав. приток р. Янгота, от нган. соу «клык», «острая скала», р. Барусибигай, прав. приток р. Бинюда, р. Баруситари, лев. приток р. Пясины, от нган. барус'и, барус'й (имя сказочного персонажа); р. Хурсубигай, прав. приток р. Мокоритто, от нган. хурсу «толченая юкола»; р. Дянгуртари, лев. приток р. Янгота, от нган. д'ангур «тундра»; р. Сунтатарни, прав. приток р. Луктах, от нган. сунта (вид возвышенности); р. Бягояму, прав. приток р. Каламиссамо, от нган. б'аго (вид куропатки); р. Асяндуяму, лев. приток р. Бол. Балахня от нган. ас'анду (родовое имя); р. Аркитари, прав. приток р. Пясины, от нган. арки (собственное мужское имя нганасана); б) в усеченных гидронимах: оз. Толбы, от нган. толбы «отвесный обрыв»; оз. Коу, от нган. коу «ухо» (возможно собственное имя); оз. Кокора, от нган. кокора (родовое имя); оз. Лаптэ, от нган. лапте (собственное мужское имя нганасана); р. Кыйда, лев. приток р. Верх. Таймыра, от нган. кэйда «ребро», «высокая отвесная скала», р. Латарю, прав. приток р. Бинюда, от нган. латар'й (собственное имя нганасана); р. Дянгур, прав. приток р. Верх. Таймыра, от нган. д'ангур (см. выше); р. Нейма, прав. приток р. Верх. Таймыра, от нган. нг'ойма «продолговатая возвышенность»; р. Кодя, лев. приток р. Пясины от нган. ко:д'а (см. выше); р. Толба, лев. приток р. Луктах, от нган. толбы (см. выше); р. Нёра, прав. приток р. Пясины, от нган. н'уора, н'о:ра (см. выше).

Следует отметить, что в полных гидронимах конечный гласный в определениях удлиняется, так, например, название реки Аркитари произносится по-нганасански арки: тари с переносом ударения на последний слог, ср. то же явление в нарицательных названиях: турку: б'эра «берег (край) озера» бика: б'эра «берег (край) реки». В этих последних примерах произошло удлинение конечного гласного с переносом на него ударения с первого слога формы именительного падежа: арки, турку, бигай. Явление это, наблюдаемое также в ряде других случаев (ср., например, форму местного падежа бика: тану «на реке»), пока не изучено. Следует обратить внимание также

на тот факт, что одни и те же определения могут участвовать в образовании как полных гидронимов, так и усеченных: оз. Нюратурку и р. Нёра (определение н'уора), р. Кодябигай и р. Кодя (определение ко:д'а), р. Дянгуртари и р. Дянгур (определение д'ангур).

Имена непроеизводные с двумя вариантами основы

Н. М. Терещенко об этих именах в языке говорит следующее: «Значительная часть именных основ имеет два варианта. Первый внешне совпадает с формой именительного падежа единственного числа, второй — с формой, выступающей в предложении в роли примененного определения и воспринимаемой как форма родительного падежа единственного числа...»⁷⁾. Это положение подтверждается и на рассматриваемой нами гидронимии. Основы во втором варианте обнаружены только в составе полных гидронимов. Примеры: оз. Аятурку, нган. ад'а турку, ад'а — форма родительного падежа ед. числа (второй вариант основы) при ас'а — форме именительного падежа (первый вариант основы), ас'а, ад'а — нганасанское название долган; оз. Джянгатурку, от д'ангка (именит. падеж), д'ангга (родит. падеж) — собственное мужское имя нганасана; р. Аятари, прав. приток р. Верх. Таймыра от ас'а, ад'а (см. выше); целый ряд названий, бытующих в живом народном употреблении, не получили отражения на географических картах: саду тари, от сату (именит. падеж), саду (родит. падеж) «глина», «глинистый холм», приток р. Горбита; б'ада тари, от б'атта (именит. падеж), б'ада (родит. падеж), прав. приток р. Волчья — собственное имя нганасана; н'адэ тари, от н'аттэ (именит. падеж), н'адэ (родит. падеж) «место, удобное для установки чума», «чумовище», прав. приток р. Пясины и др. В форме именительного падежа (первый вариант основы) зафиксировано несколько усеченных гидронимов: оз. Нука, нган. нг'ингкà (именит. падеж), нг'инггà (родит. падеж) «нос» (возможно собственное имя); оз. Моку, нган, ма'ку (именит. падеж), ма'гу (родит. падеж) «спина» (возможно собственное имя); р. Бафи, прав. приток р. Фадьюкуда, нган. баУ'и (именит. падеж), баби (родит. падеж) «олень дикий».

2. Имена суффиксальные с одним корнем. Производные имена, образованные суффиксальным способом, встречаются в составе сложных гидронимов и могут быть в роли усеченных названий. Здесь мы распределяем имена по выделенным суффиксам.

Имена с суффиксом -дà. Формант -дà образует относительные прилагательные, присоединяясь как к первому, так и второму вариантам основы имен существительных. Имеет большое словообразовательное значение в языке: баса (вторая основа бад'а) «железо», басада «железный», н'йн'й «налим», н'йн'йда «налимий». Часто прилагательные, образованные посредством этого суффикса, переходят в разряд имен существительных: с'ига, «сиг» (рыба), с'игада «сиговый», «сеть для ловли сигов», есть имена, производный характер которых имеет лишь историческое значение: кый, кэй «бок», кыйдà, кэйдà «ребро». Ср. в ненецком хэвды 1) ребро, 2) бок; хэв «сторона»*.

В гидронимии имена с формантом -дà выражают явившийся решающим для названия объекта признак обладания тем, что обозначено корнем. Усеченные гидронимы: р. Юнхода, лев. приток р. Тарей, нган. д'унг°У'адà, от д'унг°У'а (вторая основа д'умбà) «сухая земля», «дерн»:

⁷⁾ Н. М. Терещенко. Указанная работа, стр. 421.

^{*)} Ненецко-русский словарь. Сост. Н. М. Терещенко. М., «Советская энциклопедия», 1965. В дальнейшем примеры ненецких слов, не оговоренные в сносках, даются по указанному изданию.

р. Бол. Люнгфада, лев. приток р. Пясина; р. Мал. Люнгфада, лев. приток р. Бол. Люнгфада, нган. л'унг°У°ада, от л'унг°У°а (вторая основа л'умба) «вязкая глина», «трясина», эти два последних значения может иметь и производное л'унг°У°ада, ср. в ненецком лымбад «болото», «трясина»; р. Бантоуда, лев. приток р. Мокоритто, нган. бьнтйада, от бьндйай (вторая основа бьнтйа) — вид растения со съедобным корнем; оз. Нёрада, р. Нерада, приток р. Мокоритто, нган. н'уорада н'о:рада «кумжевый», от н'уора, н'о:ра «кумжа», р. Сатуда, приток р. Пясина, нган. сатуда «глинистый», «глинистый холм», от сату (вторая основа саду) «глина»; р. Нюнюда, прав. приток р. Нижн. Буотанкага, нган. н'ун'уда «налимий», от н'йн'й, н'ун'у «налим»: полные названия: р. Сатудабигай, лев. приток р. Оншоктах-Юрях, нган. сатуда (см. выше); оз. Бягодатурку, нган. б'агода, от б'аго (вид куропатки); в устном употреблении: л'унг°У°ада тари, приток р. Агапа, л'унг°У°ада турку (озеро — исток одноименной реки) и другие.

Имена с суффиксом -раку/-лаку⁸⁾ (варианты -рагу, лагу и др.). Суффикс указывает, как правило, на внешнее сходство с каким-либо предметом, поэтому особенно значительна его роль в образовании оронимов, в первую очередь названий гор, хребтов, холмов, скал и т. п. За небольшим исключением основная масса определений в составе гидронимов, выраженная именами с этим суффиксом, представляет собой оронимические образования, и гидронимы, таким образом, являются результатом топонимической метонимии.

В именах с двумя вариантами основы суффикс присоединяется к первому варианту: канта (родит. падеж канда) «нарта», кантараку «нартоподобный». Если исходная основа оканчивается на согласный, в частности, на согласные р и ?, то используется суффикс с начальным л (-лаку, -лакы), а указанные согласные утрачиваются: ма? «чум», малагу «подобный чуму»; тундер «спинка нарты», тундалаку, тундэл'еки «подобный спинке нарты». Ср. с родственным суффиксом — раха/-лаха в ненецком языке: нибяраха «подобный игле», «иглоподобный», нибя «игла»; сармикарха «похожий на волка», «волкоподобный», сармик «волк»; вэнекорха «похожий на собаку», «собакоподобный», вэнеко «собака»; хардарака «похожий на дом», «подобный дому», харад «дом» мя'алха «похожий на чум», «подобный чуму», мя''(д) чум⁹⁾.

Примеры усеченных гидронимов: р. Детарака, лев. приток р. Пура, нган. д'етараку, д'етаракы — прилагательное от д'етта (нарицательное название округлых камней, на которых дробят кости для последующего вытапливания костного жира. Холм с округлой вершиной издали напоминает этот камень); р. Кейдарага, лев. приток р. Пясина, нган. кэйдарагу «подобный ребру» (название отвесной скалы), от нган. кэйда «ребро»; р. Юртарак, прав. приток р. Дептумала, нган. д'уртарак, от д'урта «юрта». (По свидетельству информантов юрта — это шестовый чум, покрытый дёрном); р. Тундалаку, прав. приток р. Диенебигай, от нган. тундер, тундър (см. выше); р. Контараку-Бору, лев. приток р. Мал. Пура, нган. кьнтараку «подобный нарте», от нган. канта, кьнта «нарта» (см. выше).

Полные названия: р. Нюнькараку-Тари, нган. нгйнгка-раку «подобный носу», от нгйнгка «нос»; р. Малагу-Бигай, приток

⁸⁾ Г. Н. Прокофьев. Указанная работа, стр. 60; см. также Е. П. Нойфельд. Образование имен прилагательных в нганасанском языке. В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г. Изд-во Томского ун-та, Томск, 1969, стр. 59.

⁹⁾ Н. М. Терещенко. Материалы и исследования по языку ненцев. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 158.

р. Верх. Таймыра, малагу бигай «чумоподобной (сопки) река», от ма? «чум» (см. выше).

В устном употреблении: тундэл'е́кы, лев. приток р. Янгода, нган. тундэл'е́кы (см. выше); нгуарáгу турку (в низовье р. Сунтатари), нган. нгуарáку «похожий на дверь», «двереобразный», от нган. нгуа «дверь», «проход в чуме»; нгуарáгу? турку? «двереобразные озёра — название пяти озёр, соединенных перешейками (в 8—10 км на север от третьего (северного) озера — истока р. Пайтурма. Название выражено в форме именительного падежа множественного числа. Конечный гортанный смычный согласный?, присоединяемый ко второй основе, является показателем именительного и родительного падежа множественного числа. Из примеров видно, что различные варианты рассматриваемого суффикса обнаруживают в исходе чередование согласных к/г (-ра́ку/-ла́гу). В ряде случаев это чередование носит регулярный характер, например, ка́нтара́ку (именит. падеж), ка́нтара́гу (родит. падеж), ср. ма́ку, ма́ку (именит. падеж), ма́гу, ма́гу (родит. падеж) «спина».

Имена с суффиксом -ра́му/-ла́му.

Суффикс -ра́му/-ла́му (варианты ра́мы, ла́мь и др.) придает значение постоянного места действия, присоединяется к именным и глагольным основам: н'адыла́мь «постоянное место, где устанавливают чумы», от н'атты (вторая основа н'ады) «чумовище»; колыдыра́му «место постоянного лова рыбы», от глагола колыдысы «рыбачить», колы «рыба», кьУыдыра́мы «место охоты на куропаток», от кьУыдысы «охотиться на куропаток», кьУы, кьУы «куропатка»; ты́гула́му «постоянное место летнего оседлого стойбища», от ты́нга, ты́нгад'ад'а «лето»; ср. в ненецком языке имена с формантом -лава (-лва, -рма); танго́'лава «место летнего оседлого стойбища», тангодалава «обычное место летнего стойбища», от глагола тангода(сь) «жить на летнем стойбище»; та'(н) «лето»; сывдарма, сывдалва, сывдалава, сырадалва, сырадалава «место обычной зимовки», от глагола сывда(сь), сырада(сь) «зимовать», сыв, сывы, сыра «зима»; ябтарма «место, на котором водоплавающие птицы останавливаются во время линьки...», от глагола ябтарць «останавливаться во время линьки (о водоплавающих птицах)», ябто «гусь», мядырма «постоянное чумовище», от мяды «место, на котором был чум, чумовище», мя''(д) «чум».

Примеры усеченных гидронимов: р. Дептурама, прав. приток протоки Старица, р. Депторама, лев. приток р. Янгода, р. Дялтурама, прав. приток р. Пура, нган. д'эпта́ра́му, д'а́пта́ра́му «место линьки водоплавающей птицы», от д'эпту, д'а́пту «гусь» (иногда — «утка»), это же имя в устном употреблении нганасанов носят река Гусиха, приток р. Дудыпта и река Гусиха, приток р. Пясина; оз. Дялидараму: нган. д'ал'идара́му «место сбора кремня», от д'ал'идысы «собирать кремнь», д'ал'н «кремнь».

Примеры полных названий: р. Дептурама-Тарн, впад. в залив Ямунеру, нган. д'а́пта́ра́му (см. выше), р. Дялидерама-Тарн, впад. в залив Байкуранеру, нган. д'ал'идара́му (см. выше).

В устном употреблении реку Верх. Таймыра нганасаны называют теймира́му от тейми «предел, граница», мотивируя название тем, что севернее реки люди обычно не кочевали¹⁰). Этот же суффикс в исходе устного названия реки Пайтурма, нган. х'а́т'ура́му, У'а́т'ураму, х'а́йт'ура́му «место, где всегда можно найти дерево для различных хозяй-

¹⁰) Это народное толкование гидронима мало убедительно; здесь оно приводится лишь с целью подчеркнуть топонимическое значение рассматриваемого суффикса. См. о предполагаемой внутренней форме этого названия Б. О. Долгих в указанной работе, стр. 68.

ственных поделок, от глагола $Y^{\circ}at'ud'a$ «добывать лес», «обрабатывать дерево», $x^{\circ}a$, $Y^{\circ}a$: «дерево», ср. $x^{\circ}at'upsa$ «топор» (собств. «орудие для обработки дерева», с суффиксом -пса, образующим имена со значением орудия действия).

Имена с суффиксом -кута/-гута (в форме родительного падежа единственного числа -куда/гуда).

Имена с суффиксом -кута/-гута (варианты: -күта, -гүта, гүта и некоторые другие) обозначают постоянный признак, обычное свойство, склонность к чему-либо определенного предмета: $лангү:$, $лангүр$ «крик», $лангүркүта$ (в родительном падеже единственного числа $лангүркүда$) «склонный к крику», «крикун»; $басуд'a$ «охотиться», $басугута$ «охотник (человек, который часто или постоянно охотится)», ср. $басуту'a$ «охотник (человек, который охотится в данный момент)»; $бие$ «ветер», $биегүта$ мою «место, где часто дуют ветры», мою «место, местность, земля»; $толарса$ «воровать», $толаркута$ «вор» (ворующий постоянно), ср. $толы'a$ «вор (совершивший кражу)»; $x^{\circ}ангкуа$ «пьяный», $x^{\circ}ангкугута$ «пьяница». Иногда значение усиливается увеличительным суффиксом -а, присоединяемым ко второй основе: $картеркүда'a$ от $картеркүта$ «картежник», $буа^{\circ}дүркүда'a$ от $буа^{\circ}дүркүта$ «лгун». В немецком языке близкую по значению функцию выполняет родственный суффикс -хад, образующий, по терминологии Г. Н. Прокофьева, имена склонности к действию¹¹): $хане(сь)$ «охотиться», $ханё$, $ханёда$, $ханеда$ «предмет ловли, охоты», «добыча», $ханехад$ «любитель охотиться, заядлый охотник», $тоса(сь)$ «опасаться, остерегаться», $тосахад$ «осторожный, осмотрительный (по свойству своего характера); $ябе(сь)$ «быть пьяным», $ябехамзё$ «стать пьяницей», $ябе$ «пьяный», $ябехад$ «пьяница», «пьяный (постоянно)», $ёмбэрц$ «ласкаться как маленький», $ёмбэркад$ «тот, кто любит ласкаться как маленький (постоянно)»; $нена(сь)$ «сердиться», $ненхад$ «сердитый (постоянно)»; $тёре(сь)$ «закричать крикнуть», $тёр$ «крик», $тёрхад$ «склонный к крику, крикун».

Гидронимы: р. Фадьюкуда, лев. приток р. Верх. Таймыра, в устном употреблении встречается в трех вариантах: $x^{\circ}адүкүта$ (форма основного падежа), $x^{\circ}адүкүда$ (форма родительного падежа единственного числа) и $x^{\circ}адүкүда'a$ (увеличительная форма с суффиксом -а; $x^{\circ}адүкүта$ — образное определение места, где всегда было обилие пищи; $x^{\circ}ади$ — основа глагола со значением «варить (пищу)», субстантивированная форма $x^{\circ}адү$, $x^{\circ}ади$ обозначает то, что должно быть приготовлено (сварено) в пищу. В адаптированном названии Фадьюкуда отражен или второй, или третий вариант названия; в устном употреблении зафиксирован полный гидроним $конг^{\circ}Y^{\circ}угута$ бигай, правый приток р. Пясины; $нганас$. $конг^{\circ}Y^{\circ}угута$ «постоянно волнистый» от $конг^{\circ}Y^{\circ}у$ (вторая основа — $комбу$) «волна». Здесь мы сталкиваемся с довольно редким случаем употребления согласованного топонимического определения, выступающего в первом варианте основы ($конг^{\circ}Y^{\circ}угута$).

Имена с суффиксом -то/-та/-ту/-тэ/-тү/-туа/-тэа/-түа/-тие/-тоа.

Указанный суффикс образует имена прилагательные со значением обладания, часто с оттенком изобиливания чем-либо: $x^{\circ}алә$ «камень», $x^{\circ}алүйтүә$ «изобилующий камнем», «каменнстый», $балә$ «протока», «рукав (геогр.)», $балүйтүә$ «изобилующий протоками» или «с протокой»; $нгүад'a$ «остров (большой)», $нгүадитуа$ «с островом»; $сән'ие$ «кустарник», $сән'итие$ «кустарниковый», $д'ангкада$ «нижняя челюсть», $д'ангкадейтна$ «скуластый». В тех случаях, когда производящая основа имеет два варианта, суффикс присоединяется ко второму варианту: $д'ика$ (вто-

¹¹) Г. Н. Прокофьев. Указанная работа, стр. 22.

рая основа д'ига) «яр», д'нгй:тйà. д'нгййтйà «с ярами»; бангка (вторая основа банга, бангга) «нора», б'нгйтйà «изобилующий норами».

В сравнительно большом количестве вариантов суффикса, основным элементом которого является согласный «т», четко выделяются две группы; одна из них характеризуется простым гласным, другая дифтонгом. Варианты с монофтонгом, с одной стороны, и варианты с дифтонгом, с другой стороны, могут образовывать синонимы, например: б'нгйта (с вариантом суффикса -та) и б'нгй:тйà (с вариантом суффикса -тйà) «изобилующий норами», х°алйтй (с вариантом суффикса -тй) и х°алй:тйà (с вариантом суффикса -тйà). Различное качество гласных внутри этих двух групп обусловлено, по-видимому, фонетическими причинами, в первую очередь своеобразным сингармонизмом¹²⁾.

Гидронимы усеченные: р. Толбато, лев. приток р. Пясины; р. Толбато, лев. приток р. Бинюда; р. Толбато, прав. приток р. Таря; нган. толбато «с отвесными обрывистыми берегами», от толбы «отвесный обрыв»; р. Юдыта, лев. приток р. Янгода; нганас. д'удыта, «срединный», от д'уте, д'утыа (вторая основа д'уды) «середина, средний»; р. Сырута, лев. приток р. Пясины, оз. Сырута (название многих сравнительно больших озер); нган. сыруту «со льдом (озеро)», сырута?а «со льдом (озеро большое)», от сыр «лед», «снег» (определения сыруту, сырута?а, по свидетельству информантов, имеют только топонимическое значение и применимы по отношению к водоемам, на которых лед сохраняется круглый год; н'уарутуа — параллельное устное название реки Дяхорендиве, прав. притока р. Пясины, нганас. н'уарутуа, нг'уарутуа «с отлогими ярами», от н'уар, нг'уар «небольшой отлогий яр»; р. Неркато, прав. приток р. Аятари; р. Неркато, лев. приток р. Горбита; нганас. н'еркато, н'иркато, н'ирката?а, н'ирка?тйà «с белым тальником», от н'ирку, н'ирка «белый тальник»; бакунату — устная форма названия реки Боганида, лев. притока р. Хета; нганас. бакунату «обильная осетрами», от бакуну «осётр»; р. Мокоритто, лев. приток р. Пясины, устный вариант ма°карйттйà «извилистый», «искривленный», «изогнутый (в любом значении)», ср. с предложением кймама (нож мой) ма°карйе (изогнут). Ряд информантов название реки Горбита и название реки Логата, правых притоков р. Верх. Таймыра, объясняют, исходя из материала нганасанского языка, при этом в устных формах этих названий выделяется исходный формант -ту(-тй): нганас. корбиту, корбитй, от корби, корбие «сухой», «высохший (о дереве, например, и других предметах)», нганас. лъгату, лэгату, лэгату с объясняющим вариантом лъУара бигай «бурлящая река», ср. нганас. лъгътуту «бурление (например, воды, чая и т. д.)». В основе того и другого толкования лежат соответствующие легенды¹³⁾; сàн'итие — одна из устных нганасанских форм названия рек Бол. Сонитэ, лев. притока р. Янгода и Мал. Сонитэ, прав. притока р. Бол. Санитэ, нганас. сàн'итие «кустарниковый», от сàн'ие «кустарник»; ср. с тем же значением записанное нами энецкое название этих же рек: са'н'иъ?те д'аУа, са'н'иъ?те «кустарниковый», д'аУа «река»¹⁴⁾.

Гидронимы полные: р. Ньеньгати-Тари, прав. приток р. Бикада-Нгуома, нганас. нг'енггати — определение от нг'енгка (вторая основа нг'енгга) «место на суше, охватываемое рукавом (геогр.), протокой, искривленным озером (балà турку)», ср. ненецк. ненгг «внутренняя часть

¹²⁾ М. А. Castren. Указанная работа, стр. 26—31.

¹³⁾ О толковании этих названий на основе гунгусского языкового материала см.: Б. О. Долгих. Указанная работа, стр. 68—69.

¹⁴⁾ О другом народном толковании внутренней формы гидронима Сонитэ см.: Б. О. Долгих. Указанная работа, стр. 56.

какого-либо заграждения (напр., невода, загона; круг, образованный нартами во время коллективной охоты на песцов и т. п.); оз. Каламута-Турку, р. Каламута-Яму, лев. приток р. Бол. Балахня, нганас. каланг^оута «мамонтовый (о местности)», от каланг^оу «мамонт», ср. калад^а «клык мамонта»; среди полных гидронимов многочисленны названия с рассмотренным уже нами определением сырута (сырута?а), целый ряд таких названий зафиксирован на географических картах: оз. Сырута-турку (несколько названий), оз. Мал. Сырута-турку; р. Сырутабигай, прав. приток р. Янгода, р. Сырутаяму, прав. приток р. Логата и др.; сойбутуа турку — устное название озера — истока реки Буотанкага, нганас. сойбутуа «шумный (в данном случае от кишашей рыбы)», от сойму «звук»; с'игато: турку, с'игатоа турку (устное название нескольких озёр), нганас. с'игато: «с перешейками», «с перешейком», от с'икй, с'йкй (вторая основа с'игй, с'йгй) «суженное место, «перешеек (на реке, озере)»; д'уанату?о бигай, устное название одного из левых притоков р. Дудыпта, нганас. д'уанату?о «с песчаными отмелями», от д'уана «песчаная коса, отмель».

Имена с формантом -й

Формант -й выявляется в исходе топонимических определений в литературных и устных названиях, по функции он близок суффиксам обладания, нередко употребляется вариант с суффиксом -?а (см. ниже) и удлинённым гласным основы: мулдай хотти и мулда: хотти, с'удабей тари и с'удабэ?а тари. Следует отметить, что нами не зафиксированы случаи присоединения форманта -й к двухвариантной основе.

Гидронимы усечённые: р. Коундей, прав. приток р. Мал. Пура (устный вариант — коунд'ей тари); нганас. коунд'ей — определение от коунд'а «плавник» (дерево, выброшенное на берег реки); р. Фаладей, лев. приток р. Пясина; нганас. х'аладей — определение от х'алада?а (имя увеличительное от х'алā «камень»).

Гидронимы полные: р. Бягойбигай, лев. приток р. Пура; нганас. багой бигай, от баго (вид куропатки); р. Торудейтари, лев. приток р. Янгода; нганас. торудей? тари «река борцов (состязавшихся в борьбе)», торуда «борец (участник состязания в борьбе)», -? — флексия множественного числа именительного и родительного падежа; р. Малахай-Тари, лев. составляющая р. Бикада-Нгуома; нганас. малагай тари; определение малагай от малагу «подобный чуму», ма? «чум», -лагу — суффикс подобия (см. выше); р. Нюрай-Тари, лев. приток р. Бикада-Нгуома; нганас. н'урай тари «кумжевая река», определение н'урай, н'орай от н'ура, н'ора «кумжа (рыба)»; р. Сюдавейтари, прав. приток р. Пясина, нганас. с'удабэй тари (вариант с'удавэ?а тари) «большая (огромная) река», с'удабэй, с'удабэ?а «большой (огромный)»; р. Сечерей-Тарида, лев. приток р. Бол. Балахня; нганас. Yet'с'ерей тарида, от Yet'с'ерд, Yet'ера «обрыв», «овраг»; т'с'айбей тари — устный вариант названия реки Чайбитари, лев. притока р. Янгода; нганас. т'с'айба, ч'айба (собственное имя нганасана); бин'удай тари — устное название небольшой реки, лев. притока р. Верх. Таймыра; хиелый тари (вариант хиелы тари), прав. приток р. Логата; нганас. хиелый — определение от хиелы «белый песок».

Имена с суффиксом -ку/-кй.

Суффикс -ку служит для образования уменьшительных¹⁵⁾ и ласкательных форм: турку «озеро», туркаку, туркакй «озерко»; х^оа, Y^оа «де-

¹⁵⁾ См.: Г. Н. Прокофьев. Указанная работа, стр. 60; см. также: Л. С. Петровская. Образование имен существительных в нганасанском языке. В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири...», стр. 57—58.

рево», «палка», х°а:кү «палочка»; лу: «парка (одежда)», лу:кү «парка маленькая»; ма°н'уй «кулак», ма°н'уаку кулачок»; ки:й «ложка», кү:кү «ложечка»; У°ан'д'аУ°у «лес», У°ан'д'аУ°аку «лесок»; нередко суффиксу предшествует или гортанный смычный ?, или носовой заднеязычный нг: колы «рыба», кол'а?ку «рыбка»; тыра, тэра «мель», «мелкий», тыра?кү «мелкий (о небольших водоемах»; ба°д'утуа «забияка», ба°д'утангку (наряду с ба°д'утаку) «забияка (о маленьких детях)»; мадат'с'у, мадач'ангку «гость (ласкательн.)», д'ангур «голое место», «тундра», д'ангарангку «небольшая безлесная возвышенность», «безлесное местечко». Если производящая основа выступает в двух вариантах, суффикс присоединяется ко второй основе: бигай (вторая основа бика) «река», бикаку, бикакү, бика?ку «речка»; лынта (вторая основа лында) «низина, лайда», лынд'аку «лайдочка»; банг (вторая основа бана) «собака», банаку «собачка»; д'йтү (вторая основа д'йдү) «рука», д'йдаку «ручка»; д'ика (вторая основа д'ига) «яр», д'игаку «яр маленький», сыку (вторая основа сыгу) «бородавка», «сосок», сыгаку «сосочек»; д'унг°У°а (вторая основа д'умба) «высохшая болотная земля», «торф», д'умбаку «лычма (оторвавшийся плавающий участок земли)»; ма? (вторая основа мада) «чум», макангку «маленький чум» и т. д. Суффиксу -ку в нганасанском языке соответствует уменьшительный суффикс -ко в ненецком языке: харад «дом», хардако «домик», яха «река», яхако «речка», тюнд «бугор», тюндко «бугорок».

Гидронимы усеченные: лъгатаку — устное название реки Логатка, прав. притока реки Логата: нганас. лъгатаку — уменьшительн. от лъгату (устное название реки Логата); р. Поляранку, прав. приток р. Тундровая; нганас. х°алүрангку (вариант х°алүра?а) «каменистое (галечниковое) место», от х°алà, У°алà «камень», д'ангарангку — устное название одного из притоков р. Пура; нганас. д'ангарангку «безлесное местечко», от д'ангур «тундра», «безлесное место».

Гидронимы полные: Хиромяку-Бигай, прав. приток р. Диринга, нганас. хирамăку, Уирамăку «сопочка», от хирамы, Уирамы «сопка», «холм»; р. Сигаку-Тари, приток бухты Ледяная; нганас. с'игаку — уменьшительн. от с'йкү «суженное место», «перешеек»; р. Инекутари, прав. приток р. Горбита; нганас. инăку тари, инăку, инјăку «старушка», от иниă, ?иниă «старуха»; р. Холиранго-Тари, лев. приток р. Угарная; нганас. х°алүранггу тари, х°алүрангку (вторая основа х°алүранггу) «каменистое (галечниковое) место» (см. выше).

Имена с суффиксом -?а

Суффикс -?а является наиболее употребительным для образования имен увеличительных¹⁶⁾: мунгку «дерево» мунгка?а «большое дерево»; мъну «яйцо», мъна?а «большое яйцо»; кү:й «ложка», кү:?уа «большая ложка»; соу «клык», «острая скала», со?уа° «большой клык»; сырайку «белый (о небольших предметах)», сыра?а «белый (о больших предметах)»; тыра «мелкий», тыра?а «мелкий (о больших водоемах)», например, тыра турку «мелкое озеро», тыра?а турку «мелкое большое озеро», последнее понятие может быть так же выражено сочетанием тыра турка?а. При наличии у производящей основы двух вариантов суффикс -?а присоединяется ко второму варианту: лынта (вторая основа лында) «низина, лайда», лында?а «большая лайда», т'е'У°о, ч'е'У°о (вторая основа т'с'ебо, ч'ебо) «гвоздь», т'с'ебы?а, ч'ебы?а «большой гвоздь». Среди перечисленных примеров следует обратить внимание на формы прилагательных, увеличительный

¹⁶⁾ Г. Н. Прокофьев. Указанная работа, стр. 59—60.

суффикс которых свидетельствует о величине определяемых ими предметов (сыра?а — о больших предметах, тыра?а — о больших водоемах). В этой функции увеличительный формант -?а наиболее употребителен в нганасанской топонимии.

Гидронимы в устном употреблении

Усеченные названия: х°адйкйда?а — устный вариант названия реки Фадьюкуда, лев. притока р. Верх. Таймыра; нганас. х°адйкйта (вторая основа х°адйкйда) — определение от х°ади, х°адй (см. выше); н'ирката?а — устный вариант названия реки Неркато, лев. притока р. Горбита; он нганас. н'еркато, н'иркато (см. выше); д'уртарага?а — устное название р. Юртарага, прав. притока р. Дептумала; нганас. д'уртарага?а — увеличительная форма от д'уртарàгу (см. выше); сырута?а — название многих больших озер, от сыруту (см. выше); толба?а, р. Толба, лев. приток р. Пясины, от нганас. толбы «обрывистый берег» и др.

Полные названия: хйолы?а турку, нганас. хйолы?а от хиелы «белый песок»; тамн'а? турку, нганас. тамн'а?а — увеличит. форма от тами'а «хребтик»; с'удабеза тари — устное название реки Сюдавейтари, прав. притока р. Пясины; сырута?а турку — оз. Сырутатурку; нганас. сырута?а (см. выше) и др.

В литературных названиях смычный гортанный ?, чуждый фонетической базе русского языка, не получил своего прямого выражения.

В заключение коротко остановимся на материале, разъясняющем структуру некоторых единичных литературных названий.

Р. Диенебигай, прав. приток р. Луктах; нганас. д'иене, от д'ие «мох», «ягель»; по свидетельству информанта слову д'иене синонимично сочетание д'ирага д'ие; д'ирага «жирный», «сочный» (ср. р. Диедирага, лев. приток р. Тэнкэн); в бассейне р. Пясины есть устное метонимическое название сьръгънэ бикакй, по-видимому, от названия горы Сэрэгэн, отмеченного на картах; нганас. сьръгънэ, сэрэгэнэ, от сэрэку, сырыку «перехват», «талия», «суженное место какой-либо вещи» (например, шейка керосиновой лампы); сюда же приведем нарицательное имя д'уана «песчаное место», «песчаная коса», от д'уа «песок». Представляется возможным выделить в названных именах формант в обусловленных гармонией гласных вариантах -не, -нэ, -на.

Р. Халибала-Тари, лев. приток р. Верх. Таймыра, нганас. х°алйбала тари «каменистая река», х°алйбала — производное от х°алà «камень»; приведем и другое устное толкование: нганас. х°адибала, от х°ади «то, что должно быть приготовлено в пищу», есть устное название реки — х°й:бала; нганас. х°йбала, производное от х°й: (вид растения). Здесь мы выделяем суффикс — бала (вариант б'ала)¹⁷, образующий имена обладания, часто с указанием на обладание чем-либо во множестве: сыр «лед», сырубала, сыру?бала «ледяной», «леденистый»; та: «олень (домашний)», та:бала, та:бала?а «богатый оленями», «очень богатый оленями»; суффикс присоединяется ко второй основе: н'егыр (вторая основа н'екры) «грязь», н'екурубала?а (с увеличит. формантом -?а) «грязный», «грязнуля»; д'ика (вторая основа д'ига) «яр», д'йгй?бала «изобилующий ярами»; сату (вторая основа саду) «глина», садабала «глинистый»; н'ота, н'отта (вторая основа н'ода) «трава», н'одй?бала, н'одйбала «травянистый»; бангка (вторая основа банга) «яма», бангйбала «с ямами», «изобилующий ямами». Суффикс -бала, таким образом,

¹⁷) Е. П. Нойфельд. Указанная работа, стр. 59.

имеет в основном те же значения, что и рассмотренные выше суффиксы -дә, -тӱа, ср. пары синонимов, приведенные М. А. Кастреном: н'оталә (нами записано н'отада) и н'од'йбала «травянистый» (grasreich)»¹⁸⁾; бангӱбала и бангӱтӱа «с ямами», «неровный (grubig)»¹⁹⁾.

Р. Хаптуматари, лев. приток р. Луктах; устные варианты: х°аптуму тари, х°аптума: тари, х°аптума?а тари; нганас. х°аптуму «безлесный», «бестальниковый», от х°а «дерево»; р. Муруптума-Тари, лев. приток р. Малахай-Тари; оз. Морунтума; нганас. муруптуму, ма°руптуму «без берега (отлогого)», от ма°ру, мьру, муру «берег у воды (отлогий)». Выделяемый в определениях х°аптуму и ма°руптуму суффикс -птуму (в увеличительных формах -птума?а) образует имена необладания: с'ӱрӱ «снег», с'ӱраптуму «не имеющий снега», «бесснежный»; нгамбу «сон», нгамбаптуму «бессонный». Обращает на себя внимание некоторое сходство этого суффикса с суффиксом ненецкого языка — вадавэй (-вадавэй), -мадавэй (-мдавэй), образующим причастия еще несовершившегося действия: не «жена», неле(сь) «жениться», нелевадавэй «еще не женившийся», «неженатый»²⁰⁾.

Р. Дикара-Бигай, прав. приток р. Верх. Таймыра; нганас. д'икара бигай «река с большим яром», д'икара, д'икара?а «яр большой», от д'ика (вторая основа д'ига) «яр», «гора»; выделяемый формант -ра (второй вариант -ла) является суффиксом, образующим по терминологии Г. Н. Прокофьева имена ограничительные²¹⁾. Формы, образованные посредством этого суффикса, часто воспринимаются нганасанами как имена увеличительные: хотти (вторая основа ходи) «влажная травянистая ложбина», «продолговатая лужа», хоттира «ложбина большой протяженности». Суффикс присоединяется к первой основе. Суффиксу -ра, -ла соответствует в ненецком языке суффикс -ри, -ли с теми же значениями: вэнеко «собака», вэнекори «только собака»; мя''(д) «чум», мяли «только чум»²²⁾, нгэва «голова», нгэвари «головастый, с большой головой (букв. только голова)».

Р. Намтаятари, лев. приток р. Тиннатурку-Яму; нганас. нгамтад'а тари, нгамтад'а «рог (прошлогодний)», «рог (на земле)», от нгамту, нгамта «рог»; выделяемый формант -д'а придает в данном случае имени значение прошедшего времени, ср. ма? «чум», ма?ад'е «место, где был чум», «чумовище»; н'атти (вторая основа н'ады) «земляной пол внутри чума», н'аттиед'а «чумовище»; ср. также отглагольные формы: н'илытым «я живу», н'илытыа «живущий»; н'илыд'ием «я жил», н'илыд'ед'а «живший». Имена с суффиксом -д'а могут восприниматься как относительные прилагательные: кӱа «береза», кӱод'а кӱантӱа «березовая нарта»; д'епту «гусь», д'епту:д'а д'нр «гусиный жир».

Р. Асейнатари, прав. приток р. Мокоритто; нганас. ас'айнга тари; ас'айнга наряду с ас'ад'инг (первое имя произведено от второго) «женщина из долган», «долганка, вышедшая замуж за нганасана», от ас'а (вторая основа ад'а) — «долган», «долганка». Употребительна увеличительная форма ас'айнга?а, под влиянием которой возможно и возникла рассматриваемая нами форма ас'айнга путем выделения в создании говорящих форманта -?а. Ср. н'а (форма множ. числа н'а?) — фактическое

¹⁸⁾ М. А. Castren. Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen. St.—Petersburg, 1855, s. 59. Замена знаков в примерах обусловлена техническими причинами.

¹⁹⁾ Там же, стр. 230.

²⁰⁾ Н. М. Терещенко. Материалы и исследования по языку ненцев. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 120, 244, 245.

²¹⁾ Г. Н. Прокофьев. Указанная работа, стр. 60.

²²⁾ Г. Н. Прокофьев. Ненецкий (юрако-самоедский) язык. Языки и письменность народов Севера, т. 1. Л., 1937, стр. 20.

самоназвание нганасанов, н'ад'инг' «женщина из нганасанов», н'ад'инга?а «большая женщина из нганасанов». Женщина, вышедшая замуж, принимает еще одно имя, образованное от имени ее отца, путем прибавления к нему суффикса -д'инг, -д'инг' (из -йинг), например, нумаку' — имя отца, нумакод'инг — имя его дочери после замужества; тонкай — имя отца, тонкайд'инг' — имя дочери после замужества. В ненецком языке суффиксу д'инг, по-видимому, соответствует формант, выраженный назализованным гортанным смычным,²³⁾ (иногда с предшествующим «й» и др. гласными), который указывает на принадлежность женщин к той или иной родовой организации. Примеры: Тёры' «женщина из рода Тёр», Нохой' «женщина из рода Нохо», Пыреркы' «женщина из рода Пырерка», Пякой', Пякы' «женщина из рода Пяк» и т. д.

Р. Селяктари, лев. приток р. Тарей; нганас. с'иел'аку тари; с'иел'аку «поменьше (по величине)». Г. Н. Прокофьев относит слово с'иел'аку к так называемым именам сравнительным, образуемым с помощью суффикса -л'аку, -л'ику²⁴⁾. Гидроним, по-видимому, противопоставлен по смыслу какому-то другому названию, возможно, названию основной реки — Тарей (устная форма тари?а).

Заканчивая на этом структурную характеристику топонимических определений, выраженных однокорневыми именами, считаем нужным сделать некоторые замечания по поводу помещенного в статье топонимического и другого языкового материала. Здесь мы широко использовали устные свидетельства жителей нганасанской национальности, которые во многих случаях дают ценный материал для распознавания внутренней формы названий на основе выяснения семантики и структуры исходных форм. Большое значение свидетельств такого рода общепризнанно. Не имея этих данных, очень трудно было бы, например, утверждать, что много раз повторяющееся на картах для обозначения озёр название Сырута восходит к форме сырута?а с увеличительным формантом -?а. Эта форма противопоставлена в устном употреблении нейтральной форме сыруту, служащей для названия сравнительно небольших озёр. Противопоставление устных форм сыруту и сырута?а позволяет сделать вывод о том, что конечное -а литературной формы Сырута является результатом закономерного перехода гласного «у» в гласный «а» перед увеличительным суффиксом, ср. турку «озеро» — турка?а «озернице»²⁵⁾. Определение сыруту по причине малой величины названных им объектов не получило своего выражения на географических картах, несмотря на большое распространение в устной топонимии. Отметим еще, что устное нганасанское название сырута?а турку сопутствует литературному названию озера Улахан-Бустах долганского происхождения, также содержащему указание на большую величину объекта (долганск. улакан «большой», бустак «со льдом»). На тех же основаниях можно видеть следы суффикса -?а в следующих рассмотренных уже нами названиях: р. Юртарара (нганас. д'уртарара, увеличит. форма д'уртарара?а, р. Хаптуматари (нганас. х'аптуму, увеличит. форма х'аптума?а), р. Маруптума, оз. Моруптума (нганас. ма'руптуму, увеличит. форма ма'руптума?а). С вероятностью мы можем пред-

²³⁾ О соответствии конечного нг в нганасанском языке конечному назализованному гортанному смычному в ненецком языке см.: Н. М. Терещенко. Введение (самодийские языки). Языки народов СССР. В пяти томах. Том третий, финно-угорские и самодийские языки, «Наука», М., 1966, стр. 367.

²⁴⁾ Г. Н. Прокофьев. Нганасанский (тавгийский) диалект. Языки и письменность народов Севера, т. 1. Л., 1937, стр. 60.

²⁵⁾ О переходе гласного «у» в гласный «а» в нганасанском языке см.: Г. Н. Прокофьев. Нганасанский (тавгийский) диалект. Языки и письменность народов Севера, т. 1. Л., 1937, стр. 58.

положить увеличительную форму в качестве исходной для названия реки Фадьюкуда, лев. притока р. Верх. Таймыра (нганас. х°адйкйта, вторая основа х°адйкйда, увеличит. форма х°адйкйда?а), однако, исходя из чисто морфологических данных, здесь в качестве исходной мы можем допустить и форму родительного падежа ед. числа, совпадающую со второй основой.

Нередко предлагаемые устные названия нельзя считать прямыми предшественниками исследуемых литературных названий, но можно признать их в качестве вариантов незасвидетельствованных прямых исходных форм. Так, например, литературной форме Мокоритто информанты предпосылают устную форму ма°ка°рйттйа. Однако в качестве прямой исходной формы мы ее принять не можем, так как в данном случае невозможно найти обоснованный принцип адаптации; в то же время, с точки зрения построения, она не может вызвать возражений при наличии таких форм, как х°алй:тйа, д'нгй:тйа. В качестве прямой исходной формы можно с большой вероятностью предположить незасвидетельствованную форму ма°ка°ритто на основании существующих пар вариантов типа н'ирка?тйа и н'иркото, с'игатоа и с'игато, б'нггйтйа и б'нггйта. Следует, наконец, отметить, что для расшифровки целого ряда литературных названий устные свидетельства местных жителей оказываются недостаточными или вообще не могут внести какой-либо ясности, и для исследования необходимо привлечение другого материала. Коротко остановимся в заключение на характерных в этом отношении двух гидронимах.

Р. Сангфалянка, прав. приток р. Пура; оз. Сангфалянка, истоки реки Сангфалянка; нганас. санг°х°а°лångкå (вторая основа санг°х°а°лångгå). Первоосновой названия информанты считают количественное числительное санг°х°а°лångкå «пять» при этом одни из них без основания говорят о пяти озёрах, другие подводят легенду о пяти девушках, третьи указывают на собственное имя девушки, образованное от того же числительного. Каждое из этих свидетельств само по себе не представляется сколько-нибудь убедительным, а факт противоречивости сведений дает возможность предположить в основе названия другое, забытое понятие, речевой знак которого совпал внешне с выражением понятия «пять». Первой возможностью представляется рассмотрение слова санг°х°а°лångкå как суффиксального образования с корневой морфемой санг°х°а (вторая основа самба) со значением «влажная болотистая земля» и непродуктивным суффиксом -лångкå, ср. имена с суффиксом -лянгг в ненецком языке, образующим имена обладания чем-либо во множестве: пэлянгг «каменистый», пэ «камень»; хойлянгг «гористый», хой «гора»; тюндлянгг «бугристый», тюнд «бугор»²⁶). С исходом слова -лångкå нами записано слово ма°н°алångкå «красавица». Другой возможный путь решения — рассмотрение слова санг°х°а°лångкå как сложного образования с той же морфемой санг°х°а и, возможно, существовавшим, но забытым словом лångкå, ср. в ненецком языке слово лангг со значением «обрыв, яр». Есть и название реки Лянка, которое местные жители расшифровать не могут. Как видно, для решения вопроса необходимо дальнейшее исследование.

Р. Попигай, прав. приток р. Хатанга; как было уже отмечено, местные жители расшифровать это название не могут, и с точки зрения нганасанского языка это «чистый» топоним; устная нганасанская форма названия — кóппикай. Расшифровка гидронима Б. О. Долгих как фа бигай (нганас. х°а: бигай) «лесная река, находит подтвержде-

²⁶) Н. М. Терешенко. Материалы и исследования..., стр. 160.

ние в «Чертежной книге» С. У. Ремезова и, как было отмечено в начале статьи, соответствует природе объекта. Необычное же чередование согласных «п(х°)» и «к» не единично в топонимике, так, например, для литературного названия реки Пура существуют устные формы х°ура и кура (отмечено Б. О. Долгих). Неясной остается причина перехода согласного б в п (бигай — пигай).

Объяснение транскрипции

- â — широкий гласный переднего ряда;
- ä — неширокий гласный переднего ряда;
- a⁰ — лабиализованный гласный;
- ÿ — лабиализованный гласный переднего ряда;
- э — гласный, близкий русскому «е» во второй позиции после твердого согласного;
- y⁰ — средний между «у» и «о»;
- е, о, у — закрытые гласные;
- ъ — сверхкрытый гласный;
- д — межзубной, звонкий согласный;
- с — межзубной, глухой согласный;
- с' — средненебный, средняяязычный, глухой согласный;
- к — глубокий, заднеязычный согласный;
- нг — носовой, сонорный, заднеязычный согласный;
- нг⁰ — носовой, сонорный, заднеязычный, лабиализованный согласный;
- х⁰ — лабиализованный согласный;
- У — фрикативный, звонкий, заднеязычный согласный;
- У⁰ — фрикативный, звонкий, заднеязычный, лабиализованный согласный;
- ? — гортанный, смычный;
- : — обозначает долготу предшествующего гласного;
- ' — обозначает палатализацию согласного.

М. А. ГУРЕВИЧ

ORIFEX, OFFICINA, ORIFICIUM

Цель статьи — показать генетическую связь между латинскими словами *orifex*, *officina*, *orificium* и проследить историю их развития. Сама семантика наводит на мысль о возможности родства этих слов: *orifex* «работник», «мастер», *officina* «мастерская, где он работает», *orificium* «совершенная работа». В структурном же плане считаем возможным выделить общий компонент *or-*. Для подтверждения этой мысли проанализируем интересующие нас слова. Предварительно отметим, что латинское *orifex* соотносят с *opus*, а слова *officina* и *orificium* считают производными от *orifex* или *opus**. На наш взгляд неправильно связывать эти сложения с основой *opus*, так как *opus* представляет собой основу среднего рода на *-es*. Индоевропейская основа **opros* находит отражение и в древнеиндийской лексике: лат. *opus*, *-eris* генетически связано с древнеиндийским *aras* «дело», «труд», «работа», *ab hvarah* «хорошо выполненная работа». В таких основах им. п. со времен индоевропейской общности имел тембр «О»: гр. *ὑερος* род. п. *ὑενοιοσ*, *ὑεγεος*, ст.-сл. им. п. небо, род. п. небесе. Это чередование сохранено в латинском языке: им. п. *-opus* (**opros*), род. п. *operis*; *genus*, род. п. *generis*. В слове *opus*, таким образом, *s* является основообразующим и сохраняется при образовании поздних производных: *operor*, *-atus sum*, *-ari*; *operatio*, *operatus*, *operator*, *-atrix*, *operatorius*, *operativus*, где *s* > *r*²⁾. В словах: *orifex*, *officina*, *orificium* этого *s* нет. Исходя из сказанного, перейдем к анализу. Рассмотрим слово *orifex*. Поскольку в композите *orifex* первый компонент не сохраняет *s* основы, возможно связать слово *orifex* с формой *ops*, *opis* «богатство». Выражение *orifex* можно рассматривать как сложение основы *ops* с элементом *-fex* из *facio* (*fex* < *facio*, где *a* > *e*, *artifex*, *arti-fac-s*, *artificis*, *aurifex* и *aurufex*, *auro-fac-s*)³⁾. В пользу связи композита *orifex* с основой *ops* говорит

*) В латинско-польском словнике *orifex* рассматривается производным от *opus*, *orificium* от *orifex*; У Форчеллини *orifex* приводится тоже как производное от *opus*; Тибо рассматривает слово *officina* как производное от *ops* или *opis*¹⁾.

* Производные от обеих основ (*ops* и *opus*) живут и в современных романских языках: ум *orifice*, лат. *orifex* (от *ops*) и итальянское *operaio*, лат. *operarius* (от *opus*). Во французском языке *oeuvre* и *ouvrier* (лат. *opus* и *operarius*) с фонетическими изменениями латинского «о».

¹⁾ Słownik łacińsko-polski. T. 3, Warszawa, 1969; A. E. Forcellini. Totius Latinitatis Lexicon. Prati, 1858—1876; M. Thibaut. Dictionnaire Français—Allemand et Allemand—Français. Brunswick, 1902.

²⁾ A. Walde, I. B. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938.

³⁾ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 91, 157.

и сама тенденция развития языка. В исторической перспективе развитие индоевропейской лексики шло по пути абстрагирования значения слов. Форма *ops* означает «материальные блага, богатство», а также «силу» и «помощь» (*opes et ops sunt etiam vis, potentia qua alteri euxiliamur*. Forcellini. «*Ops* и *opes* есть также сила, мощь, которой мы помогаем другим»). В таких значениях оно употребляется у античных авторов. В понятиях «сила», «помощь» уже есть конкретизация по сравнению с абстрактной семантикой «богатство». Но необходимо подойти к более древнему значению, и в конкретизации понятия *ops* можно идти дальше. В культовой лексике часто сохраняются наиболее древние формы и значения слов. Поэтому для нас важно отметить, что божество, благословляющее урожай, носит имя *Ops*. В латинском имени *Ops* выражена идея изобилия, в более узком смысле — идея плодородия земли. Как интересная параллель к латинскому имени божества урожая *Ops* служит греческое слово *ὀπλος* «сок, жирность, влага, обильно текущая». Влага, обильно питающая почву, и жирность, делающая землю плодородной, неизбежно связываются с представлением о плодородии и урожае. В явной семантической связи с формой *ὀπλος* выступает слово *ὀπλνία* «кормилица» — эпитет греческого божества Деметры. Приводимую форму *ὀπλνία* можно считать формой женского рода прилагательного *ὀπλνιος*, α, ον «хлебный», «зерновой», также «обильный», «богатый»⁴⁾, в переносном смысле «питательный», сюда же относится гр. *ὀπλνῆ* «питание». Эти формы являются фонетическим соответствием к лат. *ops*. Звук «μ» в формах *ὀπλνία* и *ὀπλνῆ* можно рассматривать как часто встречающийся инфикс (перед звуками π, β). Этот инфикс не меняет внутренней семантики слова. Вероятно, имеется еще и типологическая параллель в значении имени Деметры и имени божества *Ops*. Деметра-божество растительного мира, ее непременным атрибутом является сноп хлебных колосьев. Во время своих странствий она учила народ хлебопашеству⁵⁾. На основе соотнесенности латинских и греческих форм можно сказать, что более конкретное (следовательно, и более древнее) значение элемента *ор-* связано с понятиями урожая и плодородия. Теперь проследим развитие интересующего нас элемента *ор-* в более поздних индоевропейских языках: др. в. нем. *uoba* н. в. нем. *üben*, диал. *uoba*, *uor*, das *Üben* «земледелие», «хлебопашество». (В этих формах стражаются закономерные соответствия звуков «р» и «b» в германских языках)⁶⁾. В семантическом плане можно видеть связь индоевропейского корня **ор-* с тем конкретным значением «урожая», которое было отмечено в латинских и греческих формах. Необычайно интересно сопоставить индийские формы с германскими: др. инд. *арпас* «доход», «имущество», «владение», ав. *afnah-vant* «богатый в имуществе». Можно видеть осложненную основу, особенно развившуюся в авестийской форме. В своем значении эти формы соприкасаются с германскими, а также латинскими и греческими.

Остановимся еще на некоторых германских формах: др.-в.-нем. *uoben* (из *cljan*) «выполнять», «исполнять», «заниматься ремеслом», древнеисл. *Øfa* «упражнять», *efna* «выполнять», «исполнять», древнесакс. *obian*, англосакс. *efnāt* «действовать», «работать». (Формы с *f* вместо *p* отражают переходную ступень первого германского передвижения согласных $p > f$, $f > b$. Таким образом, и.-е. корень **ор-* в смысловом отношении не оставался статичным, развиваясь от значения плодородия

⁴⁾ Słownik łacinsko-polski. T. 3. Warszawa, 1969.

⁵⁾ Ф. Любкер. Реальный словарь классической древности. СПб., М., 1883, стр. 291.

⁶⁾ W. Braune. Althochdeutsche Grammatik. Halle, 1955, S. 130—131.

к обозначению тех усилий, которые вкладывались в обработку земли. Сделать землю плодородной и урожайной можно было только с помощью физических усилий и напряженного труда. Семантика элемента ор- развивается от более конкретного понятия «обрабатывать именно землю» к понятию «трудиться вообще». Такая семантика сближает результаты развития композита ор- с теми значениями, которые развивались от основы *opus*.

Следовательно, на более поздней ступени развития происходит семантическое сближение компонента ор- и основы *opus*. Так как слово *orifex* по своему образованию, как было показано, связано с элементом ор- (*ors, opis*), то можно предположить, что наиболее древним его значением было «обрабатывающий землю», «земледелец», а потом уже вообще, «занятый трудом», «совершающий работу», «ремесленник». В таком значении слово встречается у античных авторов. Они же называют место работы олифика — *officina*.

Само выражение *orifex* послужило производящей основой для образования выражения *officina*. Но эта связь в слове *officina* сразу не осознается. Однако *officina* считается стяженной формой из *orificina* (от *orifex*) через синкопу и последующую ассимиляцию $p > f$ ⁷⁾. Нестяженная форма этого слова встречается у Плавта.

Высказывается мнение, что существительные типа *of-ficina* с суффиксом *-ina-* осознавались первоначально как прилагательные. Эти формы могли быть женского и среднего рода: *tonstrina*, *um.* (*tonsor*), «цирюльня» («цирюльник»), *pistrina* (пекарня), *sutrina* (сапожная мастерская), *moletrina* (мельница), *officina* (*orifex*) «мастерская» («ремесленник»), *lapicidina* (*lapicida*) «каменоломня» (каменотёс)⁸⁾. И, действительно, у античных авторов встречаются такие формы в значении прилагательных. Форчеллини дает для формы *sutrina* значение не только существительного, но и прилагательного: *item ipsa sutoris ars* «также и само сапожное ремесло». Он приводит пример из Витрувия:

sutrinam, vel fullonicam facere «заниматься сапожным ремеслом или ремеслом валяльщика», т. е. *sutrina* употребляется как определение при *ars* «ремесло». Затем подобные прилагательные субстантивируются. Многочисленная группа таких прилагательных начинает обозначать место, где совершается соответствующая работа. В таком значении употребляет слово *officina* Цицерон (*De off.* 142), Гораций (*I. Od.* 4.7): *Dum graves Cyclopi Vulcanus ardem urit officinas*. «А сам Вулкан разводит огни, сулящие циклопам новый труд»⁹⁾.

Слово получает более общий смысл, на что указывают многочисленные определения, встречающиеся при латинском *officina*: *officina ferraria* «кузница», *officina fullonum* «сукновальня» (*Plin.* 16.68; 35.11.40), «мастерская художника» *officina pictoris* (*Plin.* 35.36.23). Необходимо сказать еще об одном виде оффиции — об аптеках. *Officina medicamentorum* была известна римлянам как мастерская лекарств. В них лекарства по преимуществу не только хранились, но и изготавливались. Термин же *αποθήκη* обозначал хранилище продуктов и предметов (вин, книг, лекарств). Такое употребление этого слова характерно еще для эпохи III в. н. э. Гален назвал свое знаменитое собрание книг термином *αποθήκη*.

⁷⁾ См. прим. 2, стр. 89, 115; F. Sommer. *Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre*. Heidelberg, 1914, § 137; V. Pisanì. *Glottologia*. Torino, 1961, § 74.

⁸⁾ F. Stolz und J. Schmalz. *Lateinische Grammatik*. München, 1928.

⁹⁾ Гораций. Оды. Пер. с лат. А. Фета. Кн. 1, ода 4, стр. 7.

Общие сведения по культуре древнего Рима позволяют представить характер и размер древних оффицин. В мастерской Верекунда (Помпеи) работали одновременно и красильщики и шерстобиты¹⁰). Ясно, что такие мастерские были больших размеров. В них не только изготовляли товар, но и торговали им, поэтому оффицина совмещала в себе и лавку, и мастерскую (значение «лавка» приводится у Форчеллини). Торговля на улицах была характерной чертой древнего Рима. Перед мастерскими прямо на улицах можно было видеть готовые изделия. Значение слова настолько расширяется, что оно служит и для названия каменоломни¹¹), т. е. officina начинает обозначать в более широком смысле почти любое место, где работают.

Жизнь слова продолжается и в более позднее время. В средневековье оно проникает в сферу церковной лексики: во множественном числе имеет значение молельни или молельного храма, в котором тщательно сохранялось все необходимое для быта и других нужд монахов¹²). Все употребления слова officina показывают семантическую связь с композитом opifex, но в его более поздних значениях, соединенных с понятием «работа».

Наконец, рассмотрим выражение opificium, связанное с анализируемыми словами элементом ор-. Opificium — «совершенная работа», и в таком употреблении слово встречается у античных авторов. В этом смысле латинское opificium продолжает семантическое развитие рассматриваемых слов. Но opificium путем синкопы и ассимиляции дает officium. Officium же имеет значение «морального долга, службы, обязанности». Форчеллини и М. Bréal дают этимологию лат. officium от глагола officio. Глагол же officio (obfacio) означает «препятствовать, закрывать дорогу». Тогда неясно откуда берётся положительный смысл существительного officium при отрицательном значении самого глагола, если принять слово officium как образование от ob и facere.

По-видимому, указанное значение латинского officium идёт от одного из значений слова ops «сила», «помощь». Если в композите officium предполагаем элемент ор-, тогда, по-видимому, слово должно восходить к глагольной форме *opificio, которая, впрочем, не засвидетельствована в латинском языке. Существование в латинском языке отглагольных образований типа opifex, officina, opificium дает право

реконструировать глагол *opificere. Исходным значением предполагаемого глагола могло быть «помогать своим влиянием, силой», по-видимому, первоначально «помогать исполнением какой-то работы». Помощь, вероятно, оказывалась сначала в личном плане какому-то индивиду — частному лицу. Сочетание officia suprema — похороны (т. е. последний долг по отношению к умершему) хорошо иллюстрирует такое употребление слова. От личной, частной услуги переходят к служению личностям, коллективу, потом уже государству. Понятие «долга, обязанности» в личном плане приобретает более общее значение «долга», «обязанности» по отношению к государству. Очевидно, такие значения, как «чиновничий, бюрократический», более поздние так же как и значение, относящееся к церковной лексике: «церковная служба».

Проанализировав имеющиеся материалы, мы можем сделать вывод о генетическом родстве латинских слов: opifex, officina, opificium. Интересно было также проследить их семантическое развитие. Оно дает ос-

¹⁰) М. Е. Сергеев. Помпеи. Л., 1949, гл. 6.

¹¹) А. Е. Forcellini. См. прим. I.

¹²) Du Cange. Glossarium Mediae et infimae Latinitatis. 1886.

нование предположить, что наиболее древним значением латинского *orifex* было «земледелец», более поздним же «тот кто работает», «ремесленник». Слово *officina*, первоначально «лавка», «мастерская» стало служить обозначением почти любого места, где совершается «работа». Выражение *officium* в своей семантике связано с другим вариантом элемента *or-* «помощь», но связь с понятием «работа» не утрачена: оказывать услугу $\longleftrightarrow$ выполнять работу.

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Дульзон. Селькупские тексты	3
В. П. Берков. Решение вопроса об опорном слове в двуязычных словарях	16
Э. Ф. Молина. О некоторых особенностях глагольных форм латинского языка	26
Ю. В. Откупщиков. Брусника (историко-этимологический этюд)	31
Н. А. Першина. К названию года в индоевропейских языках	38
В. Д. Фатнева. О латинском слове <i>candela</i>	44
Т. И. Никитина. О греческом слове <i>χαμαρα</i> , <i>ηf</i>	49
С. У. Родионов. Об аналитичности форм «habban+причастие II» и «wesap+причастие II» в древнеанглийском языке	52
Г. А. Чупина. Предложения с <i>quip</i> в функции побуждения (на материале Плавта)	61
М. И. Откупщикова. Взаимные местоимения в русском языке	66
П. М. Коптелов. О структуре таймырских гидронимов нганасанского происхождения	74
М. А. Гуревич. <i>Opifex, officina, opificium</i>	90

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Ученые записки ТГУ, № 93

Томск. Изд. ТГУ, 1975 г., 95 с.

Главный редактор **В. С. Сумарокова**
 Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
 Корректор **Н. С. Поддубная**

К306183	Сдано в набор 20/XII-72 г.	Подписано к печати 21/V-75 г.
	Формат 70×108 ¹ / ₁₆ ; п. л. 6; уч.-изд. л. 7,6; усл. п. л. 8,4	
	Заказ 7435	Тираж 500 Цена 76 коп.

Издательство ТГУ. Томск-29, ул. Никитина, 17
 Типография издательства «Красное знамя», ул. Советская, 47.

1-209812

Цена 76 коп.

Томский государственный университет

Научная библиотека 00297119